

ISSN 2409-8701 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-03-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, tro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-03-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpo-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопад Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгальчев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ей1ская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviatzionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Yeiskaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

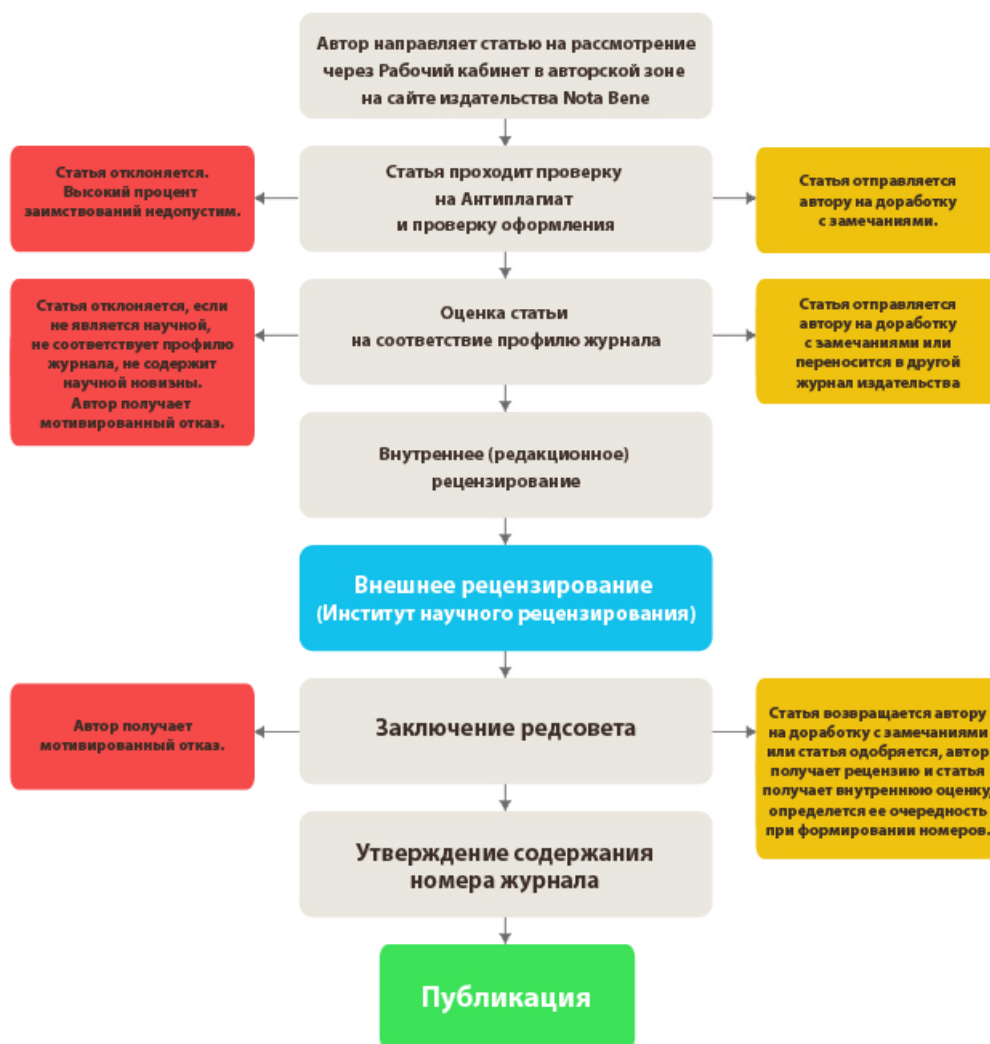
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Науменко Е.А., Науменко О.Н. Особенности психографического портрета жителей северных территорий и арктической зоны ХМАО-Югры и ЯНАО, имеющих опыт противоправного поведения	1
Мартьянова Г.Ю. Влияние тревоги на саморегуляцию клиентов психологического консультирования в ситуации неопределенности	14
Толстых Л.Р., Гольберт Е.В. Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения	24
Якимова З.В. Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования	32
Якиманская И.С., Молокостова А.М. Исследование восприятия подростками психологической безопасности образовательной среды	51
Потапова Е.В., Аникина М.А., Чистов Р.С., Гудовский И.В., Шепелева Ю.С. Исследование взаимосвязи тревожности и социометрического статуса педагогов средней школы.	65
Артюхова Т.Ю., Бенькова О.А., Барканова О.В., Федорова Е.П., Артюхов А.Н. Влияние индивидуально – личностных характеристик социальных работников на стиль профессиональной деятельности	77
Англоязычные метаданные	96

Contents

Naumenko E.A., Naumenko O.N. Features of the Psychographic Portrait of the Residents with Criminal Record living in Northern Territories and the Arctic Zone of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug	1
Martyanova G.Y. The Influence of Anxiety on the Self-Regulation of Psychological Counseling Clients in a Situation of Uncertainty	14
Tolstykh L.R., Gol'bert E.V. Features of the Motivational and Value Sphere of Students of Different Courses of Study	24
Yakimova Z.V. Professional Stress in Law Enforcement: Foreign and Domestic Research Experience	32
Iakimanskaia I., Molokostova A.M. The Study of Adolescents' Perception of the Psychological Safety of the Educational Environment	51
Potapova E.V., Anikina M.A., Chistov R.S., Gudovskii I.V., Shepeleva Y.S. The Study of the Relationship Between Anxiety and the Sociometric Status of Secondary School Teachers.	65
Artyukhova T.Y., Ben'kova O.A., Barkanova O.V., Fedorova E.P., Artyukhov A.N. The Influence of Individual and Personal Characteristics of Social Workers on the Style of Professional Activity	77
Metadata in english	96

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Науменко Е.А., Науменко О.Н. — Особенности психографического портрета жителей северных территорий и арктической зоны ХМАО-Югры и ЯНАО, имеющих опыт противоправного поведения // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.38854 EDN: KPDUWU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38854

Особенности психографического портрета жителей северных территорий и арктической зоны ХМАО-Югры и ЯНАО, имеющих опыт противоправного поведения

Науменко Евгений Александрович

ORCID: 0000-0002-0235-8036

доктор психологических наук

профессор, Югорский государственный университет

628011, Россия, ХМАО-Югра автономный округ, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, оф. 303

✉ hea2004@mail.ru



Науменко Ольга Николаевна

ORCID: 0000-0002-4601-978X

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник, Югорский государственный университет

628011, Россия, ХМАО-Югра область, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, оф. 303

✉ oolgann@mail.ru



[Статья из рубрики "Индивид и личность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.38854

EDN:

KPDUWU

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2022

Дата публикации:

22-11-2022

Аннотация: Психографические особенности личности жителей различных регионов Российской Федерации представляют собой интересное и недостаточно изученное, с позиции психологического знания, явление. Представить такое явление, по нашему мнению, в рамках исследования личности, удобно в форме психологического портрета –

некой модельной конструкции, отражающей психологические особенности объекта исследования. Предметом исследования являются элементы психологического портрета личности исследуемого контингента, особенности которого составляют содержание модели психографического портрета жителей северных территорий. Параметры и модельные характеристики личности исследуемой выборки жителей региона могут представлять интерес для широкого круга самых различных практик – педагогических, управленческих, юридических, профессиональных и других. В исследовании, отраженном в материалах настоящей статьи представлены отдельные, композиционные параметры модельных характеристик, которые будут положены в основу общей психографической модели личности жителей северных регионов ХМАО-Югры и ЯНАО, имеющих опыт противоправного поведения. Такое исследование актуально и ориентировано в практике педагогической, юридической работы с населением отмеченных регионов. При возможности аналогичную практику научного исследования по представляемой теме можно перенести и на другие регионы Севера и Арктической зоны Российской Федерации. Решение поставленной задачи представляет собой системную часть исследовательского проекта РНФ под общим названием «Опыт применения обычного права, история и гуманизация пенитенциарных учреждений Югры в рамках европейской и российской традиций (конец XVI - начало XXI веков)». Исследование имеет практическое значение, и его результаты, мы надеемся, будут востребованы специалистами широкого круга самых различных социальных практик. Основным, обобщенным выводом исследования являются статистически подтвержденные особенности личности исследуемого контингента, отражающие модельные характеристики их своеобразия относительно противоправного поведения.

Ключевые слова:

психографический портрет, противоправное поведение, территория, личность, национальность, фактология, психометрика, моделирование, статистический анализ, север

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28 20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

Введение. Определенный научный интерес представляет изучение личности различных категорий граждан, проживающих на территориях Севера и Арктической зоны ХМАО-Югры и ЯНАО. Вопрос об особенностях психологического склада личности граждан, имеющих опыт противоправного поведения (включая криминальный), живущих и работающих на указанных территориях, представляет особый интерес. Это связано с высоким уровнем миграционной активности территорий, где оборот трудовых ресурсов особенно значим в социальной, культурной, экономической, демографической сферах. Знание некоторых особенностей склада (модели) личности социально нестабильных граждан открывает возможности более целенаправленного, адресного управления такими контингентами со стороны социального, административного, педагогического, юридического воздействия на них. Нами предпринята попытка определить некоторые личностные особенности таких граждан и дать психологическую оценку их проявлению и значению.

Обзор литературы. Необходимо отметить факт того, что исследований личностных особенностей населения Севера и Арктической зоны совершенно недостаточно. В лучшем случае это работы, затрагивающие наиболее общие вопросы культуры, быта,

миграционных процессов, правовой, социальной проблематики. Наиболее полное и системное исследование, затрагивающее проблематику эмоционального спектра жителей северных и арктических территорий, осуществлено в диссертационном исследовании В.А. Лобовой (2007). Она исследовала процессы депрессивности, ее социально-психологической проекции, динамики и факторов природно-климатического воздействия на формирование и течение таких процессов. Автор особо затронул процессы «жизненного истощения» жителей Северных и Арктических территорий Российской Федерации, определив механизмы психологической регуляции основных жизненных функций [4]. Структуру личности подростка северных территорий изучал А.Н. Быстров. В своем монографическом труде (2018) он изложил вопросы исследования, структуры личности подростка в соответствии с основными подходами отечественных и зарубежных ученых. Автор обобщен многолетний опыт собственных эмпирических исследований и обозначены характерные особенности подростков Севера. Впервые с учетом климатогеографических, экологических и культурно-исторических факторов разработана концепция и выстроена структура личности подростка, проживающего в условиях Севера [5]. В работе автор рассмотрел и отметил такие важнейшие качества и свойства личности, как гендерная, социальная идентификация, индивидуальные свойства, особенности самосознания, эмоциональной и интеллектуальной сфер. Широкий спектр социальных фобий населения северных регионов изучает Ю.Ф. Лукин [6]. Он использует психологические методы экспериментального исследования в своей работе и отмечает факт того, что в структуре личности жителей северных и арктических регионов (в отличие от жителей других, более южных регионов) формируется ряд фобий, таких как климатические, социально-арктические, религиозные, экономические и другие. Способ формирования и динамика переживания фобий отличают жителей Крайнего Севера от других людей, живущих в южных регионах страны. Анализ психологических состояний личности специалистов, работающих в северных и арктических регионах, описывают А.И. Егорова и В.Я. Давыдова [7]. Авторы отмечают факт значительного снижения активности личности специалистов, работающих в северных и арктических регионах, связанных с истощением ресурсных возможностей психики, ускоренное профессиональное выгорание. В канву отмеченных данных, в качестве объяснительного документа, хорошо ложится концепция «обедненной жизненной среды» О.Н. Науменко [8], определяющая структуру факторов, в наибольшей мере влияющих на процессы социогенеза населения арктических и приарктических территорий. В рамках концепции отмечается значительный сдвиг в формировании личности и динамики личностных процессов граждан таких территорий, связанных с влиянием факторов «обедненной жизненной среды». В своих работах Е.А. Науменко, О.Н. Науменко и А.Г. Абдулин проанализировали фактологию процессов функционирования подсознания, интуитивных факторов и процессов идентификации молодежи северных регионов ХМАО-Югры и ЯНАО. В исследовании отмечается статистически значимый факт влияния иррациональных компонентов психики на развитие, форму и содержание психической жизни респондентов [9]. Особенности самосознания в формировании нормативных моделей социального поведения у жителей Крайнего Севера отмечает А.И. Жумабоева [11], исследуя процесс субъективного восприятия респондентами норм социального поведения. Интерес исследователей к витальным проблемам жителей российского Севера постепенно возрастает, этому способствует и значительное внимание Правительства Российской Федерации к проблемам северных территорий страны, отраженных в целом ряде правительственных документов. Фактологические данные об особенностях личности жителей регионов с экстремальными условиями жизни приводит также ряд авторов [18; 19; 20].

Материалы и методы. В экспериментальном исследовании принимали участие граждане, проживающие на территории ХМАО-Югры и ЯНАО, обоего пола, общим количеством 418 человек, из них 220 женского пола, 198 мужского. Возраст от 17 до 45 лет. Исследовательский интерес представляли не только различия в психологических характеристиках, связанных с половыми особенностями респондентов. Нами также выделялись группы исследуемых по национальному признаку («национальный характер»). Выделены такие группы испытуемых: русские, украинцы, белорусы – (славянская группа); малочисленные коренные народы Севера (ханты, манси, ненцы...); тюркские народы (татары, казахи, киргизы...); кавказские народы. Выборка респондентов отражала также социальную ориентированность, связанную с профессиональной принадлежностью, которые учитывались в нашем исследовании косвенно.

Метод сбора данных. Исследование проводилось в период 2022 года. Сбор фактологических данных осуществлялся широкой группой специально подготовленных лиц из числа студентов Югорского государственного университета в ходе выездных исследовательских сессий. Ими использовался одинаковый методический инструментарий и единообразный алгоритм экспериментальной работы. Основным инструментом сбора фактологического материала являлась методика социально-психологической дезадаптации К. Роджерса - Р. Даймонда [1]. В качестве дополнительных использовались методики, определяющие параметры неуправляемой эмоциональной возбудимости (импульсивности) В.В. Бойко [2]. Определялись три уровня эмоциональности: пониженный, средний и повышенный. Уровень развития интеллекта личности испытуемых (проекция интеллектуальности) изучался в рамках использования методики прогрессивных матриц Дж. Равена в его стандартном (черно-белом) варианте [3]. Испытуемым последовательно предлагалось по три задания (3, 6, 11-е) каждой из пяти серий. Результаты интерпретировались как посредственные, нормативные и повышенные, посредством оценки выполнения заданий по последовательно предложенным сериям.

Количественная обработка данных осуществлялась посредством использования пакета программ SPSS Statistics 19.0. В рамках пакета статистик использованы методы обработки данных: r критерий корреляции Спирмена, факторный эксплораторный анализ (Factor Loadings, Varimax normalized), дисперсионный факторный анализ (ANOVA, критерий Kruskal-Wallis для связанных выборок), хи-квадрат критерий для установления различий между связанными выборками.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим показатели количественного анализа полученных данных исследования особенностей психографического портрета [12;13;14;15; 16;17] жителей северных территорий и Арктики ХМАО и ЯНАО.

Таблица 1

Описательные статистики параметров социально-психологической дезадаптации

Измеряемые переменные	Описательные статистики					
	Количество испытуемых	Среднее	Медиана	Минимальное значение по выборке	Максимальное значение по выборке	Стандартный отклон

пол	418	1,5	2	1	2	0,50
национальность	391	1,4	1	1	5	0,82
адаптивность	411	136,3	137	17	186	22,35
дезадаптивность	411	77,0	75	6	166	33,33
искренность	411	16,7	16	0	127	11,48
неискренность	411	15,5	16	2	100	6,53
приятие себя	411	35,6	37	0	441	27,86
неприятие себя	411	24,5	22	0	62	13,68
приятие других	411	21,9	23	2	35	6,49
неприятие других	411	18,8	20	0	37	7,53
эмоц. комфорт	411	21,7	23	0	40	7,92
эмоц. дискомфорт	411	18,1	18	0	42	9,68
внутр. контроль	411	55,4	55	15	79	9,03
внеш. контроль	411	19,7	19	0	63	10,25
доминирование	411	9,7	10	1	40	3,99
ведомость	411	17,1	17	2	32	6,01
эскапизм	411	13,4	14	0	27	5,02

Большая часть измеряемых переменных находится в средненормативном коридоре. Показатели искренности – неискренности – занижены. Показатели внутреннего контроля завышены. Оценка проводится относительно норм для взрослых людей.

Корреляционный анализ

Наблюдаются положительные, статистически значимые корреляции пола и таких переменных как адаптивность (0,12) и внешний контроль (0,18) при $p < 0,05$. Это значит, что женщины более адаптивны и имеют более выраженный внешний контроль, нежели мужчины.

Связи профессиональной ориентированности и национальности не интерпретируются.

Связи показателей адаптивности – дезадаптивности.

Наблюдается положительная корреляционная связь между дезадаптивностью и искренностью (0,14 при $p < 0,05$) и адаптивностью и неискренностью (0,12 при $p < 0,05$). Это означает, что люди стремятся рассказать о себе именно тогда, когда испытывают страдания и предпочитают умалчивать о себе, когда вполне благополучны.

Адаптивные люди склонны принимать себя (0,18 при $p < 0,05$), принимать других (0,23 при $p < 0,05$), испытывать состояние эмоционального комфорта (0,16 при $p < 0,05$), демонстрировать внутренний контроль (0,44 при $p < 0,05$), доминирование (0,38 при $p < 0,05$)

Дезадаптивные склонны не принимать себя (0,22 при $p < 0,05$), не принимать других (0,49 при $p < 0,05$), испытывать состояние эмоционального дискомфорта (0,57 при $p < 0,05$), демонстрировать внешний контроль (0,82 при $p < 0,05$), ведомость (0,70 при $p < 0,05$), эскапизм (0,73 при $p < 0,05$).

Искренность – не искренность.

Люди, склонные сообщать о себе более достоверные сведения испытывают

эмоциональный дискомфорт (0,15 при $p < 0,05$), склонны демонстрировать внешний контроль (0,24 при $p < 0,05$), ведомость (0,13 при $p < 0,05$), эскапизм (0,12 при $p < 0,05$).

Приятие себя – неприятие себя.

Люди, склонные принимать себя принимают и других (0,40 при $p < 0,05$), испытывают эмоциональный комфорт (0,41 при $p < 0,05$), демонстрируют внутренний контроль (0,14 при $p < 0,05$).

Люди склонные не принимать себя не принимают и других (0,66 при $p < 0,05$), испытывают эмоциональный дискомфорт (0,68 при $p < 0,05$), демонстрируют внешний контроль (0,20 при $p < 0,05$), ведомость (0,16 при $p < 0,05$), эскапизм (0,18 при $p < 0,05$).

Приятие других – неприятие других.

Люди, принимающие других испытывают эмоциональный комфорт (0,63 при $p < 0,05$), демонстрируют внутренний контроль (0,20 при $p < 0,05$). Люди, не принимающие других испытывают эмоциональный дискомфорт (0,70 при $p < 0,05$), демонстрируют внешний контроль (0,20 при $p < 0,05$), ведомость (0,30 при $p < 0,05$) и эскапизм (0,36 при $p < 0,05$).

Эксплораторный факторный анализ.

Группирование показателей социально-психологической дезадаптации.

Факторизация данных позволила выделить 6 факторов с общей нагрузкой 69,6%

Таблица 2

Нагрузка факторов

№ факторов	Факторные нагрузки, извлечение методом главных компонент			
	Собственное значение	Общая дисперсия	Коммулятивное значение фактора	Совокупное значение фактора (факторная нагрузка)
1	4,489068	24,93927	4,48907	24,93927
2	2,863037	15,90576	7,3521	40,84503
3	1,829518	10,16399	9,18162	51,00902
4	1,266584	7,03658	10,44821	58,04559
5	1,072925	5,96069	11,52113	64,00628
6	1,007989	5,59994	12,52912	69,60622

Первый фактор (нагрузка 24,9%) является униполярным и включает такие переменные как дезадаптивность (0,95), внешний контроль (0,85), эскапизм (0,81) и ведомость (0,77), эмоциональный дискомфорт (0,57), неприяние других (0,48). То есть дезадаптированные люди обладают внешним контролем, испытывают эмоциональный дискомфорт, не принимают других, пользуются стратегиями эскапизма и ведомости.

Второй фактор (нагрузка 15,9%) является биполярным и на одном полюсе включает неприяние себя (-0,85), неприяние других (-0,68), на другом – приятие других (0,82), эмоциональный комфорт (0,84). То есть люди делятся на: 1) принимающие других и испытывающие от этого эмоциональный комфорт и 2) не принимающие себя и не принимающие других.

Третий фактор (нагрузка 10,16%) является униполярным и включает такие переменные как внутренний контроль (0,74), адаптивность (0,73), доминирование (0,70). То есть адаптивные люди, это прежде всего, обладающие высоким внутренним контролем и использующие поведенческую стратегию доминирование.

Четвертый фактор (нагрузка 7%) является униполярным, включает указания на специальность (-0,82), национальность (-0,67). Предположительно объединяет признаки представителей юридических и гуманитарных профессий с одной стороны и титульной нации и коренных малых народов севера, с другой стороны.

Пятый фактор (нагрузка 5,96%) униполярен, включает показатели пола (0,8), искренности (0,58), что позволяет нам говорить о том, что женщины склонны сообщать более достоверную информацию.

Шестой фактор (нагрузка 5,59%) униполярен, включает показатель неискренности (0,96).

По сути, в практической интерпретации стоит пренебречь 4, 5, 6 факторами, поскольку они не несут смысловой нагрузки. Единственное что в этой ситуации смущает – кумулятивная нагрузка оставшихся факторов резко падает до 51%, приемлемым считается около 75%. Но на самом деле, последние три фактора содержательно и не интерпретируются.

Дисперсионный анализ (ANOVA) для связанных выборок.

Оценка вклада фактора пол оказалась значимой для каждой переменной: Wilks lambda = 0,865675, $F(13, 297) = 3,545$, $p = 0,000035$.

Все измеряемые показатели выше именно у женщин.

По факторам специальности и национальности значимого вклада ни в одну из переменных нет.

Следующий этап расчетов: сравнительный анализ вклада градаций факторов.

Таблица 3

Сравнительный вклад градаций фактора национальность в показатель эмоционального дискомфорта

Зависимая переменная: эмоциональный дискомфорт	Эмоциональный дискомфорт; национальность. Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 418) = 12,56647$; $p = ,0136$			
	Код национальности	Количество испытуемых	Сумма показателя	Среднее показателя
1	1	239	38658,00	161,7490
2	2	63	3432,50	149,2391
3	3	80	3980,00	113,7143
4	4	39	821,00	102,6250

Люди разных национальностей отличаются друг от друга по показателю эмоционального дискомфорта Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 306) = 12,56647$ $p = ,0136$. Наибольший уровень дискомфорта испытывают представители категории 1 (русские, украинцы, немцы), далее – малые коренные народы Севера, далее тюркские народы и наименьший дискомфорт испытывают представители кавказских народов и люди, не указавшие национальность.

Таблица 4

Сравнительный вклад градаций фактора национальность в показатель принятия других

Зависимая переменная: принятие других	Принятие других; национальность. Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 418) = 10,01340$; $p = ,0402$			
	Код национальности	Количество испытуемых	Сумма показателя	Среднее показателя
1	1	239	35001,50	146,4498
2	2	63	3611,00	157,0000
3	3	80	6443,50	184,1000
4	4	39	1740,00	217,5000

Люди разных национальностей отличаются друг от друга по показателю принятия других Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 306) = 10,01340$ $p = ,0402$. Наибольший уровень принятия демонстрируют представители кавказских народов, потом представители тюркских народов, далее представители малых коренных народов севера и наименее принимающие других – представители русских, украинцев, немцев.

Таблица 5

Сравнительный вклад градаций фактора национальность в показатель принятия себя

Зависимая переменная: принятие себя	Принятие себя; национальность. Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 418) = 24,96528$; $p = ,0001$			
	Код национальности	Количество испытуемых	Сумма показателя	Среднее показателя
1	1	239	33546,50	140,3619
2	2	23	4384,50	190,6304
3	3	35	7039,00	201,1143
4	4	8	1797,00	224,6250

Респонденты разных национальностей отличаются друг от друга по показателю принятия себя Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 306) = 24,96528$ $p = ,0001$. Наиболее принимающие

себя представители кавказских народов, потом представители тюркских народов, далее – малые коренные народы севера и наименее принимающие себя – представители русских, украинцев, немцев

Таблица 6

Сравнительный вклад градаций фактора национальность в показатель
непрития себя

Зависимая переменная: непритие себя	Непритие себя; национальность. Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 418) = 20,67761; p = ,0004$			
	Код национальности	Количество испытуемых	Сумма показателя	Среднее показателя
1	1	239	39441,00	165,0251
2	2	23	3067,50	133,3696
3	3	35	3546,50	101,3286
4	4	8	849,00	106,1250

Люди разных национальностей отличаются друг от друга по показателю непрития себя Kruskal-Wallis test: $H(4, N = 306) = 20,67761 p = ,0004$. Наиболее не принимающие себя представители русских, украинцев, немцев; далее – представители малых коренных народов севера, далее – представители кавказских народов, и наименее не принимающие себя – представители тюркских народов.

Заключение. Результаты количественного и качественного анализа, полученные в экспериментальных фактологических данных, позволяют сделать определенные выводы в соответствие с поставленной в исследовании задачей. Такие данные могут быть положены в модель психографического портрета жителя северных и арктических территорий указанного в исследовании региона.

1. Прежде всего необходимо отметить различия в гендерном аспекте изучаемой выборки мужчин и женщин. Выявлен факт наиболее быстрой, пластичной и целенаправленной социальной адаптации к реальным условиям жизни на Севере у женщин. Механизм внешнего контроля более существенно влияет на женщин по сравнению с мужчинами. Об этом свидетельствуют статистически значимые коэффициенты пола и таких переменных как адаптивность (0,12) и внешний контроль (0,18) при $p < 0,05$.

2. Описательные статистики свидетельствуют о том, что в целом по выборке респондентов показатели искренности – неискренности – занижены. Показатели внутреннего контроля завышены.

3. По показателям социальной открытости-закрытости оценки по выборке в целом распределились разнонаправленно. Склонные принимать себя принимают и других (0,40 при $p < 0,05$), испытывают эмоциональный комфорт (0,41 при $p < 0,05$), демонстрируют внутренний контроль (0,14 при $p < 0,05$). Склонные не принимать себя не принимают и других (0,66 при $p < 0,05$), испытывают эмоциональный дискомфорт (0,68 при $p < 0,05$),

демонстрируют внешний контроль (0,20 при $p < 0,05$), ведомость (0,16 при $p < 0,05$), эскапизм (0,18 при $p < 0,05$). Такие показатели говорят о том, что среднестатистический показатель социальной открытости-закрытости имеет значительный разброс, характеризуя выборку в целом по такому показателю как вариативную и разнонаправленную.

4. Связи профессиональной ориентированности и национальности не выявлены и не интерпретируются. Об этом же свидетельствуют и данные процесса факторизации изучаемых переменных, по факторам специальности и национальности значимого вклада ни в одну из переменных нет.

5. Наибольший вклад в психометрический портрет внесли данные факторизации. Наиболее информативными оказались первые три фактора (общая информативность 51%):

Первый фактор (факторный вес 24,9%). Он является униполярным и включает такие переменные как дезадаптивность (0,95), внешний контроль (0,85), эскапизм (0,81) и ведомость (0,77), эмоциональный дискомфорт (0,57), непринятие других (0,48). То есть дезадаптированные люди обладают внешним контролем, испытывают эмоциональный дискомфорт, не принимают других, пользуются стратегиями эскапизма и ведомости.

Второй фактор (нагрузка 15,9%) является биполярным и на одном полюсе включает неприятие себя (-0,85), неприятие других (-0,68), на другом – принятие других (0,82), эмоциональный комфорт (0,84). То есть люди делятся на: 1) принимающие других и испытывающие от этого эмоциональный комфорт и 2) не принимающие себя и не принимающие других.

Третий фактор (нагрузка 10,16%) является униполярным и включает такие переменные как внутренний контроль (0,74), адаптивность (0,73), доминирование (0,70). То есть адаптивные люди, это прежде всего, обладающие высоким внутренним контролем и использующие поведенческую стратегию доминирования.

6. Дисперсионный анализ для связанных выборок показал, что оценка вклада фактора пол оказалась значимой для каждой переменной: Wilks lambda = 0,865675, $F(13, 297) = 3,545$, $p = 0,000035$. Все измеряемые показатели выше именно у женщин.

7. Выявлено различие показателей эмоционального дискомфорта по показателям национальности. Наибольший уровень дискомфорта испытывают представители первой группы (русские, украинцы, немцы), далее – малые коренные народы Севера, далее тюркские народы и наименьший дискомфорт испытывают представители кавказских народов и люди, не указавшие национальность.

8. Наибольший уровень принятия себя самого демонстрируют представители кавказских народов, потом представители тюркских народов, далее представители малых коренных народов севера и наименее принимающие других – представители русских, украинцев, немцев. Неприятие самого себя наиболее высоко в группах респондентов представителей русских, украинцев, немцев; далее – представители малых коренных народов севера, далее – представители кавказских народов, и наименее не принимающие себя – представители тюркских народов.

9. Уровень интеллектуальных возможностей также имеет значительную вариативность и не определяется статистическими показателями для национальной группы в целом. Между группами значимых различий не выявлено.

Сравнительные характеристики приведенных в статье показателей психометрической модели будут пополняться новыми данными, при работе с другими выборками респондентов и расширением их содержательных данных.

Библиография

1. Адаптация личности по опроснику СПА А.К. Осницкого. URL: http://studopedia.ru/10_19850_adaptatsii-lichnosti-po-oprosniku-spa-akosnitskogo.html
2. Бойко В.В. Методики экспресс-диагностики эмоциональности. <https://xn--123-3ed8d.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/06/Metodiki-dagnostiki-emotsionalnoj-sfery.pdf>
3. Психологическая тестотека. Стандартные прогрессивные матрицы М. Равена. <http://testoteka.narod.ru/int/1/07.html>
4. Лобова В.А. Социально-психологические закономерности генезиса депрессивных состояний у населения крайнего Севера. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Надым, 2007. 34 с.
5. Быстров А.Н. Исследование структуры личности подростка Севера. М.: Изд-во «Флинта», 2018. 425 с.
6. Лукин Ю.Ф. Арктические социальные фобии // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 2-15.
7. Егорова А.И., Давыдова В.Я. Анализ психического состояния специалистов, работающих в арктических условиях // Современные исследования социальных проблем. 2018. Том 9. № 10. С.20-35.
8. Науменко О.Н., Науменко Е.А., Ткачева Т.В., Ткачев Б.П., Молданова Т.А., Харина Н.С. Природно-климатическое и гелиомагнитное влияние на трансформацию культур на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. В сб.: Социокультурное, правовое и экономическое развитие Западной Сибири. Сборник научных статей. Тюмень, 2019. С. 219-230.
9. Науменко Е.А., Науменко О.Н. Исследование интуитивных факторов асоциальных рисков в психотипах и культурах молодежи Северного региона Западной Сибири как новая научная проблема // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 6. С.5-9.
10. Науменко Е.А., Науменко О.Н., Абдулин А.Г. Особенности личностной идентификации молодежи северного региона // Гуманитарные науки. 2021. № 2 (54). С. 107-113.
11. Жумабоева А.И., Науменко Е.А. Социальное восприятие мер профилактической работы в сфере отклоняющегося поведения подростков в условиях Севера. В сб.: «Развитие Арктики и приарктических регионов России». Сборник научных статей. Тюмень: 2020. С. 178-185.
12. Пашенцева К.Д. Психологическое моделирование проблемных ситуаций в профессиональной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. М.: 2018. С. 384-387.
13. Канавина С.С. Психологическое моделирование: формирование авторской трехфазной модели кинопрофилактики // Методология современной психологии. 2021. № 13. С. 123-135.
14. Мельников В.М., Юров И.А. Психологическое моделирование спортивной успешности // Спортивный психолог. 2016. № 1 (40). С. 34-36
15. Харитоновна Е.В. Психологическое моделирование организационной культуры:

- теория и практика // Психология. Экономика. Право. 2014. № 2. С. 116-117.
16. Кидинов А.В. Психологическое моделирование внутригрупповых конфликтных // Дискуссия. 2012. № 3. С. 121-124.
17. Хох И.Р., Фарахьянова А.К. Личностные особенности индивидов, склонных к рискованному поведению // СМАЛЬТА. 2014. № 1. С. 21-25
18. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Гаспаршвили А.Т., Радкевич К.В., Захарова С.В. Личностные характеристики участников фокус-группового исследования как фактор повышения качества данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 722-738.
19. Собкин В.С., Лыкова Т.А. Личностные особенности и реакции на фрустрацию // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1 (99). С. 7-28.
20. Барадакова Н.В. Личностные корреляты представлений о ценностях частной жизни // Гуманизация образования. 2015. № 3. С. 54-59.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Особенности психографического портрета жителей северных территорий и арктической зоны ХМО-Югры и ЯНАО, имеющих опыт противоправного поведения».

Автором актуализирована проблема изучения личности различных категорий граждан, которые проживают на территориях Севера и Арктической зоны ХМАО-Югры и ЯНАО, в частности определен предмет - описание особенностей тех граждан, которые имеют опыт противоправного поведения.

Достоинства работы:

1). Проведено экспериментальное исследование на значительной выборке, полученные результаты были подвергнуты количественной и качественной обработке. Использовались такие методы обработки данных, как: r критерий корреляции Спирмена, факторный эксплораторный анализ (Factor Loadings, Varimax normalized), дисперсионный факторный анализ (ANOVA, критерий Kruskal-Wallis для связанных выборок), хи-квадрат критерий для установления различий между связанными выборками.

2). Автором получены значимые результаты, которые касаются: гендерных особенностей социальной адаптации к реальным условиям жизни, показателей социально открытости-закрытости оценки, связи профессиональной ориентированности национальности и т.д. Наибольшее значение имеют данные факторизации. Эти данные могут быть положены в модель психографического портрета жителя северных и арктических территорий указанного в исследовании региона.

Работа имеет четкую структуру, в которой выделяются: введение, обзор литературы, материалы и методы, результаты и обсуждение, корреляционный анализ, заключение. В заключении представлены структурированные и аргументированные выводы, обозначена практическая значимость и намечены перспективы дальнейшего исследования.

Основными рекомендациями являются следующие:

1). Во введении обозначить проблематику, актуальность, предмет и цель. В заключении выделить научную новизну.

1). Сделать более полный теоретический обзор и анализ работ по затронутой проблеме, осуществив упор, в том числе, на современные исследования. В библиографическом списке незначительное количество исследований последних лет

Высказанные положения являются рекомендациями и оставляются на рассмотрение автора.

Замечания:

1). Библиография статьи включает в себя 20 отечественных, незначительная часть которых издана за последние три года. Проблематика работ соответствует тематике статьи. В библиографии представлены научные статьи, авторефераты диссертаций, а также интернет-источники.

В оформлении некоторых источников литературы есть неточности (например, 1-4). Автору нужно обратить внимание на то, что 1/3 источников должны быть зарубежными, не менее половины должны быть за последние 3 года, особенности оформления и т.д.). Поэтому необходимо оформить библиографию строго в соответствии с Правилам оформления литературы 2022, размещенными в разделе «Авторам» - Правила оформления списка литературы.

Учет замечаний и рекомендаций позволит представить в редакционный совет целостную научную работу.

Статья актуальна с теоретической точки зрения, отличается несомненной практической ценностью. Работа может быть рекомендована к опубликованию с обязательной доработкой библиографического списка.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Мартыанова Г.Ю. — Влияние тревоги на саморегуляцию клиентов психологического консультирования в ситуации неопределенности // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39796 EDN: DIXHSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39796

Влияние тревоги на саморегуляцию клиентов психологического консультирования в ситуации неопределенности

Мартыанова Галина Юрьевна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии, Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

✉ martyanova94@yandex.ru



[Статья из рубрики "Спектр эмоциональных переживаний"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39796

EDN:

DIXHSG

Дата направления статьи в редакцию:

11-02-2023

Дата публикации:

18-02-2023

Аннотация: Переживание тревоги в неопределенной событийности становится тем способом реагирования, который вносит изменения в процессы совладания, нарушая прежде всего осознанную регуляторную активность. Статья представляет результаты анализа влияния тревоги на параметры стиля осознанной саморегуляции в ситуации пандемии. Исследование базируется на положениях теории осознанной саморегуляции О. А. Конопкиной. В исследовании принимали участие клиенты психологического консультирования, добровольно обращающиеся за помощью. Тревога исследовалась по ее видам, диагностика стилевых параметров саморегуляции осуществлялась с помощью методики «Стиль саморегуляции поведения – ССП» В. И. Моросановой. Влияние тревоги на саморегуляцию определялась регрессионным анализом. Результаты обозначили равнозначную выраженность видов тревоги: личностной, ситуативной, субклинической. Значимым результатом исследования стал факт тревоги испытуемых по поводу регресса психотерапевтических навыков в ситуации неопределенности. Анализ стилевых параметров саморегуляции показал нарушения в структуре планирования активности,

моделирования условий, построения программ действий и оценивания полученных результатов. Регрессионные модели обозначили дифференцированную детерминацию видами тревоги регуляторных блоков. Данные исследования позволяют расширить представления о нарушенных способах реагирования клиентов психологического консультирования в напряженных ситуациях. Результаты могут быть использованы при разработке психотехнической составляющей процесса оказания помощи субъектам ситуации неопределенности.

Ключевые слова:

тревога, саморегуляция, ситуация неопределенности, психологическое консультирование, стиль саморегуляции, личностная тревожность, реактивная тревожность, постановка цели, модель поведения, толерантность к неопределенности

Введение

Современные кризисы политической, социально-экономической и культурной жизни человека неизбежно приводят к повышению неопределенности, когда не только сужается понимание ситуационного потенциала, но и увеличивается ожидание негативного развития происходящих событий.

Структура ситуации представляет собой систему связей внешних и внутренних по отношению к субъекту условий, при нарушении баланса которых возникает напряжение, требующее дополнительной целенаправленной активности. Снижение напряжения уменьшает степень трудности ситуации и характеризует ее параметрами адаптивной активности, в обратном случае, при невозможности снижения напряжения неадаптивное совладание вызывают симптомокомплекс негативных переживания, что в свою очередь определяет нарушения уже в целостной системе субъектной саморегуляции [\[6\]](#). Ситуация неопределенности изначально имеет недифференцированное причинно-следственное регулирование и внешней, и внутренней активности, поэтому состояние тревоги как ответной реакции в ней естественно. На это в частности указывают результаты большинства исследований тревоги во время пандемии коронавируса, проведенных в России и за рубежом [\[1, 3, 5, 10, 12\]](#).

Любой контекст исследования тревоги должен обосновывать возможность применения полученного знания в конкретной практической сфере. Наш интерес к заявленной проблеме связан с разработкой субъектно-регуляторного подхода к психологическому консультированию, где генезис проблемы рассматривается как сложный процесс установления субъективно-оценочных причинно-следственных связей событий и фактов, который отражается посредством когнитивного, эмоционального и поведенческого отношения к реальности [\[7\]](#).

Субъект ситуации направляет свою активность на регуляцию неопределенности не столько во внешней, объективно действующей реальности, сколько во внутренней. Тревожное переживание неопределенности представляет собой последовательный набор неприятных физиологических симптомов, вызванных собственными когнициями и подтвержденные соответствующей внешней информацией [\[11\]](#). Считается, что подобная тревога объясняется тенденцией неправильно истолковывать нормальные физиологические симптомы в отсутствие каких-либо фактических заболеваний и повышать их при оценке ситуации как напряженной [\[3\]](#). Поэтому для нас важно выяснить,

как переживание тревоги регулирует субъектную ситуативную активность, на основании чего станет возможным формирование программ помощи и самопомощи.

В настоящем исследовании мы опираемся на положения теории саморегуляции произвольной активности О. А. Конопкина [4], где осознанная саморегуляция рассматривается как условие координации различных психических подсистем и как механизм рефлексии собственной активности для адаптации к средовым условиям [2]

Цель исследования – определение влияния тревоги на осознанную саморегуляцию клиентов психологического консультирования в современной ситуации неопределенности.

Методы

Исследование проводилось в период с апреля по декабрь 2022 года. Испытуемыми выступали клиенты психологического консультирования, предъявляющие проблему повышения тревоги в ситуации неопределенности, возникающей под действием социально-экономических и политических событий в России. Основное содержание запросов испытуемых на получение помощи было связано с регрессом навыков совладания с тревогой, а обращение за помощью оценивалось как возможность и желание снизить тревогу за счет собственных ресурсов. Признаком репрезентативности выборки выступало условие отсутствия у них пограничных и патологических аффективных расстройств. Всего в исследовании принимало участие 94 человека, из них 54 женщины и 40 мужчин. Возраст испытуемых – 29–46 лет. Испытуемые русскоязычные, проживают в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Воронеже, Екатеринбурге, Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Туле. Все испытуемые получали консультативную помощь и заполняли опросники онлайн.

Критериями оценки состояния испытуемых были: 1 – уровень толерантности к неопределенности как результат оценивания напряженной жизненной ситуации, 2 – уровень личностной тревожности как основание негативной динамики тревоги, 3 – уровень ситуативной тревожности как фактор ситуативного реагирования, 4 – соматический уровень проявления тревоги. Опрос испытуемых проводился психологами-консультантами на начальном этапе консультирования.

Для исследования толерантности и интолерантности к неопределенности применялся опросник С. Баднера в модификации Т. В. Корниловой, для анализа уровня и выраженности тревоги – шкала Спилбергера-Ханина (STAI) и госпитальная шкала тревоги (HADS). Осознанная саморегуляция изучалась методикой «Стиль саморегуляции поведения – ССП» В. И. Моросановой. Данная методика позволяет изучить общий уровень саморегуляции и ее основные стилевые компоненты: планирование, моделирование, программирование и оценку результата.

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Сравнение видов тревоги и параметров саморегуляции у испытуемых проводилось по средним значениям. Первичные эмпирические данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние значения выраженности тревоги, толерантности к неопределенности и саморегуляции у испытуемых

	Среднее	Стандартное	
--	---------	-------------	--

Параметр	Среднее значение	Стандартное отклонение	F
Вид тревоги			
Реактивная тревожность (STAI)	48,09	2,51	12,64
Личностная тревожность (STAI)	45,99	2,61	6,99
Субклиническая тревога (HADS)	8,73	1,57	8,63
Толерантность к неопределенности	21,25	3,45	8,70
Компоненты стиля осознанной саморегуляции			
Планирование	4,38	0,91	18,93
Программирование	5,49	0,91	17,48
Моделирование	5,55	0,91	14,25
Оценка результата	4,93	0,90	8,70

Примечание: при $p = 0,00$

Средние значения шкал опросников тревоги показывают наличие высоких значений реактивной и личностной тревожности по STAI, субклинического уровня тревоги по HADS и низких показателей толерантности к неопределенности. При этом каждый параметр тревоги имеет тесные связи с толерантностью к неопределенности, показывающие, что чем ниже толерантность к неопределенности, тем выше значение тревоги. Корреляция реактивной тревожности с толерантностью $-0,472$ при $p = 0,000$, личностной с толерантностью $-0,337$ при $p = 0,001$ и субклинической тревоги $-0,387$ при $p = 0,000$. Корреляции доказывают, что когнитивная оценка ситуации как неопределенной зависит от выраженности тревоги субъекта.

Среднее значение общего уровня стиля осознанной саморегуляции – 20,35, что соответствует низким показателям по методике «Стиль саморегуляции поведения – ССП» В. И. Моросановой. Сниженные значения демонстрируют испытуемые и по основным блокам осознанной саморегуляции: планирование (4,38), программирование (5,49), моделирование (5,55) и оценка результатов (4,93). Низкие значения планирования свидетельствуют о неустойчивости выдвигаемых целей и их зависимости от настроения и общего состояния человека. Показатели моделирования говорят о том, что представления о способах достижения поставленной цели у испытуемых развиты, но в совокупности с низкими значениями планирования они постоянно меняются, вызывают внутреннее сомнение. Недостаточная степень осознанности наблюдается и при построении программ своих действий. Оценивание результатов при этом адекватное, но не способствующее коррекции выбранных программ и условий деятельности. В целом, можно говорить о том, что потребность самостоятельного осознанного управления собой сформирована, но реализация ее зависит от содержания и силы ситуации, в которой оказывается человек. При этом снижена и возможность регуляторной компенсации негативных внешних и внутренних воздействий, что и не позволяет оптимально приспособиться к ситуации.

Для проверки гипотезы о влиянии тревоги на параметры осознанной саморегуляции строились регрессионные модели по каждому блоку саморегуляции. Данные корреляционно-регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Предикторы осознанной саморегуляции (данные корреляционно-регрессионного анализа)

				Оценивание
	Планирование	Программирование	Моделирование	

	планирование		программирование		оценивание		результата	
	r	β	r	β	r	β	r	β
Личностная тревожность	-0,452	-0,164	-0,549	-0,372	-0,521	-0,315	-0,384	-0,259
Реактивная тревожность	-0,546	-0,411	-0,492	-0,308	-0,408	-0,178	-0,396	-0,319
Субклиническая тревога	-0,438	-0,228	-0,441	-0,227	-0,410	-0,185	-0,304	-0,151
Статистика модели	R=0,631 R ² = 0,399 F – 8,143		R=0,655 R ² = 0,429 F – 9,223		R=0,605 R ² = 0,366 F – 7,081		R=0,519 R ² = 0,269 F – 4,521	

Все модели статистически значимые. В модели «Планирование» коэффициенты корреляции отрицательные (от -0,438 до -0,546). Чем больше, таким образом, тревожится человек, тем слабее его процессы постановки и принятия собственных целей. Детерминирующими активностью по регуляции осознанных целей являются реактивная тревожность в ситуации неопределенности (β = -0,411) и субклиническая тревога (β = -0,228). Отрицательная связь между переменными отмечается и в модели «Программирование». На построение программ действий в ситуации неопределенности оказывают влияние все три параметра: личностная тревожность (β = -0,372), реактивная тревожность (β = -0,308) и субклиническая тревога (β = -0,227). С «Моделированием» также уверенную отрицательную связь демонстрируют личностная тревожность (-0,521), субклиническая тревога (-0,410) и реактивная тревожность (-0,408). Основным предиктором нарушения регуляторной активности в данной модели выступает личностная тревожность (β = -0,315). Модель «Оценивание результатов» характеризуется самыми низкими корреляционными показателями (от -0,304 до -0,384). Реактивная тревожность (β = -0,319) и личностная (β = -0,259) более всего определяют нарушения в оценках своих действий.

Рассматривая отдельно предикторы регуляторной активности испытуемых, можно отметить их неравнозначное влияние на блоки осознанной саморегуляции. Так, личностный уровень тревожного реагирования на ситуацию неопределенности не оказывает существенного влияния на процессы постановки цели, но определяет условия и программы действий в ситуации неопределенности и их оценку. В то время как ситуативная тревожность является предиктором планирования, программирования и оценивания результата. Уровень субклинической тревоги обуславливает прежде всего планирование и программирование.

Обсуждение результатов

Распределение средних значений по видам тревоги позволяет представить ее как единый симптомокомплекс переживания в ситуации неопределенности, внутри которого разные компоненты тревоги по-разному определяют регуляторную активность. Личностный уровень тревожного реагирования можно рассматривать как относительно устойчивое образование, основание для оценки ситуации как неопределенной. Именно это тревожное основание не позволяет адаптировать собственные регуляторные модели к жизненной ситуации. Реактивный уровень отвечает за оценку и отношение субъекта к конкретным событийным условиям и влияет на постановку целей в актуальных ситуациях. Субклиническая тревога выступает индикатором психофизиологического самочувствия, которое в свою очередь фиксирует нарушения регуляторной активности, и прежде всего

в процессах планирования и программирования.

Тревога, обусловленная невозможностью получения объективного знания, отражает основную модальность ситуации – неопределенность. Ее значение для саморегуляции напрямую зависит от количества и содержания информации. Контроль, в свою очередь, определяет внутреннюю устойчивость ситуации, к которой становится возможным адаптироваться. Испытуемые, являясь клиентами психологического консультирования, имеют изначально повышенный уровень личностной тревожности. Превышение тревожного ситуативного реагирования в конкретной событийности можно рассматривать как регресс навыков, ранее выработанных в психотерапии, коррекции и консультировании. Полагаем, что это является признаком нарушения регуляторной активности в трудной жизненной ситуации. Возвращение к нарушенному реагированию мы можем объяснить отсутствием или ограничением возможности применять полученные навыки в ситуативном контексте из-за высокой степени неопределенности события. Кроме того, подобный регресс подкрепляется системой представлений о себе как о субъекте, в опыте которого есть проблемное регулирование активности. При повышении напряжения ситуации именно этот рефлексивный опыт оказывается сильнее нового навыка.

Низкие значения общего стиля саморегуляции и сниженные показатели планирования, моделирования, программирования и оценивания результатов свидетельствуют о нарушении адаптации. Неопределенность ситуации не позволяет удерживать принятые цели, выделять оптимальные условия активности, строить программы действий, оценивать результат и вносить коррективы. Внешняя регуляция ситуации оказывается сильнее внутренней, информация важнее собственных суждений и выводов, психологические защиты ярче, чем произвольное совладание.

Основной процесс в целостной системе саморегуляции – планирование. Именно вокруг постановки и принятия осознанной цели организуется вся система саморегуляции. Зависимость планирования от тревоги обуславливает иерархию последующих регуляторных нарушений: от неконструктивного целеполагания до искаженной оценки произвольной активности. По данным регрессионного анализа наиболее уязвимым оказывается программирование: повышенный тревожный фон искажает поведенческую активность. Когда внешняя событийность находится в постоянной неконтролируемой динамике становится непонятным, какие действия окажутся эффективными и какой результат удовлетворит саму ситуацию. Тревога, таким образом, выступает индикатором нетерпимости к неопределенности ситуации. Нетерпимость к неопределенности – это тенденция переживать неконтролируемые элементы ситуации при отсутствии уверенности, что результат этих элементов будет однозначно отрицательный [\[13\]](#). Подтверждением нашего результата о связи переживания неопределенности с программированием могут быть данные Freeston, Tiplady, Mawn, Bottesi, & Thwaites о типах поведения людей в ситуации пандемии. Авторы выделяют среди других следующие неконструктивные поведенческие стратегии, применяемые для снижения тревоги: попытки разными способами достичь определенности в неопределенных ситуациях и тем уменьшить собственное состояние неопределенности; мотивированное избегание неопределенности; импульсивное поведение, направленное на немедленное устранение неопределенности результата; колебания и сомнения в выборе стратегий поведения и постоянное переключение между ними [\[12\]](#). По нашему мнению, эти и другие поведенческие стратегии позволяют эпизодически снижать тревожное напряжение, но не способствуют компенсации всего регуляторного стиля.

Параметры саморегуляции могут изменяться у одного и того же человека в зависимости от того, как он воспринимает ситуацию: сложной или простой, приятной или неприятной, ресурсной или бескомпромиссной. Субъект соотносит оценку и объективные требования ситуации, определяя для себя условия достижения цели, формы и методы контроля результата. Поскольку неопределенность нарушает объективность восприятия ситуации, моделирование как осознанный регуляторный механизм становится узким: активность направляется только на принятие решения о совладании с неопределенностью. Функционал тревоги при этом амбивалентен. С одной стороны, она усиливает восприятие необходимости справиться с неопределенностью ситуации, а с другой, вызывает сомнение и неуверенность в самостоятельности выработанных моделей. Чаще всего данное противоречие и обуславливает повод обращения за психологической помощью.

Заключение

Обобщая данные исследования, определим тревогу в ситуации неопределенности предиктором регуляторной активности клиентов психологического консультирования. Ее влияние объясняет нарушения в системе планирования, моделирования, программирования своей деятельности и при оценивании полученных результатов. Эмоционально-тревожное отражение ситуации как неопределенной и когнитивная оценка себя в ней обуславливает необходимость организации помощи, направленной на коррекцию системы осознанной саморегуляции.

Полученные результаты представляются нам достаточными для последующей разработки техник переструктурирования когнитивного реагирования на стимулы ситуации, а именно, повышения компетентности за счет самостоятельного ограничения структурных элементов ситуации и придания им конкретного смысла. Считаем также, что повышение толерантности к неопределенности станет условием снижения тревожного состояния, на фоне чего собственные модели совладания будут восприниматься как уместные по достижению цели, а программы поведения включать элементы творческой переработки информации.

Библиография

1. Алёхин А. Н., Дубинина Е. А. Пандемия: клинико-психологический аспект // Артериальная гипертензия. 2020. № 26 (3). С. 312–316. doi:10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316
2. Банщикова Т. Н., Моросанова В. И. Медиаторная роль аккультурационных установок во взаимосвязи компонентов осознанной саморегуляции и социокультурной адаптации // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 7 (6). С. 50–57.
3. Гребняк О. В., Новоженкина О. П. Структура социальной тревожности Российского общества: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 52. С. 24–35. doi: 10.19181/nko.2022.28.2S.2
4. Конопкин О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
5. Крюкова Т. Л., Екимчук О. А., Опекина Т. П., Шипова Н. С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. № 11 (4). С. 120–134. doi: 10.17759/sps.2020110409
6. Мартынова Г. Ю. Динамика регуляторной активности субъекта в трудной жизненной ситуации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 122–132. doi:10.15382/sturIV201434.122-132

7. Мартянова Г. Ю. Самодетерминация субъекта напряженной ситуации: антропopsихологический подход // Психология и психотехника. 2016. № 10 (97). С. 829–833. doi: 10.7256/2454-0722.2016.10.22070
8. Павлова Е. М., Корнилова Т. В. Триада «толерантность к неопределенности — эмоциональный интеллект — интуитивный стиль» и самооценка креативности у лиц творческих профессий // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 107–117. doi: 10.17759/psyedu.2019110109
9. Салихова А. Б. Ценностные основания толерантности личности к неопределенности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 132–141. doi: 10.25730/VSU.7606.20.032
10. Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лутова Н. Б., Мазо Г. Э. Структура тревожных переживаний, ассоциированных с распространением COVID-19: данные онлайн-опроса // Вестник РГМУ. 2020. № 3. С. 77–85. doi: 10.24075/vrgmu.2020.030
11. Asmundson G., Paluszek M. M., Landry C. A., Rachor G. S., McKay D., Taylor S. Do pre-existing anxiety-related and mood disorders differentially impact COVID-19 stress responses and coping? // Journal of Anxiety Disorders. 2020. № 74. P. 102271. doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102271
12. Freeston M., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // The Cognitive Behaviour Therapist. 2020. № 13 (31). P. 1–15. doi:10.1017/S1754470X2000029X
13. Sankar R., Robinson L., Honey E., Freeston M. 'We know intolerance of uncertainty is a transdiagnostic factor but we don't know what it looks like in everyday life': a systematic review of intolerance of uncertainty behaviours // Clinical Psychology Forum. 2017. № 296. P. 10–15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Влияние тревоги на саморегуляцию клиентов психологического консультирования в ситуации неопределенности»

Предмет исследования автором не заявлен. Но он отражен в цели исследования - определение влияния тревоги на осознанную саморегуляцию клиентов психологического консультирования в современной ситуации неопределенности.

Название статьи четко отражает суть работы.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор 13 литературных источников. Автор опирается в основном на положения теории саморегуляции произвольной активности О. А. Конопкина

Эмпирическая часть исследования представлена исследованием выборки из 94 человек, из них 54 женщины и 40 мужчин. Возраст испытуемых – 29–46 лет. Объединяющий фактор для испытуемых – они все клиенты психологического консультирования, предъявляющие проблему повышения тревоги в ситуации неопределенности, возникающей под действием социально-экономических и политических событий в России. Описание группы по критериям отбора детально представлено в статье.

В исследовании используются различные методы:

- ☐ опросник С. Баднера в модификации Т. В. Корниловой,
- ☐ шкала Спилбергера-Ханина (STAI)
- ☐ госпитальная шкала тревоги (HADS)
- ☐ «Стиль саморегуляции поведения – ССП» В. И. Моросановой.

В исследовании применены количественные методы, что позволяет оценить научность и достоверность полученных данных. Так, автор использует анализ средних значений, стандартное отклонение, корреляционно-регрессионный анализ. Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению индивидуальных особенностей переживания стресса традиционно является высоким в психологической науке. В последние годы в связи с разнообразными кризисами (политическим, экономическим, социальным и пр.) факторы неопределенности формируют соответствующую среду для увеличения стрессов. Применительно к новым условиям турбулентности внешней среды широко применяемые в психологии методы борьбы со стрессом перестали быть эффективными. В связи с выше обозначенными моментами исследования в данной области представляют сегодня высокий теоретический и прикладной интерес.

Научная новизна – автором не заявлены параметры научной новизны. В самой статье она косвенно прослеживается в связи с применением традиционных психологических методов в новых условиях и в связи с новыми задачами (оценка стресса испытуемых, переживающих ситуацию в мире и России). Но в силу заявленной темы статья имеет более прикладной характер, чем научный характер.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она отличается средним уровнем проработки.

В основной части статьи представлена работа над целью – определение влияния тревоги на осознанную саморегуляцию клиентов психологического консультирования в современной ситуации неопределенности. Автор анализирует средние значения выраженности тревоги, толерантности к неопределенности и саморегуляции у испытуемых, а также сравнивает предикторы осознанной саморегуляции. На основании данных количественного анализа сделаны грамотные выводы. Например, автором определено, что тревога – единый симптомокомплекс переживания в ситуации неопределенности, внутри которого разные компоненты тревоги по-разному определяют регуляторную активность. Также обнаружено, что основной процесс в целостной системе саморегуляции – планирование.

В заключении автор делает выводы о полученных результатах. Можно было бы повысить результативность проведенного исследования рекомендациями о том, как встроить полученные результаты в практическую работу психологов по консультированию клиентов с аналогичными запросами. Но данная рекомендация не умаляет ценности представленного исследования.

Стиль изложения доступен для восприятия. Статья содержит таблицы, которые иллюстрируют полученные результаты исследования, в том числе по группирующим переменным.

Стиль статьи соответствует требованиям научности. Оформлен грамотно, без существенных нарушений.

Библиография

Насчитывает 13 литературных источника, в том числе издания на английском языке. Среди литературных источников представлены монографии, статьи, классические издания, сборники материалов конференций. Они датированы разными периодами, в том

числе 2019-22 годом. Важно, что в списке литературы большое количество самых актуальных источников, в том числе освещающих вопросы стресса в период пандемии. Список оформлен в соответствии с требованиями к публикациям.

Данный список литературы можно рассматривать как подборку источников по заявленной теме.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации. Было бы интересно увидеть продолжение исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – педагогов, клинических психологов, исследователей, преподавателей психологии.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Толстых Л.Р., Гольберт Е.В. — Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39811 EDN: CWOSDA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39811

Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения

Толстых Лилия Раисовна

кандидат педагогических наук

доцент, Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

✉ TLR-TLR@mail.ru



Гольберт Евгения Владимировна

кандидат педагогических наук

доцент, Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

✉ evg5539@yandex.ru



[Статья из рубрики ""](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39811

EDN:

CWOSDA

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2023

Дата публикации:

21-02-2023

Аннотация: Цель исследования- определить особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения. Было выдвинуто предположение о том, что: 1. существуют специфические особенности мотивационно-ценностной сферы студентов, обучающихся на разных курсах; 2. существует взаимосвязь курса обучения и мотивационно-ценностных показателей у студентов. Методики исследования: «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» в модификации А.А. Реана, В.А. Якунина, «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной, «Якоря карьеры» адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокуровой. В исследовании принимали участие

студенты 1-4 курсов ФГБОУ ВО «ЗабГУ», по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. В исследовании приняли участие 75 человек.

В результате исследования установлено, что у большинства студентов, независимо от курса обучения сформированы духовно-нравственные и альтруистические ценности своей будущей профессии. Учебная мотивация студентов первого и второго курсов больше ориентирована на успешную реализацию учебно-познавательной деятельности. Внешние мотивы учебной мотивации, такие как социальное одобрение/ наказание для студентов старших курсов являются неприоритетными и малоэффективными в процессе учебной деятельности. Карьерные ориентации студентов младших курсов носят смешанный характер. У студентов старших курсов характер карьерных ориентаций становится более дифференцированным, доминирует ограниченное количество ориентаций. Особым вкладом авторов в исследование темы является установленная связь курса обучения и показателей мотивационно-ценностной сферы, таких как: обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, собственный престиж, высокое материальное положение и сохранение собственной индивидуальности, а также установление обратной взаимосвязи курса обучения и показателя успешно учиться, сдавать экзамены на отлично и хорошо.

Ключевые слова:

личность, личностный смысл, мотивы, ценности, ценностные ориентации, ценностно-мотивационная сфера, карьерные ориентации, профессиональная деятельность, личностные ценности, профессия

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время в соответствии с ФГОС 3 +++ содержание профессионального образования студентов направлено на усвоение универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Однако этот показатель недостаточно формирует личностное самоопределение в профессии. А.К. Маркова считает, что «личностное пространство шире профессионального, личностное лежит в основе профессионального, личностное определяет начало, ход и завершение профессионального» [\[8\]](#).

«Сама личность при этом определяется через систему смыслов и ценностей, которые и являются стержнем любой, в том числе профессиональной, деятельности» [\[11\]](#). Э.Ф. Зеер считает, что мотивационно-ценностное отношение к профессии является одним из факторов становления профессионала [\[2\]](#). Сформированное на высоком уровне мотивационно - ценностное отношение избранной профессии выступает внутренним р е з е р в о м для положительного прохождения студентами кризисов профессионального обучения. Положительно сформированная в процессе профессионального обучения ценностно-мотивационная сфера студентов предполагает освоение основных направлений будущей трудовой деятельности на продуктивном уровне, в результате студенты осваивают предметное поле профессиональной деятельности. Основопологающим для развития мотивационно-ценностного отношения является факт принятия личностью профессии и нахождение личностного смысла деятельности. Итогом принятия профессии является целостное профессиональное поведение будущего специалиста.

Кроме того, изучение мотивационно-ценностной сферы в студенческом возрасте, направлено решить проблему осознанного выбора профессии.

Цель исследования: определить особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения.

Предмет исследования: особенности мотивационно-ценностной сферы студентов.

Гипотезой исследования: существуют специфические особенности мотивационно-ценностной сферы студентов, обучающихся на разных курсах.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ понятий «мотивация», «ценности», «мотивационно-ценностная сфера» личности.
2. Выявить ведущие мотивационно-ценностные показатели студентов разных курсов обучения.
3. Выявить взаимосвязь курса обучения и мотивационно-ценностных показателей у студентов.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, математико-статистические методы обработки результатов исследования с помощью программы SPSS, корреляционный анализ Пирсона.

На эмпирическом этапе исследования были использованы методики: «Изучение мотивов учебной деятельности студентов», «Морфологический тест жизненных ценностей», «Якоря карьеры».

В качестве респондентов в исследовании приняли участие студенты ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», с 1 по 4 курс, психолого-педагогического факультета, обучающиеся по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование. Возраст испытуемых от восемнадцати до двадцати трех лет. Выборку составили семьдесят пять студентов.

В результате проведенного теоретического анализа по проблеме исследования можно сделать следующие выводы. В психологической науке существует множество подходов к определению понятий «мотивация» и «ценности» личности. Под мотивацией понимается совокупность психологически обусловленных факторов, которые руководят направленностью деятельности личности. Сформированные ценности личности служат основанием для мотивации поведения, фундаментом целостности социальной системы [\[6\]](#).

Мотивационно-ценностная сфера личности представляет собой личностное образование. Осознанные и принятые человеком мотивы, цели, ценности, карьерные ориентации составляют мотивационно-ценностную сферу личности и определяют дальнейшее отношение к профессиональной деятельности. Совокупность этих компонентов оказывает влияние на выбор целей и средств профессиональной деятельности, на их достижение, формирование индивидуального стиля деятельности [\[10\]](#).

Становление мотивационно-ценностной сферы студентов – это качественное преобразование личности, которое приводит к оценке самой профессии, оценке профессионала в себе, развитию нравственного профессионала и профессиональному самосознанию.

Структура мотивационно-ценностной сферы личности студентов представлена двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными компонентами: мотивационным и ценностно-ориентационным. Эмоционально - личностные, социальные, познавательные и социально-экономические мотивы выбора и предпочтения профессиональной деятельности составляют основу мотивационного компонента. Личностные, познавательные, социально- обусловленные, социально- экономические ценности и ценностные ориентации составляют основу ценностно-ориентационного компонента.

Процесс становления мотивационно-ценностной сферы личности студентов опосредуется совокупностью психологических факторов, условий и средств, используемых в системе профессионального обучения. Поскольку вузовское образование имеет более приближенную направленность к практической деятельности.

Психологические факторы становления мотивационно-ценностной сферы личности студентов способствуют рефлексии собственного самоизменения личности студентов.

Необходимыми психологическими условиями становления мотивационно-ценностной сферы студентов являются: приобщение студентов к методу научного познания, повышение степени активности, самостоятельности и ответственности студентов, стимулирование потребностей, развитие мотивов и ценностей.

Далее проведем интерпретацию и анализ результатов проведенного эмпирического исследования.

Проанализируем результаты диагностики мотивов учебной деятельности студентов. Данные представлены на рисунке 1.

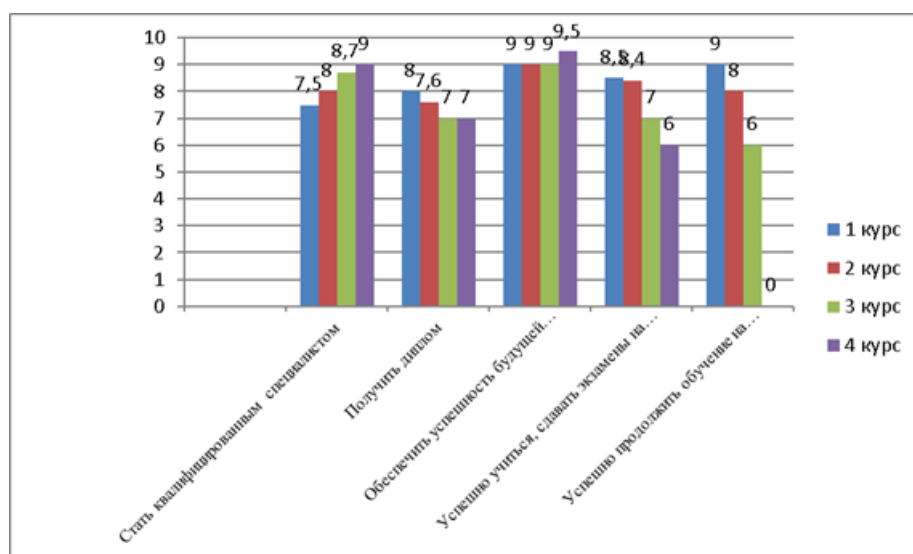


Рис.1. Средние значения групповых показателей мотивов учебной деятельности студентов

В результате было выявлено, что мотивы учебной деятельности студентов различаются. В группе студентов первого и второго курсов преобладают учебно-профессиональные мотивы. А для студентов четвертого курса доминирующими являются профессиональные мотивы.

Рассмотрим результаты диагностики жизненных ценностей студентов. Данные представлены на рисунке 2.

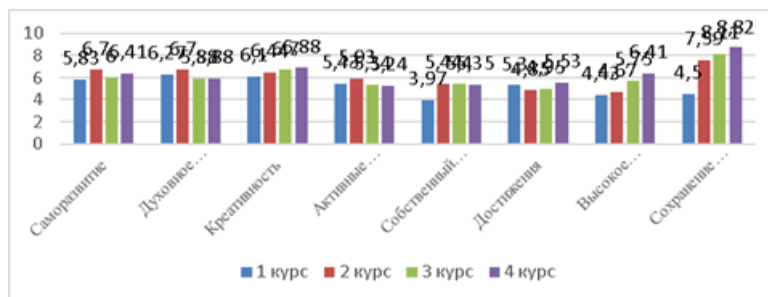


Рис. 2. Средние значения групповых показателей жизненных ценностей студентов

Анализируя полученные результаты, отмечаем, что ведущие жизненные ценности студентов первого курса имеют духовно-нравственный характер. У студентов второго курса доминирующими являются жизненные ценности эгоистично-престижной направленности. На третьем и четвертом курсе обучения студенты демонстрируют «смещение» жизненных ценностей. Ведущими для них выступают жизненные ценности как духовно-нравственной, так и эгоистично-престижной направленности.

Рассмотрим результаты диагностики карьерных ориентаций студентов. Данные представлены на рисунке 3.

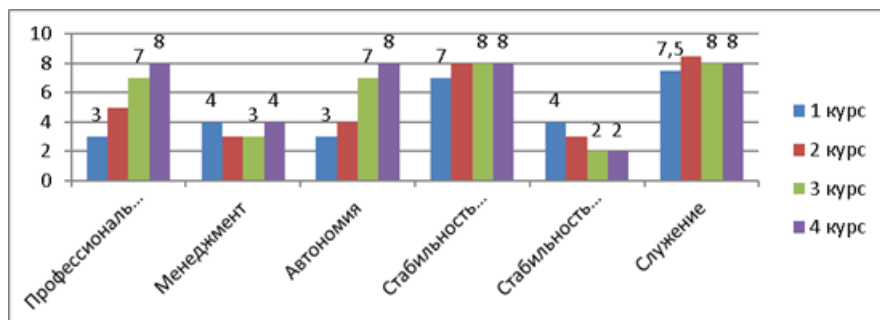


Рис. 3 Средние значения групповых показателей карьерных ориентаций студентов

Из гистограммы видно, что для студентов старших курсов доминирующими карьерными ориентациями является «профессиональная компетентность» и «автономия». Независимо от курса обучения приоритетными карьерными ориентациями являются: «стабильность работы» и «служение».

Выводы:

1. Большинство студентов осознают и принимают ценности своей будущей профессии, находятся в сопряжении со своей выбранной профессией. При реализации практической профессиональной деятельности они стремятся к соблюдению духовно-нравственных и альтруистических ценностей. Ориентация на альтруистическую направленность подтверждается доминирующим проявлением такой ценности как «служение». Следовательно, студенты всех курсов считают своей основной целью избранной профессиональной деятельности доставлять пользу обществу, другим людям. Также для них важно видеть конкретные практические результаты своей деятельности. Учебная мотивация студентов первого и второго курсов ориентирована на успешное осуществление учебно-познавательной деятельности.

Внешние мотивы учебной мотивации, такие как социальное одобрение/ наказание для студентов старших курсов являются неприоритетными и малоэффективными в процессе учебной деятельности.

У студентов старших курсов доминируют ценности прагматического характера, направленные на достижение собственного престижа, высокое материальное положение, сохранение собственной индивидуальности. Поэтому можно сделать вывод, что чем старше становятся студенты, тем осознаннее они начинают задумываться о своей профессиональной деятельности, и вектор мотивации в обучении смещается на обеспечение успеха своей профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует явное преобладание мотива «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности». Студентов, обучающихся на первом и втором курсах, привлекает сама учебная деятельность и ее результаты, чем связь обучения и профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует приоритетное положение мотива «успешно учиться, сдавать сессию на положительные оценки: отлично и хорошо».

2. В результате применение корреляционного анализа Пирсона обнаружена прямая корреляционная взаимосвязь курса обучения и учебного мотива «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности» ($r = 0,254$ $p \leq 0,05$). У студентов старших курсов мотив «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности» выше, чем у студентов первого и второго курса. Следовательно, чем выше курс обучения, тем в большей степени мотивация обучения направлена на овладение общепрофессиональными, профессиональными компетенциями деятельности, чем просто на процесс обучения.

Выявлена обратная корреляционная взаимосвязь курса обучения и учебного мотива «успешно учиться, сдавать экзамены на отлично и хорошо» ($r = -,237$ $p \leq 0,05$).

Следовательно, для студентов младших курсов важен процесс учебной деятельности. Выявленная взаимосвязь свидетельствует о том, что у студентов в данный момент недостаточно сформировано представление о будущей профессии, имеется осознание недостаточного уровня своей компетентности.

Выявлена прямая корреляционная взаимосвязь курса обучения и ценностями «собственный престиж» ($r = 0,267$ $p \leq 0,05$), «высокое материальное положение» ($r = 0,349$ $p \leq 0,01$) и «сохранение собственной индивидуальности» ($r = 0,504$ $p \leq 0,01$) по методике «Морфологический тест жизненных ценностей». Следовательно, чем выше курс, тем больше проявляется выраженность ценностей эгоистически-престижной направленности, стремление к индивидуализации. Студенты старших курсов с эгоистически-престижной направленностью стремятся к более высокому уровню финансового положения и достижение карьерного роста. Они считают, что высокий уровень финансового положения является основанием для развития личностной значимости и самооценки. Сохранение собственной индивидуализации проявляется в том, что у студентов сформированы свои взгляды, убеждения, свой стиль жизни. Они не зависят от мнения других людей, сохраняют свою неповторимость и своеобразие.

По методике «Якоря карьеры» была обнаружена положительная корреляционная взаимосвязь курса обучения и карьерными ориентациями «профессиональная компетентность» ($r = 0,356$ $p \leq 0,01$), «автономия» ($r = 0,287$ $p \leq 0,01$), «стабильность места жительства» ($r = 0,383$ $p \leq 0,01$), «вызов» ($r = 0,331$ $p \leq 0,05$) и «интеграция стилей жизни» ($r = 0,532$ $p \leq 0,01$). Следовательно, чем выше курс, тем более дифференцированными становятся карьерные ориентации. Поскольку студенты старших курсов находятся на пороге выпуска из вуза, то они сталкиваются с необходимостью планирования карьеры и соответственно выделение основных карьерных ориентаций происходит по причине удовлетворения индивидуальных запросов студентов в процессе самореализации себя как субъекта деятельности.

Таким образом, выявленные нами ведущие мотивационно-ценностные показатели студентов разных курсов обучения позволят выйти на логику дальнейшего профессионального развития и психологической помощи студентам, ее содержательный объем и последовательность мероприятий. Результаты исследования позволят глубже разобраться в причинах проблем несформированности мотивационно-ценностного отношения к профессии с целью определения прогноза и траектории профессионального развития студентов, что позволит разработать стратегию эффективной помощи студентам.

Библиография

1. Бубновская О. В. Исследование взаимосвязи ценностных и смысложизненных ориентаций студентов // Система ценностей современного общества. 2017. №. 25. С. 167-173.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.: Академический Проект, 2003. 336 с.
3. Карпов А.В. Психология труда: учебник / Под. ред. А.В. Карпова. М.: Академия, 2014. 258 с.
4. Кузнецова Е. Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. №. 10 (116). С. 25-31.
5. Лабынцева И. С. Отношение к будущей профессии студентов с разным уровнем учебной активности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2021. Т. 135. №. 10. С.58-63.
6. Лавринович Т. М. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности будущих психологов на разных этапах процесса их профессионализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. №. 4. С. 35-45.
7. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. унта, 1971. 40 с.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
9. Немов Р.С. Общая психология. М.: Речь, 2015. 294 с.
10. Нугаева А. Н. Мотивационно-ценностная сфера личности специалиста-психолога как основа его профессионального развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. 2018. № 5. С.74-78.
11. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 480 с.
12. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003. 860 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Особенности мотивационно-ценностной сферы студентов разных курсов обучения».

Предмет исследования. Предмет исследования в работе обозначен. Автор отметил, что предметом являются особенности мотивационно-ценностной сферы студентов. Содержание статьи позволило рассмотреть предмет, найти специфические характеристики мотивационно-ценностной сферы и подтверждена выделенная гипотеза.

Методология исследования. В основу исследования была положена гипотеза о том, что

существуют специфические особенности мотивационно-ценностной сферы студентов, обучающихся на разных курсах. В качестве методов исследования выступает анализ теоретических положений и литературных источников по данной проблеме, комплекс методик. Полученные результаты были проанализированы с помощью программы SPSS и корреляционного анализа Пирсона. Респондентами выступили студенты 1-4 курсов психолого-педагогического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Автором обосновывается актуальность как с понимания дефицитарности теоретических и практических исследований, так с позиции практики и содержания обновленного ФГОС.

Научная новизна в работе не обозначена. Автором были выделены специфические особенности мотивационно-ценностной сферы студентов на разных курсах обучения:

- Студентами осознаются и принимаются ценности будущей профессии. Учитывая, что субъекты планируют заниматься психолого-педагогической деятельностью, то мотивационная сфера студентов заполнена альтруистическими ценностями.

- Мотивационно-ценностная сфера изменяется в зависимости от курса обучения.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы четко прослеживается. Во введении представлены цель, предмет, гипотеза, задачи и методы исследования. В небольшом теоретическом обзоре рассмотрено содержание мотивационно-ценностной сферы и ее структура. Особое внимание уделено описанию психологических факторов и условий становления мотивационно-ценностной сферы личности студентов. Следующий раздел – описание интерпретации и анализа результатов проведенного эмпирического исследования. В заключении представлены обобщающие аргументированные выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 12 отечественных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены не только научно-исследовательские статьи и монографии, но также учебники и учебные пособия. Источники информации оформлены в основном корректно, но некоторые оформлены не в соответствии с предъявляемыми требованиями. Можно выделить определенные неточности, которые нуждаются в доработке (например, номер 6)..

Апелляция к оппонентам.

Поставленные автором цель и задачи были реализованы. Однако, недостаточное внимание уделено определению личностных мотивов студентов,. Акцентируется внимание только на мотивации обучения, саморазвития и карьерного роста.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Якимова З.В. — Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39851 EDN: FTGSPS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39851

Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования

Якимова Зоя Владимировна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства Внутренних Дел России

690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21

✉ yakimovazoya@yandex.ru



[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39851

EDN:

FTGSPS

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2023

Дата публикации:

04-03-2023

Аннотация: Объектом исследования является профессиональный стресс, под которой понимается частный вариант общего адаптационного синдрома, представляющий собой связанное с выполнением профессиональной деятельности функциональное состояние, выражающееся в психических и физических реакциях на напряженные ситуации трудовой деятельности, возникающие при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов. Предметом исследования являются категории анализа профессионального стресса российских полицейских. Цель исследования заключается в сравнительном анализе опыта зарубежных и отечественных исследований профессионального стресса в правоохранительной деятельности; выявление категорий анализа профессионального стресса на выборке российских полицейских. В эмпирической части проводится контент-анализ ответов респондентов на субъективное описание ситуаций профессионального стресса. Основные выводы проведенного исследования: 1. Теме профессионального стресса в деятельности правоохранительных органов посвящено достаточно большое внимание как в зарубежных, так и в

отечественных исследованиях, но они носят частный детализированный характер, комплексные исследования, интеграция результатов отсутствует. 2. Усилия зарубежных исследователей направлены на разработку тренингов и программ обучения совладения со стрессом и реабилитации как действующих, так и уже вышедших на пенсию офицеров. Отечественные исследователи предлагают внедрять тренинги стрессоустойчивости уже в процессе обучения курсантов и прохождения первоначальной подготовки полицейских, что является вполне целесообразным. Для действующих сотрудников отечественные исследователи предлагают использовать общий психологический инструментарий психокоррекции стресса, однако он должен быть адаптирован под специфику профессиональной деятельности полицейских. 3. Проведенный контент-анализ представлений российских полицейских о профессиональных ситуациях, вызывающих стресс, позволил выявить 8 ключевых единиц анализа: компетенции; параметры работы; социальное взаимодействие; условия и организация труда; угроза личной безопасности; нарушение баланса; неудовлетворенность; личные страхи и беспокойства. Проиллюстрирована высокая роль личного субъективного восприятия ситуаций профессионального стресса. 4. Выделены перспективные направления дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова:

профессиональный стресс, правоохранительная деятельность, полицейский, контент-анализ, стресс-фактор, категория анализа, конфликт с руководителем, конфликт с коллегами, конфликт с гражданами, внутриличностный конфликт

Тип социальной организации правоохранительной сферы является широко представленным во всех странах мира, но до сих пор недостаточно изученным явлением общественной жизни.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел обусловлена высоким уровнем служебной и моральной ответственности за принимаемые решения, а также ответственности за все профессиональные действия / бездействия, строго регламентированные буквой закона и жестко установленными сроками. В связи с этим, постоянное действие эмоциональных и информационных факторов способствует развитию у сотрудников полиции профессионального стресса с последующей психической дезадаптацией и профессиональным выгоранием.

Всемирная организация здравоохранения называет профессиональный стресс «болезнью XXI века», так как данный вид стресса принял размеры «глобальной эпидемии» и встречается практически во всех профессиях мира [\[1\]](#).

Профессиональный стресс – как частный вариант общего адаптационного синдрома, представляет собой связанное с выполнением профессиональной деятельности функциональное состояние, выражающееся в психических и физических реакциях на напряженные ситуации трудовой деятельности, возникающие при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов.

Тема профессионального стресса в правоохранительной деятельности является достаточно актуальной и востребованной в зарубежных исследованиях. Однако, вместо проведения комплексных исследований профессионального стресса, зарубежные авторы предпочитают проводить детализированные исследования, проверяя ряд частных

гипотез и влияния отдельных стресс-факторов.

Так, например, результаты исследования, проведенного на выборке норвежских полицейских, показали, что психологическая выносливость и физическая подготовка могут быть важными факторами того, как оперативный стресс влияет на человека в полицейской среде. Те, у кого высокая выносливость и хорошая физическая форма, по-видимому, лучше способны восстанавливаться после стрессового инцидента, что может быть жизненно важным в оперативном контексте [\[2\]](#).

Результаты исследования, проведенного на выборке американских патрульных полицейских, показали, что основными причинами стресса являются: финансовое положение, ситуация, когда коллега-офицер убит или стал свидетелем смертельного исхода, плохие личные отношения с руководителем и несправедливые возможности продвижения по службе. В результате исследования было также выявлено, что физические упражнения являются основным средством для снятия стресса у сотрудников правоохранительных органов, а вовсе не алкоголь, как считалось ранее [\[3\]](#).

Результаты исследования, проведенного на выборке австралийских полицейских и вспомогательного (гражданского) персонала, помогавших при ликвидации стихийного бедствия, которые прошли клинические собеседования и измерения психологического стресса и через четыре недели клинические собеседования и измерения посттравматического стрессового расстройства - показали, что гражданские сотрудники сообщали о значительно более высоких симптомах общего дистресса и посттравматического стрессового расстройства, чем сотрудники полиции. Женщины сообщали о значительно более высоких симптомах психологического стресса, чем мужчины; однако гендерных различий в симптомах посттравматического стресса не наблюдалось [\[4\]](#).

В. Хусейн провел исследование с участием более трех сотен городских и сельских полицейских из различных районов провинции Хайбер-Пхунхва в Пакистане. Было доказано, что сотрудники полиции, работающие в городских районах, демонстрируют более высокий уровень депрессии, беспокойства и стресса по сравнению с сотрудниками полиции, работающими в сельской местности [\[5\]](#).

Также стоит отметить ряд исследований, выявивших значимые аспекты в профессиональном стрессе полицейских.

М. Мурад, В. Цзятонг, Ф. Шахзад и Н. Сайед, проведя исследование на выборке пакистанских полицейских, выявили влияние деспотичного руководства на контрпродуктивное поведение сотрудников полиции, приводящее к эмоциональному истощению. При этом было выявлено, что организационный цинизм сотрудников полиции, выступает в качестве психологической защиты при деспотичном руководстве и способствует снижению уровня эмоционального истощения [\[6\]](#).

Т. Креддок и Г. Телеско затронули в своих исследованиях важную тему, связанную со страхом сотрудников правоохранительных органов обратиться за профессиональной психологической и/или психиатрической помощью при усилении симптомов профессионального стресса и посттравматического стрессового расстройства. Результаты проведенного исследования подтверждают, что постоянное длительное воздействие критических инцидентов и травмирующих событий в рамках обязанностей сотрудника правоохранительных органов имеет негативные последствия, которые могут повлиять как на их физическое, так и на психическое благополучие. Симптомы могут

проявляться в виде увеличения физических недугов, в том числе увеличения случаев травм, полученных на работе, и увеличения количества диагнозов, связанных со стрессом, включая желудочно-кишечные язвы или гипертонию. Это также может проявляться в виде ночных кошмаров, навязчивых воспоминаниях о травмирующих событиях, значительных личностных или поведенческих изменениях, в том числе выраженные в том, что офицер быстрее вступает в физическую ссору с гражданином, учащаются случаи ссор в семье, случаи злоупотребления алкоголем и / или отпускаемыми по рецепту лекарствами, отмечаются депрессии и/или попытки самоубийства. Эти симптомы усиливаются, когда офицер понимает, что получение каких-либо психологических услуг для решения этих проблем не будет поддерживаться иерархией правоохранительных органов и может фактически привести к тому, что офицер будет признан непригодным к службе [\[7\]](#).

Кроме того, следует отметить большой вклад зарубежных исследователей в поиске способов и методов профилактики профессионального стресса и облегчения протекания посттравматического стрессового расстройства.

Б. Хойслер и К. Саттер обобщили результаты семи независимых исследований с целью выявления корреляции между контролем взгляда (концентрацией внимания), тренировкой и беспокойством в стрессовых ситуациях в правоохранительных органах. Было выявлено, что существуют значительные различия в том, как высококвалифицированные сотрудники правоохранительных органов контролируют свой взгляд (умеют сосредотачивать внимание) по сравнению с новичками и необученными гражданскими людьми. Опыт и знания, относящиеся к конкретной предметной области, улучшают навыки визуального восприятия и общую производительность в условиях стресса. Тренировка в реальных сценариях и спокойная тренировка глаз, по-видимому, оказывают наиболее благотворное влияние на контроль взгляда и принятие решений в стрессовых ситуациях. Авторы предполагают, что тренировка глаз (концентрация внимания) для улучшения навыков визуального восприятия помогают сотрудникам правоохранительных органов обеспечить кратчайший путь для обучения и принятия эффективных решений в стрессовых ситуациях [\[8\]](#).

Д. Груп, Ч. Макги, К. Смит, Э. Д. Фрэнсис, Ж. А. Мамфорд и Р. Дж. Дэвидсон установили, что помимо организационного стресса сотрудники правоохранительных органов регулярно подвергаются прямому и косвенному воздействию широкого спектра травматических стрессоров и подвержены высокому риску развития посттравматического стрессового расстройства. Результаты исследований, проведенных на выборке американских полицейских, показали, что медитации и целенаправленная тренировка осознанности помогает уменьшить воспринимаемый стресс, улучшить результаты физического и психического здоровья, снизить интенсивность нарушений сна, уровень беспокойства и эмоционального выгорания [\[9\]](#).

С. Ларк, Р. Куртович, Л. Де Терте и К. Бромхед выявили специфические физиологические маркеры (уровень гормона кортизола и уровень эозинофилов в лейкоцитарной формуле) хронических заболеваний, связанных со стрессом и подавлением иммунитета. При этом высокоинтенсивные прерывистые тренировки у уже тренированных сотрудников полиции, находящихся в хорошей физической форме, способствуют снижению психологического стресса, нормализации функции гормона кортизола и уменьшения системного воспаления при заболеваниях за счет снижения количества эозинофилов [\[10\]](#).

В. Виегас и Д. Энрикес провели исследование выборки индийских полицейских с целью изучения взаимосвязи между стрессом на работе, конфликтом между работой и семьей и удовлетворенностью работой среди сотрудников полиции. Результаты исследования показали наличие значимой положительной корреляции между профессиональным стрессом и конфликтом между работой и семьей и значимой отрицательной корреляцией между профессиональным стрессом и удовлетворенностью работой. Кроме того, была выявлена незначительная отрицательная корреляция между удовлетворенностью работой и конфликтом между работой и семьей. Полученные результаты могут помочь в разработке мер по снижению стресса на работе и конфликта между работой и семьей среди сотрудников полиции, что поможет им выработать здоровый баланс между работой и личной жизнью [\[11\]](#).

Т. Читра и С. Карунанидхи провели исследование на выборке индийских женщин-полицейских и доказали положительное влияние тренинга устойчивости (программы обучения устойчивости) на снижение профессионального стресса, повышение уровня устойчивости, удовлетворенности работой и уровня психологического благополучия. Тренинг устойчивости содержал такие компоненты как: развитие самосознания, позитивного настроения, управление эмоциями и развитие навыков межличностного общения [\[12\]](#).

К. Янсес, П. ван дер Велден, Р. Тарис и М. Ван Вельдховен проанализировали ряд исследований, касающихся устойчивости, выносливости и психологического капитала полицейских, рассматриваемых как важнейшие способности для сотрудников полиции не только справляться со сложными стрессовыми и потенциально травмирующими ситуациями, но и успешно адаптироваться к ним, в том числе к организационным стрессом и конфликтам между работой и личной жизнью.

Центральными темами, которые встречаются в различных определениях устойчивости, являются преодоление трудностей и травм, позитивная адаптация, отсутствие симптомов посттравматического стрессового расстройства. В более общем плане устойчивость рассматривается как способность «оправляться» после невзгод, а также развивать способность справляться с будущими негативными событиями.

Считается, что, как и устойчивость, выносливость влияет на взаимодействие людей с другими людьми и решение проблем, что описывается тремя аспектами выносливости, например, обязательством (подход к ситуациям как значимым и интересным), контролем (восприятие стрессоров как изменчивых) и вызовом (восприятие изменений как возможности для роста и как нормальный аспект жизни, а не как угроза). Как и устойчивость, выносливость рассматривается как психологический навык для сотрудников полиции, который дает положительные результаты после стресса и травмы.

Психологический капитал состоит из четырех аспектов: самоэффективность, оптимизм, надежда и устойчивость (достижение успеха при столкновении с неудачами и невзгодами). Психологический капитал способствует удовлетворенности работой, приверженности организации и психологическому благополучию.

Все перечисленные определения, так или иначе, относятся к способностям, сильным сторонам, стилям или чертам характера, позволяющим полицейским успешно справляться с трудными, стрессовыми или неблагоприятными событиями (в качестве модератора или посредника), что позволяет полицейским (продолжать) эффективно выполнять свои обязанности [\[13\]](#).

К. Синго и Х. Шилубане провели исследование способов борьбы с профессиональным стрессом среди южноафриканских полицейских из провинции Лимпопо. Было обнаружено, что психологическое благополучие, удовлетворенность работой и снижение восприятия организационного стресса связаны преимущественно с социальной поддержкой и религией. Практически все респонденты сообщили, что молитва и упование на Бога — это механизм, который они используют для управления стрессовыми ситуациями. Вера в традиционную африканскую религию позволяет не только снять стресс с помощью специальных ритуалов, но и «избавиться» от невезения, а также «привлечь» удачу. Некоторые участники исследования упомянули, что сотрудники полиции употребляют алкоголь, сигареты и наркотики, чтобы справиться с ежедневным рабочим стрессом. Некоторые участники указали, что они занимаются спортом и физической активностью, чтобы справиться с домашним и рабочим давлением [\[14\]](#).

Таким образом, приходим к выводу, что многие из зарубежных исследований сосредоточены на практикоориентированных задачах относительно выявления стресс-факторов профессиональной деятельности полицейских и разработке тренинговых программ, методов профилактики и борьбы с симптомами профессионального стресса в правоохранительной деятельности. При этом рассматриваются преимущественно два аспекта профессионального стресса: операционный стресс, который включает стресс от требований и обязанностей профессии, в том числе высокий риск посттравматического стрессового расстройства, и организационный стресс, который включают воспринимаемое отсутствие поддержки со стороны руководства и коллег, давление со стороны администрации (руководства), отсутствие возможностей для продвижения по иерархии и т.д.

Отечественные исследователи тему профессионального стресса рассматривают преимущественно в теоретическом аспекте, анализируя причины возникновения, стадии протекания, последствия проявления. В прикладном аспекте отечественные исследователи рассматривают тему профессионального стресса применительно к представителям определённых социально значимых профессий (врачи, учителя, руководители, пожарные, полицейские, пилоты, специалисты экстремального профиля и т.д.). При этом исследования профессионального стресса у представителей правоохранительной деятельности, как правило, детализированы по видам профессиональной деятельности (следователи, сотрудники государственной инспекции безопасности дорожного движения, сотрудники следственных изоляторов, исправительных колоний и т.д.)

М.В. Пряхина отмечает, что органы внутренних дел, как тип социальной организации, «производят» социально значимый нематериальный продукт – внутреннюю безопасность [\[15, с. 234\]](#).

А.П. Шихова предлагает учитывать, что профессиональная деятельность сотрудников полиции отличается уникальностью своего предмета и в большинстве направлений работы представлена антиобщественной человеческой деятельностью преступников, её материальными (улики, вещественные доказательства) и идеальными (воспоминания, впечатления в сознании преступника, потерпевшего, свидетеля и т.д.) «продуктами» деятельности, а так же своеобразными мотивами и целями [\[16, с.208\]](#). Следует отметить, что в большинстве случаев предмет деятельности представлен фрагментарно, в основном случайными и второстепенными элементами, а следы преступной деятельности, которые помогают восстановить целостность предмета, как правило, тщательно скрываются, маскируются либо уничтожаются людьми, совершившими преступное

деяние.

В.В. Сизова, М.В. Блохина видят суть профессионального стресса в ситуациях, когда требования к работе не совпадают либо превосходят возможности, ресурсы или потребности работника, либо когда запас знаний или способностей отдельного работника или группы не соответствует ожиданиям организационной культуры предприятия [\[17, с 80\]](#).

Относительно профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов Т.В. Михайлова выделяет первичные, вторичные и третичные последствия профессионального стресса [\[18, с.50\]](#).

К первичным последствиям отнесены различные негативные психические состояния (например, состояние утомления и переутомления, рассеянность внимания, раздраженность, гневливость, сильное эмоциональное волнение и т.д.), возникающие в процессе воздействия стресс-факторов и в связи с условиями профессиональной деятельности. Их особенностью является то, что они возникают непосредственно в ответ на конкретный, хорошо идентифицируемый стресс-фактор (группу стресс-факторов). Существенную роль в возникновении первичных реакций играют личностные особенности, такие как, например, повышенная тревожность, агрессивность, эмоциональная неустойчивость, впечатлительность, утомляемость и т.д.

Вторичные последствия возникают в результате неуспешных (или неадекватных) попыток преодоления дезадаптивного состояния, вызванного стрессом, а также по причине отсутствия или недостаточной / несвоевременной социальной помощи (реабилитационно-восстановительных и психокоррекционных мероприятий), поддержки со стороны значимого окружения (семья, друзья, коллеги, руководители). Вторичные последствия воздействия стресс-факторов отражаются на поведенческом уровне и закрепляются в привычках и образе жизни (злоупотребление алкоголем, лекарственными и наркотическими препаратами, частые вспышки агрессивного или аутоагрессивного поведения, профессиональные деформации, сниженные работоспособность и эффективность труда, преобладающее депрессивно-пессимистическое или безразличное настроение, ипохондрия – уход в болезнь).

Третичные последствия затрагивают более широкую группу социально-психологических и организационных феноменов. К третичным последствиям можно отнести ухудшения социально-психологического климата в коллективе, учащение и интенсификация конфликтов (как служебных, так и семейных, внутриличностных), социальная апатия и увеличение доли нарушений служебной дисциплины, снижение удовлетворенности работой и трудом (и качеством жизни в целом), принятие решения об увольнении со службы (в том числе досрочный выход на пенсию при достижении минимально необходимого стажа работы), повышение уровня текучести кадров.

Большое внимание отечественных исследователей, так же, как и зарубежных, уделено вопросам разработки способов, методов и программ профилактики и нейтрализации профессионального стресса.

Так, например, О.В. Красилов предлагает начинать подготовку сотрудников полиции к управлению своим психоэмоциональным состоянием при стрессах, экстремальных ситуациях уже в период обучения курсантов и слушателей в учебных заведениях МВД России. По его мнению, умение справиться со стрессом, владение механизмами саморегуляции эмоционального состояния не менее важны, чем тактико-специальная и

физическая подготовка [\[19, с.281\]](#).

Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Лавренко, предлагая начинать целенаправленный процесс формирования профессионального, специфичного условиям службы копинг-поведения ещё на этапе первоначальной профессиональной подготовки сотрудников полиции [\[20, с. 341\]](#).

О.А. Жидкова полагает, что особенности службы в полиции, связанные с интенсивным воздействием стресс-факторов, обязывают организационные структуры обеспечивать профилактические меры, направленные на формирование ресурсного потенциала личности и адекватных базовых копинг-стратегий предупреждающих развитие профессионального стресса. Профилактика состояний дезадаптивности и коррекция копинг-поведения сотрудников полиции станет возможна при условии психологического сопровождения в виде специализированных тренинговых занятий, основной целью которых является формирование компетентности в эмоционально-волевой сфере [\[21, с. 282\]](#).

Е.М. Костенко, С.А. Огнев, анализируя практический инструментарий психологической работы с профессиональным стрессом, в качестве основных рекомендуемых методов управления стрессом предлагают: аутогенную тренировку (аутотренинг), медитацию, методику глубокого медленного дыхания, метод мышечной релаксации, самогипноз, майндфулнесс (секулярная медитация), арт-терапию (творческие составляющие) [\[22\]](#).

М.В. Прякина в своих работах пишет о том, что в ходе проведенных исследований при апробации комплексных реабилитационных программ, было доказано, что состояние нервно-психической дезадаптации, возникающее под воздействием факторов стресса, может быть успешно отрегулировано современными психокоррекционными методами, и не приводить к утрате сотрудниками ОВД трудоспособности в рамках выполняемой профессиональной деятельности. Основными психокоррекционными методами в этих программах явились методы телесно-ориентированной терапии. Однако, специфика иерархической соподчиненности в системе МВД РФ негативно окрашивает отношения «психолог-сотрудник». Большинство сотрудников опасаются, что данные, полученные психологом, могут стать достоянием вышестоящего руководства и негативно повлиять на ход службы и дальнейший карьерный рост [\[15, с. 237\]](#).

А.Г. Галимова, Д.А. Хасанова считают, что одними из популярных методов (способов) развития (повышения) стрессоустойчивости и снятия стресса у сотрудников органов внутренних дел являются психотренинги, занятия спортом, занятия творчеством и также использование дыхательных техник, которые берут свое начало из йоги. Особенности выполнения дыхательных техник – это прежде всего доступность, для них не требуется специального оборудования или специальной подготовки. Для дыхательных техник необходима только максимальная концентрация и понимание техники движений, что выгодно отличает их от других методов [\[23\]](#).

Л.Ю. Нежкина предлагает рассмотреть психофизический тренинг как средство профилактики профессионального стресса сотрудника органов внутренних дел. Основу психофизического тренинга составляют 5 специальных навыков: навык формирования уверенности в себе; управление своим внутренним разговором (внутренний монолог); регуляция уровня физической и психической активности; концентрация внимания; идеомоторные тренировки [\[24, с. 115\]](#).

Помимо всех перечисленных вариантов, нам так же видится целесообразным подход, применяемый организационными психологами, согласно которому для профилактики и борьбы с профессиональным стрессом следует применять три вида интервенций. Первичные интервенции связаны с выявлением и устранением факторов повышенной напряженности (стресс-факторов). Вторичные интервенции направлены на изменение реакций сотрудников на стрессоры (программы и тренинги развития стрессоустойчивости, психосоциальной реабилитации, релаксации, здорового образа жизни). Третичные интервенции сосредоточены на минимизации вредных последствий, сформированных в осложненных условиях труда (эргономика рабочего пространства, тренинги командообразования, программы оптимизации социально-психологического климата в коллективе).

Важно понимать, что сам по себе концепт «профессиональный стресс» в психологическом смысле – это ментальная модель, отражающая представления индивида о причинах возникновения и развития стресса, связанным с выполнением профессиональной деятельности и его проявлениях [\[25, с. 113\]](#).

Для выявления ментальной репрезентации профессионального стресса в проведенном исследовании нами применялся направленный ассоциативный эксперимент с последующим контент-анализом результатов. В соответствии с инструкцией респондентам необходимо было максимально подробно описать стрессовые ситуации в профессиональной деятельности, которые лично для них имеют субъективное значение и воспринимаются как профессиональный стресс. Время на выполнение заданий не было ограничено и составило в среднем от 10 до 20 минут.

Выборку респондентов составили 140 сотрудников полиции, в том числе: 70 человек – курсанты 3-4 курса и слушатели 5 курса очной формы обучения, обучающиеся по специальностям: 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность»; 70 человек – действующие сотрудники полиции, проходящие на момент проведения исследования обучение по заочной форме по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» на базе Владивостокского Филиала Дальневосточного Юридического института МВД России.

Распределение выборки по поло-возрастному признаку следующее: среди обучающихся очной формы 30 девушек (42,86%) и 40 юношей (57,14%), возрастной диапазон 20-22 года; среди обучающихся заочной формы 15 женщин (21,43%) и 55 мужчин (78,57%), возрастной диапазон 26-48 лет.

Анкетирование проводилось анонимно, на добровольной основе.

При обработке результатов исследования использовался контент-анализ ответов респондентов на поставленный вопрос. Следует отметить, что ответы обучающихся были краткими и ёмкими, практически не содержали пояснений и иллюстрирующих примеров. Ответы действующих сотрудников полиции были достаточно развернутыми, системными (с объяснением причинно-следственных связей) и содержали большое количество примеров стрессовых ситуаций из собственного практического опыта работы в полиции.

Контент-анализ ответов респондентов позволил выявить следующие категории и подкатегории (единица анализа).

Категория «компетенции» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с некомпетентностью руководства, непониманием поставленных задач и

недостаток знаний и навыков. При этом были обозначены: недопонимание и несправедливость со стороны руководящего состава; «подставы» и давление со стороны руководства; нежелание руководства выслушать, зависимость принимаемого решения от настроения; противоречивые указания; непонимание того, что конкретно и как нужно сделать и никто не может внятно объяснить и помочь; оказаться в сложной и неоднозначной ситуации, ранее с которой не сталкивался и не знание как с ней справиться, в виду отсутствия опыта и должного уровня квалификации; необходимость сделать что-то в первые и в одиночку; растерянность от нехватки опыта и знаний, в частности: недостаточный уровень знаний, толкования и применения нормативных, (нормативно-правовых) актов, неспособность своевременно и в полном объеме отслеживать все изменения в издаваемых нормативных (нормативно-правовых) актах.

Категория «параметры работы» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с многозадачностью, неопределённостью, срочностью поставленных задач, нехваткой времени, высокой ответственностью, большим и неравномерным объемом работы, чрезмерной физической и психоэмоциональной нагрузкой. При этом были обозначены следующие ситуации профессионального стресса: много задач, которые появляются разом и нет знания/ понимания как их решать; необходимость одновременного решения нескольких срочных задач, поставленных разными руководителями; срочные поручения, отвлекающие от конкретной задачи; планируешь одно, поступают указание все бросить и делать другое (срок исполнения – вчера); неизвестность при вынужденном действии; неопределённость в работе, ситуация к которой не был готов; неожиданно поставленная задача, для выполнения которой нужна предварительная подготовка, например подготовить отчет на основе данных, которые нужно предварительно, собрать, обработать, проанализировать и обобщить; установление временных стандартов на выполнение работы, невыполнение которых влечет за собой ухудшение всей ситуации, и вместе с тем установление наказания со стороны руководства; большой объем работы с минимальным количеством информации; большая нагрузка и постоянная погоня за сроками; большая загруженность, сопряженная с нехваткой времени, нескончаемый поток работы; высокая степень ответственности за принятое решение и допущенную ошибку.

Категория «социальное взаимодействие» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с конфликтами с руководством, коллегами, гражданами, сложностями коммуникаций, отсутствием помощи и поддержки, отсутствием единомышленников; неблагоприятным социально-психологическим климатом в коллективе. При этом в качестве стрессовых ситуаций были обозначены: напряженность общения с неадекватными гражданами и преступниками; ненадлежащее общение – повышение голоса, крики, нецензурная лексика; выступление перед большой / незнакомой или малознакомой аудиторией; отсутствие поддержки со стороны граждан и государства в целом; постоянные нарекания, критика со стороны руководителя при отсутствии конструктивности; отсутствие помощи и поддержки со стороны руководителя и коллег; отсутствие единомышленников со стороны коллег.

Отдельно в категории социальное взаимодействие следует выделить конфликты с руководителем, коллегами, подчиненными, гражданами.

Причины профессионального стресса при **конflikте с руководителем** были обозначены следующим образом: противоречивые указания; неадекватное принятие решений и постановка задач (порой в будущем противоречащих ранним); «забывание» ранее достигнутых договоренностей и обещаний, например, когда руководство ставит сначала одни задачи, потом на ходу их меняет и говорит, что этого не было, а что надо

было – не выполнено, при этом еще подбрасывает параллельно несколько задач и все надо было сделать вчера; видение руководства не совпадает с представлениями подчинённых; нежелание зачастую слушать доводы и принимать иную точку зрения, самодурство; разговор на «разных языках», мнимое превосходство со стороны руководства; в некоторых случаях боязнь принимать на себя ответственность и принимать решения; кумовство, выделение «любимчиков в коллективе»; делегирование полномочий другим сотрудникам, перекладывание ответственности и обязанностей на тех кто и так «пашет»; постановка несвойственных задач не входящих в обязанности; не понимание реальной ситуации, не желание руководства идти на компромисс; конфликты из-за графика работы, графика отпусков, смены рабочего графика в последний момент; из-за плохих условий труда, отсутствия должного материально-технического обеспечения и жесткими требованиями к выполнению работы, бюрократизма; высокие требования, ненужные задачи, постоянный маниакальный контроль.

Причины профессионального стресса при **конфликте с коллегами** были обозначены следующим образом: каждый думает, что он лучше и больше работает, чем все остальные; незаинтересованность, халатное отношение к работе; неравномерное распределение объема работы, обязанностей и ответственности; отсутствие воспитания, склочный характер, хамство; отвлечение от основной работы пустыми разговорами, слишком частыми перекурами, перерывами на чай-кофе; желание коллег переложить свои обязанности на других; невыполнение своих служебных обязанностей; низкий уровень квалификации некоторых коллег, грубость, высокомерие; некоторые коллеги работают «спустя рукава», не ответственно относятся к своей работе; низкая дисциплинированность и объем правовой подготовки, «работа из-под палки»; могут подставить, уйдя на «больничный»; личная неприязнь, «подковерная возня», сплетни и обсуждение за спиной, включая личную жизнь; непрофессионалы занимают место достойных людей.

В связи с тем, что только у 6 респондентов в подчинении есть сотрудники, подкатегория **«конфликты с подчинёнными»** представлена минимальным количеством ответов, обобщив которые, приходим к выводу что профессиональный стресс в ситуациях конфликтов с подчинёнными обусловлен преимущественно: попытками уклонения от работы; ленью, не желанием учиться и осваивать новые знания и навыки; отказом в предоставлении того, чего они хотят, например, отпуск в предпочитаемое время года.

Причины профессионального стресса при **конфликте с гражданами** были обозначены следующим образом: отсутствие понимания деятельности и предназначения сотрудников полиции в общем; при проведении массовых мероприятий (досмотр личных вещей), люди не хотят показывать содержимое своих сумок, рюкзаков; недопонимание, как правило в служебной деятельности сталкиваемся с людьми ведущими асоциальный образ жизни, в общении данные граждане изначально настроены на конфликт; неадекватное поведение из-за измененного состояния; безалаберность, безответственность, неумение отвечать за свои поступки; неграмотность, неумение воспринимать информацию, лица ранее судимые, несовершеннолетние преступники; отсутствие такта, субординации со стороны граждан; агрессивно настроенные обиженные заявители, несогласные с принятым по их заявлению решением, а также заявители, которые вначале написали заявление, а потом – «хочу забрать заявление», «ничего не желаю»; негативное отношение к сотрудникам полиции, грубость общения со стороны граждан, незнание законов гражданами; недоверие граждан к ОВД, их желание самоутвердиться в конфликте с сотрудниками МВД; правовой нигилизм, нежелание граждан подчиняться представителям власти; утверждение: Вы должны (обязаны)! В большинстве случаев конфликты с гражданами

происходит из-за того, что граждане находятся в состоянии опьянения, и им безразлично кто с ними общается или находится рядом. Отсюда и оскорбления, и нецензурная брань в твой адрес. При этом сотруднику полиции в любой ситуации с гражданами надо быть вежливым и тактичным, стараться разобраться в проблеме и помочь.

Категория «условия и организация труда» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с бюрократизмом, неукомплектованностью кадров, слабой материально-технической базой. Типичное описание стрессовой ситуации, связанной с условиями и организацией труда выглядит следующим образом: большая нехватка личного состава (следовательно большая нагрузка: практически в каждом отделе сейчас один сотрудник работает за троих), находишься постоянно в напряжении, плохое техническое обеспечение, большое количество бумажной работы с ограниченными сроками (в том числе и за отсутствующих коллег по причине из отпуска или больничного), при этом другие обязанности не отменяются, нехватка времени на исполнение данных документов, и как следствие это создает сильный дискомфорт, так как ты постоянно крутишь в голове, что тебе необходимо исполнить документы в срок; отсутствие необходимых средств для выполнения служебных обязанностей; некомплект сотрудников, из-за чего приходится постоянно выходить в резервы; факторы производственной среды: оборудование (старое /сломанное / отсутствие необходимого оборудования), отсутствие расходных материалов (картридж, бумага), отсутствие топлива в должном объёме; старое оборудование и программное обеспечение отнимает очень много полезного времени; бюрократические проволочки, излишний документооборот.

Категория «Угроза личной безопасности» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с неадекватным поведением граждан, общением с особым контингентом, толпой, необходимостью применения оружия. Так в частности, были получены следующие ответы респондентов при описании ситуаций профессионального стресса: подозреваемый может наброситься с ножом и причинить вред следователю; страх остаться наедине с преступником крупного телосложения и агрессивно настроенным; неадекватное поведение других людей (подозреваемых); ситуация в которых создается угроза жизни и здоровья сотрудника и других людей; превосходство в живой силе со стороны преступников; пресечение уголовно наказуемых преступлений в момент его свершения; задержание особо опасных вооружённых преступников; необходимость применять табельное оружие; стрельба на поражение; агрессивно настроенная неуправляемая толпа.

Категория «Неудовлетворенность» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с процессом труда, результатом труда, содержательностью труда, финансовым результатом (вознаграждением за труд), условиями труда, несправедливостью. Среди ответов респондентов можно выделить следующие аспекты неудовлетворённости, создающие профессиональный стресс: обвиняют в том, что не делал и не получается отстоять свою точку зрения; несоблюдение законодательства в сфере труда; нет удовольствия от того, что делаешь; отсутствие результата и развития; заниматься тем, что никаких знаний и навыков не приносит, просто для галочки; несправедливое отношение; работа за других; отсутствие видимого поощрения за проделанную работу; отсутствие нормальной зарплаты; несправедливый выговор и лишение премии; неблагодарность, неуважение.

Категория «Нарушение баланса» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с нарушением баланса труда и отдыха; работы и личной жизни. Прежде всего

респондентов волнуют следующие аспекты: отсутствие отпуска в определенное (желательное) время; отсутствие свободного времени; работа допоздна без выходных; непрерывающаяся работа на протяжении длительного времени без должного отдыха; много работы и мало свободного времени; проведение отпуска и выходных в решении рабочих вопросов; огромное количество работы, которое лишает личной жизни; нехватка времени на личную жизнь; отсутствие личной жизни; невозможность проводить больше времени с семьей; работа наносит ущерб личным и семейным интересам, слишком мало времени на отдых, восстановление.

Категория «личные страхи и беспокойства» объединила ситуации профессионального стресса, связанные с беспомощностью и невозможностью повлиять на ситуацию, страхом допустить ошибку, страхом принятия неправильного решения, страхом увольнения, а также широким диапазоном внутриличностных конфликтов. Чаще всего в ответах респондентов можно встретить следующие ситуации: невозможность выполнить поставленную задачу; в некоторых случаях бесполезность действий; беспомощность; ситуация, которая выходит из-под контроля; оказаться в ситуации, из которой не можешь найти выход или решения; человеческий фактор.

Среди индивидуальных (субъективных) страхов и беспокойств, связанных с профессиональным стрессом, хотелось бы отметить: страх проспать и опоздать; страх потери авторитета, показательное унижение перед коллективом; участие в параде / строевом смотре; выступление с отчетом на совещании с пониманием того, что реальных результатов нет; возвращение дела / документов на доработку.

В качестве иллюстрации личных страхов и беспокойств, связанных с профессиональной деятельностью, можно привести несколько примеров из анкет респондентов:

- «...В практической деятельности часто приходится сталкиваться с ситуациями, связанными с поиском несовершеннолетних детей, работой с семьями, где дети находятся в социально опасном положении. Как женщина и мать, являясь при этом сотрудником полиции, остро и болезненно реагирую на подобные происшествия. Так же усиливает тревожность ночные выезды, так как проявляется усталость и накопленная агрессия...».

- «...Стрессовая ситуация, когда дежурная часть отправляет на вызов, но ты не пока не приедешь на вызов и точно не узнаешь, что там, возникает тревога, стресс...».

- «...Стрессовой ситуацией в моей профессиональной деятельности является то, что, когда служебная машина ломается - на неё нет запчастей. Машину дежурной части, закреплённую за мной я ремонтирую сам, так как фирмы которые должны по договору их ремонтировать, крайне халатно относятся к этому...».

- «... Стрессовая ситуация для меня, когда упустил преступника, когда поймал педофила или убийцу и вижу, что он ухмыляется и не боится наказания, плюс в связи со сложившейся обстановкой в Украине – все требуют объяснения почему мы туда не едем, осуждают и не понимают...».

- «... Ситуации, случающиеся в личной практике впервые, и в разрешении которых низкий уровень квалификации не позволяет принять правильное решение, при которых чувствуешь себя необразованным и неквалифицированным, и мысли о том, что обращение за помощью к более опытным и квалифицированным коллегам может вызвать негатив и массу критики с их стороны...».

- «... Наличие рабочих моментов, которые абсолютно бесполезны и никому не нужны! Когда руководство требует выполнить определённые действия, а я понимаю, что, сделав это, спустя пол часа, мои отчёты, справки и т.п. буду выброшены в мусорку! А чтобы выполнить данную работу порой приходится тратить уйму времени и сил. При этом работа, которая действительно важна, нужна, остаётся на заднем плане...».

Кроме того, необходимо отметить значимость внутриличностных конфликтов, которые становятся причиной личностного беспокойства сотрудников полиции под действием профессионального стресса. Среди ответов респондентов можно выделить следующие: нереализованные желания, конфликт мотивов: не могу понять, что хочется больше, встать на руководящую должность или уйти на пенсию; постоянное ожидание плохих новостей; ругаю и виню себя за то, что постоянно беру работу на дом; виню себя за то, что провожу мало времени с семьёй; из-за переутомления становлюсь агрессивным, раздражительным и срываю злость на любимых и близких; занижение самооценки, трудности в выборе и принятии решения (вдруг ошибусь); противоречие между внутренней потребностью и социальной нормой; работая в маленьком городе зачастую приходится сталкиваться с правонарушениями, которые совершили давние знакомые, друзья, соседи и прочие известные мне люди, которых необходимо задержать по долгу службы, но личные взаимоотношения просят об обратном; внутренние терзания, когда болеет ребёнок, родители, супруг, а нужно идти на работу и выполнять свой служебный долг; постоянное сомнение в себе – все ли правильно делаю; понимая, что не успеваю сделать свою работу, не могу отказать коллеге, который просит помощи; откладываю до последнего какую-то непонятную для меня или просто неприятную для меня работу, хотя понимаю, что никто ее за меня не сделает; внутренний разрыв, постоянный выбор между семьёй и работой; конфликт связан с распределением времени и личных усилий, направленных на себя/семью/работу; ощущение, что занимаюсь не тем, чем, хотелось бы а чем хотелось бы – не знаю; понимание, что не на своем месте, а уйти жалко, так как до минимальной пенсии осталось несколько лет; сомнение в собственной компетентности, самобичевание за допущенные ошибки; понимаю суть проблем и важность неотложных дел, но не могу правильно распределить время для их решения (откладываю на потом).

Таким образом, следует отметить, что в понимании профессионального стресса огромную роль будет играть личностный аспект, связанный с субъективным восприятием стресс факторов, мировоззрением, иерархией ценностей, личной ответственностью, отношением к выполняемой профессиональной деятельности и другим людям, эмоциональностью и человечностью.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Теме профессионального стресса в деятельности правоохранительных органов посвящено достаточно большое внимание как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. При этом зарубежные исследования сосредоточены на практикоориентированных аспектах, проверке частных гипотез, выявлении факторов и способов, способных обеспечить профилактику и нейтрализацию профессионального стресса у полицейских. Отечественные исследования, носят преимущественно теоретический характер, анализируя причины возникновения, стадии протекания, последствия проявления. В прикладном аспекте отечественные исследователи рассматривают тему профессионального стресса у представителей правоохранительной деятельности, как правило, детализированы по видам профессиональной деятельности (следователи, сотрудники государственной инспекции безопасности дорожного движения, сотрудники следственных изоляторов, исправительных колоний и т.д.), но

комплексные исследования, интеграция результатов, как правило, не проводится.

2. Стрессогенная специфика профессиональной деятельности полицейских предполагает необходимость особой поддержки со стороны государства и руководства, обеспечение, в случае необходимости, социальной и психологической помощи сотрудникам полиции, подверженным профессиональному стрессу и посттравматическому стрессовому расстройству. При этом усилие зарубежных исследователей направлены на разработку тренингов и программ обучения совладения со стрессом действующих сотрудников полиции, а также программ реабилитации как действующих, так и уже вышедших на пенсию офицеров. Отечественные исследователи предлагают внедрять тренинги стрессоустойчивости уже в процессе обучения курсантов и прохождения первоначальной подготовки полицейских. Для действующих сотрудников отечественные исследователи предлагают использовать психологический инструментарий психокоррекции стресса и стрессовых расстройств (без акцента на специфику профессиональной деятельности полицейских).

3 . Проведенный контент-анализ представлений российских сотрудников полиции о профессиональных ситуациях, вызывающих стресс, позволил выявить 8 ключевых единиц анализа: компетенции; параметры работы; социальное взаимодействие (в том числе подробно описать причины конфликтов с руководителем, коллегами, подчинёнными, гражданами); условия и организация труда; угроза личной безопасности; нарушение баланса; неудовлетворенность; личные страхи беспокойства. При этом была проиллюстрирована высокая роль личного субъективного восприятия ситуации профессионального стресса.

4. Ответы обучающихся были краткими и ёмкими, практически не содержали пояснений и иллюстрирующих примеров. Бесспорно, что уже в период очного обучения курсанты и слушатели, являясь сотрудниками полиции, имеют достаточно сформированное (шаблонное, стереотипное) представление о будущей профессиональной деятельности, имеют ряд ожиданий относительно потенциальных стрессов в их будущей профессиональной деятельности. Соответственно, предложение отечественных исследователей внедрять тренинги стрессоустойчивости уже на этапе обучения профессии полицейский – вполне оправдано и целесообразно.

5. Ответы действующих сотрудников полиции были достаточно развернутыми, системными (с объяснением причинно-следственных связей) и содержали большое количество примеров стрессовых ситуаций из собственного практического опыта работы в полиции. В связи с этим тренинговые программы и программы обучения стрессоустойчивости и релаксации, ориентированные на действующих сотрудников полиции должны быть максимально приближены к реалиям полицейской деятельности, а психологический инструментарий должен быть максимально адаптирован под «полицейский профиль».

6 . Результаты проведённого исследования позволяют выделить перспективные направления дальнейшего исследования темы профессионального стресса в правоохранительной деятельности:

Во-первых, детальное изучение и систематизация актуальных стресс-факторов в профессиональной деятельности современных российских полицейских.

Во-вторых, детализация симптомов выявленных стресс-факторов профессиональной деятельности полицейских и разработка стратегии и тактики профилактики и психокоррекции профессионального стресса в правоохранительной деятельности.

В-третьих, изучение внеорганизационных стресс-факторов, которые напрямую не связаны с профессиональной деятельностью, но косвенно усиливают действие профессионального стресса.

В-четвертых, диагностика и исследование внутриличностных конфликтов полицейских, с целью разработки способов минимизации влияния данного фактора на эффективность профессиональной деятельности.

Библиография

1. Найденова С.В., Пономарев П.А. Профессиональный стресс: специфика возникновения и его психолого-экономические последствия // Современные инновации. – 2015. – № 2(2). – С. 97-100.
2. Sandvik, A.M., Gjevestad, E., Aabrekk, E. et al. Physical Fitness and Psychological Hardiness as Predictors of Parasympathetic Control in Response to Stress: a Norwegian Police Simulator Training Study. *J Police Crim Psych* 35, 504-517 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09323-8>
3. Ermasova, N., Cross, A.D. & Ermasova, E. Perceived Stress and Coping Among Law Enforcement Officers: an Empirical Analysis of Patrol Versus Non-patrol Officers in Illinois, USA. *J Police Crim Psych* 35, 48-63 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09356-z>
4. Kerswell, N.L., Strodl, E., Johnson, L. et al. Mental Health Outcomes Following a Large-Scale Potentially Traumatic Event Involving Police Officers and Civilian Staff of the Queensland Police Service. *J Police Crim Psych* 35, 64-74 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9310-0>
5. Husain, W. Depression, Anxiety, and Stress Among Urban and Rural Police Officers. *J Police Crim Psych* 35, 443-447 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09358-x>
6. Murad, M., Jiatong, W., Shahzad, F. et al. The Influence of Despotism on Counterproductive Work Behavior Among Police Personnel: Role of Emotional Exhaustion and Organizational Cynicism. *J Police Crim Psych* 36, 603-615 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09470-x>
7. Craddock, T.B., Telesco, G. Police Stress and Deleterious Outcomes: Efforts Towards Improving Police Mental Health. *J Police Crim Psych* 37, 173-182 (2022). <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09488-1>
8. Heusler, B., Sutter, C. Gaze Control and Training for High-Stress Situations in Law Enforcement: a Systematic Review. *J Police Crim Psych* 35, 401-413 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09338-1>
9. Grupe, D.W., McGehee, C., Smith, C. et al. Mindfulness Training Reduces PTSD Symptoms and Improves Stress-Related Health Outcomes in Police Officers. *J Police Crim Psych* 36, 72-85 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09351-4>
10. Lark, S., Kurtovich, R., de Terte, I. et al. The Effect of High-Intensity Intermittent Exercise on Chronic Stress and Potential Biomarkers: a Pilot Study. *J Police Crim Psych* 36, 41-48 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9303-z>
11. Viegas, V., Henriques, J. Job Stress and Work-Family Conflict as Correlates of Job Satisfaction Among Police Officials. *J Police Crim Psych* 36, 227-235 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-020-09388-w>
12. Chitra, T., Karunanidhi, S. The Impact of Resilience Training on Occupational Stress, Resilience, Job Satisfaction, and Psychological Well-being of Female Police Officers. *J Police Crim Psych* 36, 8-23 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9294-9>

13. Janssens, K.M.E., van der Velden, P.G., Taris, R. et al. Resilience Among Po-lice Officers: a Critical Systematic Review of Used Concepts, Measures, and Predictive Values of Resilience. J Police Crim Psych 36, 24-40 (2021).
<https://doi.org/10.1007/s11896-018-9298-5>
14. Singo, C., Shilubane, H.N. How Do Police Officers Cope with Stress? A Quali-tative Study. J Police Crim Psych 37, 984–992 (2022). <https://doi.org/10.1007/s11896-022-09556-0>
15. Пряхина М. В. Влияние внутриорганизационных источников стресса на нервно-психическую адаптацию сотрудников органов внутренних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3(47). – С. 233-238.
16. Шихова А. П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников спе-циализированных подразделений дознания органов внутренних дел // Вестник психотерапии. – 2007. – № 24(29). – С. 207-210.
17. Сизова В. В., Блохина М.В. Профессиональный стресс как предмет науч-ного анализа: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2020. – № 2(21). – С. 76-82.
18. Михайлова Т. В. Психологические последствия профессионального стресса среди сотрудников органов внутренних дел //Психология и педагогика служебной деятельности. – 2018. – № 3. – С. 49-51.
19. Красилов О. В. Профессиональный стресс в профессиональной деятельно-сти сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Акту-альные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – № 23-2. – С. 280-281.
20. Лавренко А. В. Проблема копинг-поведения сотрудников полиции при несении службы в условиях профессионального стресса // Азимут науч-ных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 4(33). – С. 339-342. – DOI 10.26140/anip-2020-0904-0077
21. Жидкова О. А. Аналитический обзор проблемы профессионального стресса и стресс-преодолевающего поведения сотрудников полиции // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 50-3. – С. 276-282.
22. Костенко Е. М., Огнев С.А. Практический инструментарий психологической работы с профессиональным стрессом // Мировые цивилизации. – 2021. – Т. 6, № 2. – С. 77-86.
23. Галимова А. Г., Хасанова Д.А. Профилактика стресса у сотрудников органов внутренних дел с помощью дыхательных техник // E-Scio. – 2019. – № 11(38). – С. 657-664.
24. Нежкина Л. Ю. Психофизический тренинг как средство профилактики профессионального стресса сотрудника органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – № 4(78). – С. 113-117.
25. Куваева И. О. Особенности организации концепта «стресс» у работников с разным уровнем профессионального стресса // Вестник Костромского гос-ударственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 112-117.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования».

Предмет исследования. Предмет исследования в работе не обозначен, но четко прослеживается. Предмет соответствует содержанию научной работы. В статье он раскрыт в соответствии с поставленной целью, задачами, а также эмпирически исследован.

Методология исследования. В рецензируемой работе была поставлена задача - выявить ментальную репрезентацию профессионального стресса. В качестве инструмента был использован направленный ассоциативный эксперимент, результаты которого в последующем обрабатывались посредством контент-анализа. Респонденты описывали стрессовые ситуации в профессиональной деятельности, которые для них отличаются субъективным значением и воспринимаются как профессиональный стресс. Выборка исследования является достаточной.

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Автор обосновывается актуальность как с понимания дефицитности теоретических и практических исследований, так с позиции необходимости учитывать влияние данного эмоционального состояния в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительной сферы.

Научная новизна в работе обозначена. Автор провел теоретический анализ литературы, что позволило ему сделать значимый вывод: в понимании профессионального стресса огромную роль будет играть личностный аспект, связанный с субъективным восприятием стресс факторов, мировоззрением, иерархией ценностей, личной ответственностью, отношением к выполняемой профессиональной деятельности и другим людям, эмоциональностью и человечностью.

Проведенное исследование позволило определить и оценить ряд компетенций: компетенции, параметры работы, социальное взаимодействие, конфликты с родителями, конфликты с коллегами, конфликты с подчиненными, конфликты с гражданами, условия и организация труда, угроза личной безопасности, неудовлетворенность, нарушение баланса, личные страхи и беспокойства.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы четко прослеживается. Во введении представлены описание актуальности и значительный теоретический обзор. Следующий раздел – описание программы исследования, процедуры эксперимента, метода и методики, а также респондентов. Далее описываются результаты. В заключении проводится подробное обсуждение полученных результатов, представлено краткое заключение.

Особое внимание уделено выделению перспективных направлений дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных и зарубежных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены не только научно-исследовательские статьи и монографии. Источники информации оформлены корректно.

Апелляция к оппонентам.

Поставленные автором цель и задачи были реализованы. Однако рекомендацией является необходимость более подробного описания результатов, выделения закономерностей и взаимосвязи.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям и практикам. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Якиманская И.С., Молокостова А.М. — Исследование восприятия подростками психологической безопасности образовательной среды // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39715 EDN: DQJXXM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39715

Исследование восприятия подростками психологической безопасности образовательной среды

Якиманская Ирина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-7503-9848

кандидат психологических наук

доцент, кафедра клинической психологии и психотерапии, Оренбургский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

460000, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Ул.советская, 6

✉ Yakimanskay@narod.ru



Молокостова Анна Михайловна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра социальной психологии, "Московский институт психоанализа" - негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования

121170, Россия, Московская область, г. Москва, проспект Кутузовский, 34, строение 14

✉ molokostova@yandex.ru



[Статья из рубрики "Социальные страсти"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39715

EDN:

DQJXXM

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2023

Аннотация: Предмет, цель работы. Эмпирическое исследование было нацелено на изучение параметров психологической безопасности образовательной среды как компонента детского социального опыта подростков. Новым является подход к исследованию представлений подростков о безопасности с точки зрения их изменений на протяжении длительного времени – с 2016 по 2022 год. Методом исследования стал опрос подростков, учащихся школ г. Оренбурга и Оренбургской области по предложенной нами анкете, включающей модификации методик И.А. Боевой (Психологическая диагностика безопасности образовательной среды школы) и Д.А.

Леонтьева (СЖО – тест смысловых ориентаций) Обследование проводилось дважды, в 2016 году и в 2022 году. Результаты. Обнаружен рост количества ответов, указывающих на отсутствие страхов и социальных рисков, связанных с социальной средой, также отмечено снижение количества ответов о проявлениях опасности в образовательной среде. Ресурсами помощи в опасных ситуациях в двух измерениях указаны родители и друзья, к педагогам обращается незначительное количество респондентов. Положительную тенденцию можно отметить в том, что большинство подростков способны обращаться за помощью в трудных ситуациях к взрослым. В ответах на вопросы о значимых и легкодоступных ценностях также не обнаружено значительной динамики, наиболее легкодостижимыми ценностями остаются деятельная жизнь, познание и наличие друзей. Выводы. Значительной динамики о оценке образовательной среды подростками школ Оренбурга и Оренбургской области не обнаружено. Однако поляризация оценок подтверждает, что часть подростков испытывает трудности реального взаимодействия в образовательной среде, что однозначно приводит к получению отрицательного социального опыта, формированию устойчивых качеств - беспомощности и пассивности.

Ключевые слова:

Психологическая безопасность, оценка образовательной среды, детский социальный опыт, подростки, ресурсы помощи, социальные риски, значимые ценности, легкодостижимые ценности, опрос, психологическое сопровождение

В социальной психологии изучение жизненного опыта традиционно связывают с началом размышлений о детском опыте в работах З. Фрейда, М. Клайн, Ф. Перлза, А. Ассаджиолли и других исследователей психоаналитического направления. Однако категория индивидуального опыта наиболее активно используется в рамках гуманистической психологии. Гуманистические психологи подчеркивают значение субъективного опыта как основного феномена в изучении и понимании человека. Так А. Маслоу утверждает, что «в основе большинства неврозов, так же как и при многих других расстройствах, лежит неспособность распознавать свои внутренние сигналы» [1].

Роджерс К. жизненный опыт оценивает с позиции того, насколько хорошо он служит тенденции актуализации. По мнению автора, интерпретация прошлых событий, а не их фактические обстоятельства, определяют настоящее поведение индивида [2].

В педагогической и возрастной психологии применяется устойчивое понятие и информативный конструкт, предложенный Л.С. Выготским, социальная ситуация развития. Восприятие социальных рисков образовательной среды самим учащимся является одним из параметров оценки социальной ситуации развития. В современной педагогической психологии социальная среда школы однозначно оценивается как конструктивное и мотивирующее или демотивирующее условие развития [3,4].

Мы обратились в работам, содержащим гипотетическую модель индивидуального опыта человека [5,6]. Предложенная исследователями модель включает такие элементы, как субъективный опыт - проявляется в активном отношении к собственной жизни, в поиске неповторимых личностных черт в себе, в ощущении изменчивости и текучести внутреннего мира; объектный опыт - проявляется в пассивном отношении к собственной жизни, ригидном восприятии собственного «Я», в простом описании, а не понимании

собственных поступков.

Нуркова В.В., развивающая автобиографический метод в психологии, выделила четыре различных источника воспоминаний о детстве: истинные натуральные; истинные социальные; ложные фантазийные; ложные артефактные [7]. Скорее всего, именно социальные события обладают наиболее впечатляющим действием в образовательном учреждении, так как, по мнению автора, они проявляются в диалоге со взрослыми. Социальные воспоминания часто являются воспитательным инструментом взрослого, применяемого для закрепления определенных черт характера ребенка и для формирования самооценки [8]. Так формируются социальные установки об опасности или безопасного взрослого мира.

В современных исследованиях различных факторов детского опыта и его влияния на развитие личности российские исследователи акцентируют внимание на безопасности образовательной среды. Мы обратились к некоторым работам, которые опираются на подход И.В. Баевой [9]. Основной угрозой автор считает возможность получения психологической травмы в процессе обучения и в образовательном пространстве, при этом причиняется ущерб конструктивному развитию и психологическому здоровью. Источником такой травмы И.А. Баева указывает психологическое насилие, его могут осознанно или в соответствии с установками совершать педагоги и родители. Прокомментируем несколько исследовательских работ, связанных с нашей темой.

В проведенном эмпирическом исследовании было показано, что особенности, связанные с сохранностью психического здоровья в образовательной среде следующие: ценности, социальный интеллект, низкий уровень агрессивности и жизнестойкость. Поддерживать психологическую безопасность учащегося позволяют конформность и следование традициям, позитивный образ будущего, переживание общности с другими людьми, способность понимать и прогнозировать чувства и поведение других людей, чувство вовлеченности в события жизни [10,11].

В своем исследовании А.А. Калаева также изучает взаимосвязь различных факторов и психологической безопасности среды. Автор показывает достоверную взаимосвязь оценок возможности управлять средой, возможности для личностного роста и параметрами психологического благополучия [12].

Представление об индивидуальном опыте как результате проявлений активности и инициативности исследовал В.С. Леднев. Автор связывал компоненты опыта личности с видами деятельности – с ценностно-ориентационной, познавательной, преобразовательной, коммуникативной, эстетической и физической. Субъективная оценка или самооценка была решающим компонентом в оценке опыта личности [13].

В педагогической психологии преобладает мнение, что если ребенок не может ставить себе цель, составлять программу её реализации цели, отслеживать и оценивать свои действия, то он не накапливает личностный опыт социального взаимодействия. Так Ю.О. Бирюкова выражает устойчивое в педагогических исследованиях понимание: личностный опыт приравнивается к рефлексии [14]. Полагаем, так подтверждается важность понимания оценки восприятия личностью социальной ситуации развития.

В работе А.Н. Селиванова проводится анализ компонентов проактивности и сравнение половых особенностей проактивности. Подтверждается, что положительная, однако, слабая взаимосвязь между проактивным поведением и психологической безопасностью

образовательной среды имеет гендерный аспект: юноши склонны использовать активно деятельные механизмы проактивного поведения, а девушки чаще используют основанные на эмоциях механизмы проактивного поведения. Так, юноши проявляют волевой контроль выстраивая поведение, например, уходят от стрессовой ситуации, а девушки чаще обнаруживают отрицательное эмоциональное реагирование [\[15, 16\]](#).

Положительное или разрушающее воздействие образовательной среды может сочетаться с деструктивным воздействием семьи или социума, окружающих ребенка. Образовательное учреждение может создавать пространство, где учащийся встречается с поддержкой, давлением или изоляцией. Так, показывает автор, высокий уровень психологической безопасности образовательной среды снижает выраженность переживания одиночества, проявлений симптомов депрессии, способствует развитию более высокого уровня осознанности и ответственности за достижения в настоящем и будущем [\[16\]](#). Смутное восприятие жизненной перспективы и безнадёжность приводят к формированию устойчивых личностных особенностей - эмоциональной нестабильности, негативизма, самовлюбленности и ранимости [\[17\]](#).

Недостаточность социальных или личностных особенностей, связанных со способностью справляться с трудностями и стрессами взросления становится весьма значимым фактором развития или его стагнации. Отсутствие конструктивных способов и сильных личностных черт не может быть предметом отвержения ребенка, ответственность лежит на взрослых, педагогах и родителях, которые имеют ресурсы и опыт создавать безопасную социальную среду, способствующую развитию, психическому и физическому здоровью ребенка [\[18\]](#).

Цель и предмет. Нами было организовано и проведено исследование, направленное на изучение параметров психологической безопасности образовательной среды.

В исследовании изучались оценка образовательной среды школ подростками, а также ценностно-ориентационная направленность подростков-учащихся в г. Оренбурге и области. Обследование проводилось дважды, в 2016 году и в 2022 году. В опросе 2016 года приняли участие подростки сельских и городских школ, соответственно 1904 и 1149 подростков (возраст 13-15 лет, 50% мальчиков, 50% девочек). В опросе 2022 года приняли участие подростки сельских и городских школ, соответственно 1946 и 1320 подростков (возраст 13-15 лет, 50% мальчиков, 50% девочек). Обследование проводилось по запросу Министерства образования Оренбургской области в 2022 году с целью мониторинга образовательной среды и общеобразовательных учреждений, начатого в 2016 году.

Методом исследования стал опрос подростков, учащихся школ г. Оренбурга и Оренбургской области по предложенной нами анкете, включающей модификации методик И.А. Бaeвой (Психологическая диагностика безопасности образовательной среды школы) и Д.А. Леонтьева (СЖО – тест смысложизненных ориентаций) .

Далее представлены результаты опроса подросткам по некоторым вопросам, наиболее тесно связанным с оценкой образовательной среды. В таблице 1 и на диаграмме 1 представлено распределение ответов подростков об общем ощущении безопасности в 2016 и в 2022 годах.



Рисунок 1. Общая оценка безопасности подростками в сравнении ответов 2016 и 2022 годов.

Как отражено на диаграмме 1, прослеживается увеличение однозначно положительных оценок среды, так в 2016 году 16 % подростков сообщали, что не опасаются никого и ничего, в 2022 году уже 24 % респондентов дает таких ответов. Также значительно увеличилось число ответов о том, что подросток никогда не сталкивается с опасностью, в 2016 году таких ответов 36%, в 2022 году – 44%. В то же время снизилось количество ответов, свидетельствующих о том, что приходится сталкиваться с трудностями и о предпочтении сидеть дома, всего таких ответов было около 20% в 2016 году по сравнению с 8 % в 2022 году. По ответам подростков можно заключить, что примерно одинаковое количество подростков справляется с воспринимаемыми опасностями: 28 % в 2016 году и 24% в 2022 году, и с ними не встречается, 8% в 2016 году и 7 % в 2022 году.

Таблица 1. Количество ответов о воспринимаемых опасностях в обследованиях подростков 2016 года и 2022 года

Год исследования	Формулировка ответов и количество соответствующих ответов в %				
	Ничего и никого не боюсь	Никогда не сталкивался с настоящей опасностью	Опасные ситуации бывают, но я с ними справляюсь	Довольно часто приходится сталкиваться с опасностью	В вечернее время предпочитаю сидеть дома
2016	16	36	28	8	20
2022	24	44	24	7	8

При оценке общего состояния безопасности снижение количества ответов об опасной среде можно связать со снижением криминогенной ситуации в Оренбурге и Оренбургской области. Мы проводили психологический анализ комментариев подростков, которые они давали в дополнение к выбору ответа из предложенных. Пустая графа для ответа включала такое пояснение: «Если вам скучно, стремитесь ли вы войти

в группы сверстников, собираете ли вы сами друзей вместе, общаетесь в интернете.... Или дайте ответ, который больше соответствует вашим потребностям».

Позитивную динамику в оценках образовательной среды можно связать и с тем, лишь незначительная часть опрошенных подростков осознает социальные риски. Подростки зачастую отказываются от контактов с друзьями и разнообразных активностей, не проявляют инициативность и самостоятельность в формировании круга общения и в выборе интересной общественно значимой, объединяющей и мотивирующей совместной активности. Также вероятно, что когнитивная и эмоциональная ориентировка подростков в сложных ситуациях затруднена, обнаруживается неготовность самого подростка к проактивной деятельности. Лишь незначительная часть подростков дала пояснения о собственной роли в организации общения, таких ответов 34 %. «Ничего не делаю», «сижу в интернете» – так написали 12 % подростков в 2016 году и 65 % в 2022 году. Можно заключить, что подростки ограничивают себя в получении реального, а не виртуального опыта и построении дружбы и сотрудничества с ближайшим окружением, предпочитая окружение виртуальное.

Видимо, значительная часть подростков не чувствуют себя субъектами своей жизни. Снижение количества ответов о том, что подросток справляется с опасностями также может свидетельствовать об отсутствии опыта обращения за помощью в совладании с жизненными невзгодами и трудностями в общении.

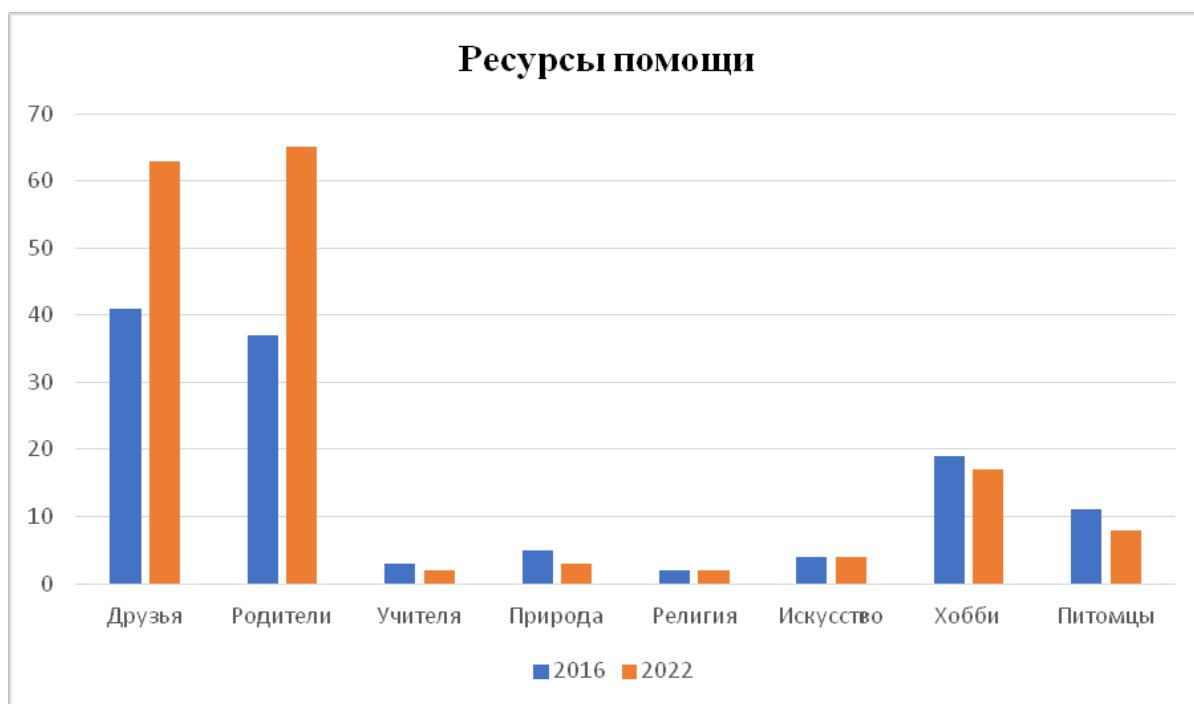


Рисунок 2. Ресурсы помощи и поддержки для подростков в сравнении ответов 2016 и 2022 годов.

В таблице 1 и на рисунке 2 отражена динамика ответов об основных ресурсах помощи, которые дали подростки в 2016 и 2022 годах. Подростку было предложено указать три наиболее применимых ресурса помощи. В диаграмме указано общее количество ответов по всей группе респондентов по каждой категории ответов - родители, друзья, вторые места занимают учителя, природа, хобби и домашние питомцы. Наиболее востребованными являются друзья и родители, причем в 2022 году (41% - друзья и 27% - родители) количество таких ответов увеличилось по сравнению с количеством ответов, данных в 2016 году (63% - друзья и 65% - родители).

Таблица 2. *Количество ответов подростков о доступных ресурсах помощи*

Год исследования	Ресурсы и количество соответствующих ответов в %							
	Друзья	Родители	Учителя	Природа	Религия	Искусство	Хобби	Питомцы
2016	63	65	3	5	1	3	19	12
2022	41	27	2	3	1	3	16	8

Мы полагаем, что данный результат подтверждает не только готовность, но и способность подростков обращаться за помощью в ситуациях, связанных с опасностью. То, что большинство подростков дает ответы об обращении к ресурсам – друзьям и родителям – является как обнадеживающим, так истораживающим, психологическое сопровождение подростков может опираться на эти востребованные ресурсы, способствовать обнаружению других ресурсов теми, кто им не пользуется. Малое количество ответов, указывающих на возможности обращения к учителю как ресурсу помощи, причем снижающееся от 2016 года к 2022 году (3% и 2% соответственно) не является случайным.

Можно сделать вывод, что педагог занят основной профессиональной деятельностью по обучению, и его личностный ресурс или недостаточен для учеников, или педагог сознательно не помогает подросткам справляться с трудностями. Возможно, прямые профессиональные задачи, поставленные педагогу органами управления образованием, являются превышающими его психические способности и временные ресурсы, что не позволяет ему эффективно решать задачи по воспитанию учащихся. Но это противоречие снижает доступность учителя и безопасность среды образовательной организации. Подростки не получают опыта взаимодействия с безопасным и дружелюбным взрослым, что не способствует получению конструктивного опыта и освоению эффективных способов разрешения проблем.

В таблице 3 и на рисунках 3 и 4, представлено количество ответов о значимых (важных) и наиболее легко достижимых ценностях. Подросткам было предложено выбрать не менее трех ценностей, как значимых, так и наиболее легко достижимых.

Интересным является и то, что значимые ценности в ответах подростков зачастую являются наименее достижимыми. Наиболее важными ценностями, как в 2016 году, так и в 2022 году, являются здоровье (53% и 63%), материально-обеспеченная жизнь (38% и 42%) и наличие хороших и верных друзей (35% и 37%) и любовь (37% и 29%). Свобода в выборе действий является довольно значимой, но трудно достижимой ценностью, причем в обследовании 2022 года разница между количествами ответов о важности (10% и 13%) и легкости достижения (22% и 18%) свободы меньше, чем в 2016 году. Наименее значимыми ценностями подростков в двух измерениях являются ценность переживаний красоты в природе и искусстве и творчество, такие ответы не набирают более 5% ответов по всей выборке.

Мы полагаем, что наиболее важные ценности определяются потребностью в социальных связях и принадлежности к группе, в то время как менее важные ценности связаны с индивидуальными и своеобразными чертами и интересами подростков.

Таблица 3. *Динамика изменения количества ответов подростков о важных и наиболее легко достижимых ценностях в 2016 и 2022 годах*

Ценности	2016		2022	
	Значимые	Легко	Значимые	Легко

		достижимые		достижимые
Деятельная жизнь	22	36	23	37
Здоровье	53	24	63	26
Интересная работа	35	30	37	32
Переживание прекрасного в природе и искусстве	5	15	5	16
Любовь	37	14	29	20
Материально-обеспеченная жизнь	38	14	42	17
Наличие хороших и верных друзей	35	31	37	36
Уверенность в себе	20	23	35	36
Познание	9	34	14	24
Свобода как независимость в действиях	10	22	13	18
Счастливая семейная жизнь	35	17	35	18
Творчество	4	27	9	25

Судя по количеству ответов, можно заключить, что самыми легкодостижимыми ценностями являются активная и деятельная жизнь, наличие верных друзей, уверенность в себе, интересная работа, познание. Закономерным является ответ о важности здоровья и материально – обеспеченной жизни, так как современное состояние общества и экономики побуждает взрослых транслировать детям ощущение опасности. Скорее всего, постоянная забота о материальном достатке приводит к восприятию взрослой жизни как нездоровой и наполненной непосильными заботами.

В то же время ценность познания не является значимой, значимой ее указывает меньшинство подростков. Незначительная ценность переживаний красоты в природе и искусстве сопровождается указанием на легкость ее достижения. Скорее всего, невысокая ценность переживаний красоты снижается ее легкостью.

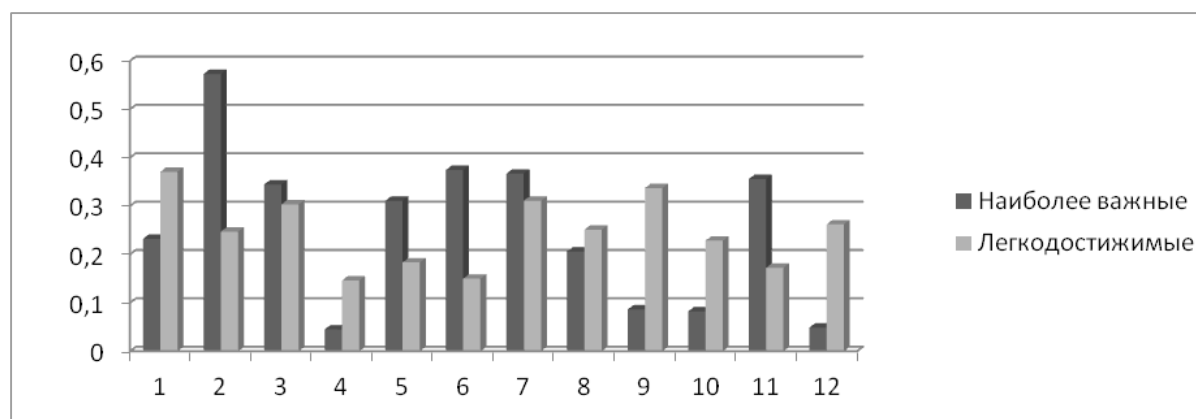


Рисунок 3. Соотношение ответов подростков о наиболее важных и достижимых ценностях в 2016 году. На диаграмме приняты условные обозначения: 1- Деятельная жизнь; 2 - Здоровье; 3- Интересная работа; 4 - Переживание прекрасного в природе и искусстве; 5 - Любовь; 6 - Материально-обеспеченная жизнь; 7 - Наличие хороших и верных друзей; 8 - Уверенность в себе; 9 - Познание; 10 - Свобода как независимость в действиях; 11- Счастливая семейная жизнь, 12 - Творчество.

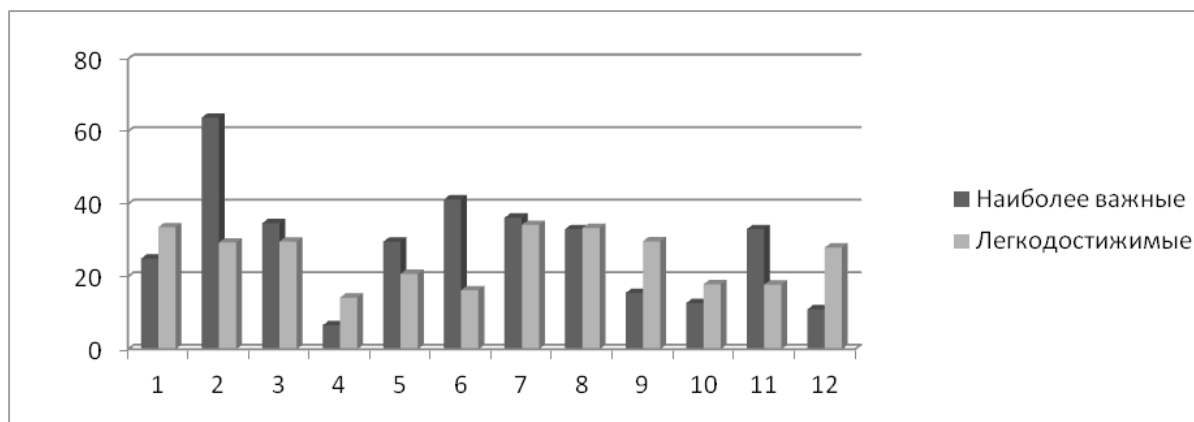


Рисунок 4. Соотношение ответов подростков о наиболее важных и достижимых ценностях в 2022 году. На диаграмме приняты условные обозначения: 1- Деятельная жизнь; 2 - Здоровье; 3- Интересная работа; 4 - Переживание прекрасного в природе и искусстве; 5 - Любовь; 6 - Материально-обеспеченная жизнь; 7 - Наличие хороших и верных друзей; 8 - Уверенность в себе; 9 - Познание; 10 - Свобода как независимость в действиях; 11- Счастливая семейная жизнь, 12 - Творчество.

Такой опыт восприятия взрослой жизни не способствует формированию самостоятельности и инициативности. В то же время значительное количество ответов подростков позволяет сделать выводы об осознании ими роли собственной активности в достижении успеха и счастливой жизни. Социальные риски в восприятии подростков превышают когнитивные и эмоциональные способности, возможно, опыт встречи с материальным неблагополучием и стрессом приводит к устойчивой беспомощности и неспособности выстраивать общение и деятельность в соответствии со своими ценностями и потребностями.

То же можно отметить в отношении ценности познания, которое является не просто доступной, но и обязательной деятельностью подростка. Вероятно, социальная среда не дает понимания, что образование дает инструменты и возможности для достижения желаемого материального статуса и достойного круга общения. В той же мере, вероятно, что подростки воспринимают кризисную среду общества и школы, низко оценивая успешность педагогов и окружения.

Наименьшее расхождение или большая близость важности и достижимости обнаруживаются лишь в отношении ценности «наличие хороших и верных друзей». В 2016 году о значимости друзей было дано 35% ответов, о достижимости – 31%; в опросе 2022 года значимость верных друзей была отмечена в 37% ответов, достижимость – в 36%. Можно заключить, что содержание и приоритеты в сравнении ответов 2016 и 2022 годов не имеют очевидных различий.

В целом полученные результаты можно связать с тем, что педагогам образовательных учреждений в настоящее время удается создавать благоприятную для большинства подростков социальную среду, однако внимание следует обращать на тех подростков, кто воспринимает образовательную среду как опасную и связанную с социальными

рисками.

Можно заключить, что оценка опасности / безопасности образовательной среды отражает накопленный детский опыт встречи с социальным миром. В подростковом возрасте личность активно осваивает способы социального взаимодействия, включающие разрешение трудных ситуаций общения и взаимодействия. Однако мы не связываем данный возраст с принятием необратимых установок и способов поведения, полагаем, коллегальная грамотная работа психологов и педагогов может дать ребенку значительный позитивный социальный опыт.

Библиография

1. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу.-М.: Смысл, 2019.-423 с.
2. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К. Роджерс.- М.: Прогресс, 2017.-479 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия человеческой жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская.-М.: Мысль, 2018.-299 с.
4. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К. Роджерс.- М.: Прогресс, 2017.-479 с.
5. Ветрова, В. В. Уроки психологического здоровья : (Рук. для психологов, педагогов и родителей по развитию личности ребенка дошк. и мл. шк. возраста) / В. В. Ветрова.-М. : Пед. о-во России, 2000.-183,
6. Салихова, Л. Б. Становление индивидуального опыта младших школьников в зависимости от стиля родительского отношения [Текст]: дисс. канд. псих. наук: 19.01.07 / Л.Б. Салихова.-М., 2017.-157 с.
7. Нуркова, В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности [Текст] / В.В. Нуркова.-М.: УРАО, 2019.-315 с.
8. Корнеев, П.В. О понятии жизненного опыта / П.В. Корнеев [Текст] // Философские науки.-2019.-№ 1.-С. 143-147.
9. Модель психологической безопасности подростка в образовательной среде / И. А. Баева, Е. Б. Лактионова, Л. А. Гаязова, И. В. Кондакова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 7-18.
10. Баева, И. А. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде / И. А. Баева, Л. А. Гаязова, И. В. Кондакова // Интеграция образования. – 2021. – Т. 25. – № 3(104). – С. 482-497.
11. Баева, И. А. Психологическая безопасность подростков в образовательной среде: факторы риска и защитные факторы / И. А. Баева, И. В. Кондакова // Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 14–15 октября 2022 года. – Севастополь: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение “Институт природно-технических систем”, 2022. – С. 12-17.
12. Калаева, А. А. Особенности взаимосвязи психологической безопасности психологического благополучия подростков в образовательной среде / А. А. Калаева // Научный альманах. – 2019. – № 1-2(51). – С. 194-197.
13. Леднев, В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы [Текст] / В.С. Леднев.-М.: Высш. школа, 2018.-223 с.

14. Бирюкова, Ю.О. Развитие личностного опыта младших школьников в учебном процессе [Текст]: дисс канд. психол. наук / Ю.О. Бирюкова.-Волгоград, 2019.-254 с.
15. Селиванов, А. Н. Гендерный аспект взаимосвязи проактивного поведения подростков и психологической безопасности образовательной среды / А. Н. Селиванов // Форум молодых ученых. – 2020. – № 6(46). – С. 629-635.
16. Чепелева, И. Ф. Влияние психологической безопасности образовательной среды на антивитальные переживания подростков / И. Ф. Чепелева // Актуальные исследования. – 2021. – № 42(69). – С. 98-100.
17. Буторин, Г. Г. Факторы риска семейной деструкции при вынужденной миграции / Г. Г. Буторин, Л. А. Бенько // Общественное психическое здоровье: настоящее и будущее : Сборник материалов VI Национального конгресса по социальной психиатрии и наркологии, Уфа, 18–20 мая 2016 года. – Уфа: Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2016. – С. 78-79.
18. Баева, И. А. Психологическая безопасность подростков в образовательной среде: факторы риска и защитные факторы / И. А. Баева, И. В. Кондакова // Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Севастополь, 14–15 октября 2022 года. – Севастополь: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение "Институт природно-технических систем", 2022. – С. 12-17.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Судя по названию статьи и ее тексту, речь идет о социализации подростков в аспекте оценок ими психологической безопасности образовательной среды. Поскольку автор не уделил внимания обоснованию актуальности своего исследования, приходится догадываться о его замысле. Необходимо обоснование актуальности с учетом современных представлений о проблемах безопасности именно в отношении образовательной среды. Поэтому представленные в самом начале текста литературные данные не совсем корректны, поскольку с тех пор все изменилось принципиальным образом.

Например, автор пишет, ссылаясь на литературу, что в трудах С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой – Славской и других советских психологов, изучались этапы и особенности жизненного пути, главным образом через понимание личности как субъекта жизни. Ананьев Б.Г. указывает, что поворотные моменты подлежат определению непосредственно самой личностью, способной приложить активность и изменить направление жизни. Платонов К.К. трактует жизненный опыт как одну из подструктур личности. К заявленной тематике это отношения не имеет.

Как и ссылки на то, что поддерживать учащемуся психологическую безопасность позволяют конформность и следование традициям, позитивный образ будущего, переживание общности с другими людьми, способность понимать и прогнозировать чувства и поведение других людей, чувство вовлеченности в события жизни.

Некоторые литературные данные не соответствуют контексту. Например, такие, как: «В своем исследовании А.А. Калаева также изучает взаимосвязь различных факторов и психологической безопасности среды. Автор показывает достоверную взаимосвязь

оценок возможности управлять средой, возможности для личностного роста и др. и параметрами психологического благополучия».

Можно согласиться, что «Образовательное учреждение может создавать пространство, где учащийся встречается с поддержкой, давлением или изоляцией». А также с тем, что «Смутное восприятие жизненной перспективы и безнадёжность приводят к формированию устойчивых личностных особенностей - эмоциональной нестабильности, негативизма, самовлюбленности и ранимости».

Тем не менее, выводы автора по анализу литературных данных в целом также не совсем убедительны. Например, такие как «Основные характеристики индивидуального опыта: социальное происхождение, событийность, эмоциональная насыщенность; открытость и организованность». По сути, такая формулировка выводом не является.

В тексте не сформулированы такие необходимые понятия, как методология исследования, его цель и предмет. Нет обоснования научной новизны. Не показаны методы исследования и возможности статистической обработки полученных данных. Просто указано, что «В опросе 2016 года приняли участие подростки сельских и городских школ, соответственно 1904 и 1149 подростков. В опросе 2022 года приняли участие подростки сельских и городских школ, соответственно 1946 и 1320 подростков». Все это требует доработки и уточнения. Желательно также показать возраст контингента, который в данном случае имеет принципиальное значение.

Стиль изложения материала поверхностный и малоубедительный. Написать можно, что угодно. Тем более, что по данному контенту, что-либо проверить, пересчитать не представляется возможным. Например, имеются только рисунки, а где таблицы с усредненными хотя-бы данными? Рисунки без статистических таблиц ничего не значат. А ведь автор пишет, «Как отражено на диаграмме 1, прослеживается увеличение однозначно положительных оценок среды, так 2016 году 16 % подростков сообщали, что не опасаются никого и ничего, в 2022 году уже 24 % респондентов дает таких ответов. Также значительно увеличилось число ответов о том, что подросток никогда не сталкивается с опасностью, в 2016 году таких ответов 36%, в 2022 году – 44%. В то же время снизилось количество ответов, свидетельствующих о том, что приходится сталкиваться с трудностями и о предпочтении сидеть дома, всего таких ответов было около 20% в 2016 году по сравнению с 8 % в 2022 году». И так далее по всем рисункам.

Сама структура текста не соответствует логике изложения научного материала. Должны быть обоснование актуальности, цель и предмет исследования, его методология, выводы и заключение. Ничего этого нет. Требуется существенная доработка текста.

Содержание включает собственную аргументацию автора. Ссылок на результаты подобных исследований у других других авторов нет.

Выводов нет.

Заключение сводится к тому, что, по мнению автора, «оценка опасности/безопасности образовательной среды отражает накопленный детский опыт встречи с социальным миром. В подростковом возрасте личность активно осваивает способы социального взаимодействия, включающие разрешение трудностей в общении и взаимодействия. Однако мы не связываем данный возраст с принятием необратимых установок и способов поведения, полагаем, коллегиальная грамотная работа психологов и педагогов может дать ребенку значительный позитивный социальный опыт и помочь в становлении субъективности». Но такое заключение само по себе слишком общее и к представленным данным почти не имеет конкретного отношения.

В библиографическом списке представленные источники также не все прямо относятся к заявленной тематике. Например, источники под №№ 1, 2, 3, 4, 6 и 18.

Поскольку исследование выполнено и потенциал текста имеет перспективу его

доработки, рекомендовать данную статью к публикации целесообразно только с учетом представленных в рецензии замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Исследование восприятия подростками психологической безопасности образовательной среды».

Предмет исследования. Предмет исследования в работе не обозначен. Опираясь на название, можно отметить, что в качестве предмета выступает исследование восприятия подростками психологической безопасности образовательной среды. Причем, автором был проведен сравнительный анализ результатов современных с 2016 годом.

Методология исследования. В основу исследования была положена цель, которая заключается в необходимости изучить параметры психологической безопасности образовательной среды. В качестве основного метода был выбран опрос подростков, которые обучаются в г. Оренбург и Оренбургской области. Методиками выступила модернизированная анкета И.А. Бабаевой и тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Причем, автором были произведено сравнение данных за 2016 и 2022 годы. Внимание уделялось общей безопасности подростков в сравнении ответов, часто воспринимаемым опасностям, наличию ресурсов помощи и поддержки, важным и легко достижимым ценностям. Полученные результаты проанализированы, представлены в графиках и таблицах.

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Автором обосновывается актуальность как с понимания дефицитарности теоретических и практических исследований, так с позиции необходимости создавать для подростков психологически безопасную образовательную среду. Однако, для этого необходимо изучить параметры психологической безопасности в образовательной среде.

Научная новизна в работе не обозначена. Автором были выделены специфические восприятия подростками психологической безопасности в образовательной среде.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы четко прослеживается. Во введении представлено описание актуальности и небольшой теоретический обзор, рассмотрено содержание психологической безопасности. Особое внимание уделено описанию личностных особенностей, которые связаны с способностью справляться с трудностями и стрессом. Следующий раздел – описание интерпретации и анализа результатов проведенного эмпирического исследования. В заключении представлен краткий вывод.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 18 отечественных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены не только научно-исследовательские статьи, монографии, но также диссертации. Источники информации оформлены в основном корректно, но некоторые оформлены не в соответствии с предъявляемыми требованиями. Можно выделить определенные неточности, которые нуждаются в доработке.

Апелляция к оппонентам.

Поставленные автором цель и задачи были реализованы. Однако, недостаточное внимание уделено описанию полученных результатов. Можно было получить более

значимые результаты при проведении факторного анализа и более глубокого качественного. Помимо этого, несмотря на значимость полученных результатов, внимание нужно было уделить выстраиванию аргументированных выводов.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Потапова Е.В., Аникина М.А., Чистов Р.С., Гудовский И.В., Шепелева Ю.С. — Исследование взаимосвязи тревожности и социометрического статуса педагогов средней школы // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39596 EDN: GGDWKB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39596

Исследование взаимосвязи тревожности и социометрического статуса педагогов средней школы

Потапова Екатерина Вадимовна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660028, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 82

□ potapowa.catia2011@yandex.ru



Аникина Марина Анатольевна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660072, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

□ exclus_ttt@mail.ru



Чистов Роман Сергеевич

кандидат философских наук

доцент, кафедра социологии, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

□ chistovrs@mail.ru



Гудовский Игорь Витальевич

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева

660074, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

□ shepeleva2024@inbox.ru



Шепелева Юлия Сергеевна

старший преподаватель, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1

□ shepeleva2024@inbox.ru



[Статья из рубрики "Понять человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39596

EDN:

EUN:

GGDWKB

Дата направления статьи в редакцию:

11-01-2023

Аннотация: Любой педагог, сталкиваясь с различными проблемными и стрессовыми ситуациями в своей профессиональной деятельности, должен оперативно и эффективно уметь их решать. Для этого, прежде всего, он должен иметь низкий уровень тревожности, поскольку повышенная тревожность, отрицательно сказывается на способности рационально решать проблемные ситуации. Нами было организовано и проведено исследование на базе Средней школы № 12 г. Красноярска. В нем принимали участие 37 педагогов школы. Целью исследования являлось изучение взаимосвязи тревожности и социального статуса педагога средней школы. Мы выдвинули гипотезу о том, что для педагогов средней школы с различным социальным статусом в группе характерны различия показателей тревожности, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих. 1. Педагоги с ярко выраженной тревожностью могут занимать любое статусное место, т.е. могут иметь любое количество выборов как положительных, так и отрицательных. На социальный статус не влияет уровень тревожности у педагогов 2. Существует взаимосвязь между тревожностью, и факторами, ее вызывающими а именно: между тревожностью и фрустрацией, между тревожностью и самовыражением, между тревожностью и боязнью коллег. Таким образом, основная выдвинутая нами гипотеза о том, что для педагогов средней школы с различным социальным статусом в группе характерны различия показателей тревожности, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих, не подтвердилась. Это значит, что современные педагоги не тревожатся по поводу своего положения, статуса, авторитета в группе.

Ключевые слова:

тревожность, социометрический статус, педагог, компетенция, деятельность, обучение, развитие, конфликт, индивидуальные различия, умения

Сегодня к профессии педагога предъявляются повышенные требования, связанные с наличием таких компетенций, которые отвечали бы новым веяниям времени. Конечно, прежде всего, это компетенции в области информационных, коммуникационных, дистанционных технологий, активно внедрившихся в нашу жизнь. Но не менее важными остаются такие «классические», актуальные во все времена характеристики, как психологическая устойчивость, низкая тревожность, авторитет и социальная позиция педагога не только среди учащихся, но и среди всего педагогического коллектива [\[11\]](#).

Любой педагог, сталкиваясь с различными проблемными и стрессовыми ситуациями в своей профессиональной деятельности, должен оперативно и эффективно уметь их решать. Для этого, прежде всего, он должен иметь низкий уровень тревожности, поскольку повышенная тревожность, отрицательно сказывается на способности рационально решать проблемные ситуации. Педагог, который управляет личностным развитием ученика, должен быть способен осознанно регулировать проявления своей

эмоциональности и тревожности, в том числе [\[12\]](#).

В Российской науке состояния тревожности у педагогов, их специфику изучают Алашеев С.Ю., Быков С.В. Шабанова Т.Л. [\[1, 12\]](#) и др.

Способы регуляции тревожных состояний исследованы в монографии Шабановой Т.Л. [\[12\]](#), статьях Гунзуновой Б.А. [\[4,\]](#), Маленковой Н.Л. [\[9\]](#) и др.

Значительное количество работ российских ученых посвящено изучению взаимосвязи тревожности и различных психологических аспектов: эмоционального выгорания, нормативности поведения, стрессоустойчивости. Это прежде всего работы Верченко И.А. [\[2\]](#), Мараловой Т.П. [\[8\]](#), Литуевой Е.В. [\[7\]](#) и др.

За рубежом тревожность педагогов как негативное качество, отрицательно сказывающееся на общем психологическом состоянии и эффективности профессиональной деятельности исследуют Amen E.W., Renison N. A. May R. Phillips B.N. Gorsuch R.L. [\[13, 19, 20,\]](#) и другие.

Исследование социометрического статуса педагогов средних школ и его взаимосвязь с различными психологическими компонентами профессиональной деятельности изучаются Гониной О.О. [\[3\]](#), Курнаевой И.Т. [\[5\]](#), Куц А.Н. [\[6\]](#), Мечик-Грозной О.С. [\[10\]](#) и др.

В современных зарубежных исследованиях социометрический статус педагогов, исследуется с точки зрения того, каким образом происходит его изменение в процессе социализации, как процесса, наиболее важного с точки зрения социального становления субъекта [\[14, 15, 16, 17\]](#). Также социометрический статус педагога изучается как фактор эффективного обучения и воспитания подростков [\[18, 21\]](#).

В связи с этим нами было организовано и проведено исследование на базе Средней школы № 12 г. Красноярска. В нем принимали участие 37 педагогов школы. Из них: женщин – 22, мужчин –15. Возраст респондентов 27-35 лет. Стаж работы – 5-10 лет.

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи тревожности и социального статуса педагога средней школы.

Мы выдвинули гипотезу о том, что для педагогов средней школы с различным социальным статусом в группе характерны различия показателей тревожности, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1 этап – сбор эмпирических данных

2 этап - Анализ и интерпретация результатов

3 этап - Статистическая обработка с помощью коэффициента корреляции Пирсона

Для определения уровня тревожности у педагогов мы использовали следующие методики:

1. Шкала явной тревожности CMAS(в адаптации А.М. Прихожан) .
2. «Тест школьной тревожности Филлипса», адаптированный для педагогов
3. Методика Дж. Морено «Социометрия».

Для исследования тревожности у педагогов мы провели тест - «Шкала явной тревожности СМАС» (в адаптации А.М. Прихожан) и получили следующие результаты (табл.2).

Таблица 2

Характеристика уровней тревожности у педагогов

Характеристика	Количество человек, %
Состояние тревожности испытуемому не свойственно	20%
Нормальный уровень тревожности	30%
Несколько повышенная тревожность	20 %
Явно повышенная тревожность	20%
Очень высокая тревожность	10%

Из таблицы 2 видно, что состояние тревожности испытуемым не свойственно в 20% случаев. Такое «чрезмерное спокойствие», может, как иметь, так и не иметь защитный характер. В данном случае, можно предположить, что имеет место «скрытая тревожность» - защитное поведение. Испытуемые часто говорят, что они не испытывают тревоги, но постоянно терпят неудачи из-за своего невезения, несостоятельности, отношения других людей.

Среди педагогов преобладает нормальный уровень тревожности, который необходим для адаптации и продуктивной деятельности. Данный уровень характеризуется оптимальным проявлением тревожности в случаях, когда необходима мобилизация для выполнения задач, на пути к определенной цели, адекватным уровнем критичности относительно жизненных ситуаций и составляет 30 %.

Несколько повышенная тревожность имеет место быть у 20 % респондентов. В данном случае, возникновение тревожности часто бывает связано с ограниченным кругом ситуаций, определенной сферой жизни. Это могут быть ситуации, связанные со школьной жизнью (проверки, открытые уроки, отчеты), с представлениями о самом себе (например, высоком уровне притязаний и низкой самооценке), с общением с коллегами («я хуже», «у меня не получается, как у других») и т.д.

Явно повышенная тревожность проявляется у 20,0 % респондентов и обычно носит «разлитой», генерализованный характер, свободно меняющий объекты в зависимости от изменения их значимости для человека. В этих случаях частная тревожность является лишь формой выражения общей.

Очень высокая тревожность проявляется у 10 % респондентов. Такой уровень проявления тревожности относится к группе риска, он может порождаться либо реальным неблагополучием школьника в наиболее значимых областях деятельности и общения, либо существовать как бы вопреки объективно благополучному положению, являясь следствием определенных личностных конфликтов, нарушений в развитии самооценки и т.п. Подобную тревожность часто испытывают педагоги, которые хорошо и даже отлично учатся, ответственно относятся к учебе, общественной жизни, школьной дисциплине, однако это видимое благополучие достается им неоправданно большой ценой и чревато срывами, особенно при резком усложнении деятельности.

Таблица 3. Гендерные различия тревожности у педагогов

Характеристика	Женщины, %	Мужчины, %
Состояние тревожности испытуемому не свойственно	10%	7%
Нормальный уровень тревожности	10 %	20%
Несколько повышенная тревожность	15%	5%
Явно повышенная тревожность	19%	3%
Очень высокая тревожность	0%	11%

Из таблицы 3, мы видим, что у педагогов-женщин преобладает явная тревожность (19%), у педагогов-мужчин преобладает нормальный уровень тревожности (20%) и очень высокая тревожность (11%).

Таким образом, у женщин возникновение тревожности часто бывает связано с ограниченным кругом ситуаций, определенной сферой жизни либо возникает в зависимости от изменения значимости объекта.

У мужчин преобладает нормальный уровень тревожности (20%). Они лучше адаптируются в ситуации и способны к продуктивной деятельности. Они способны мобилизовать свои силы для выполнения задач. В то же время очень высокая тревожность у 11% относит их группе риска. Видимое благополучие достается им неоправданно большой ценой и чревато срывами, особенно при резком усложнении деятельности.

Для выявления основных видов тревожности нами был проведен **«Тест школьной тревожности Филлипса», адаптированный для педагогов.**

Мы проанализировали общее эмоциональное внутреннее состояние педагогов, во многом определяющееся наличием тех или иных тревожных синдромов (факторов) и их количеством.

Таблица 4**Показатели тревожности у педагогов**

№№	Факторы тревожности	Средний показатель в процентах
1	Общая тревожность	50%
2	Переживания социального стресса	36 %
3	Фрустрация потребности в достижении успеха	38 %
4	Страх самовыражения	59 %
5	Страх ситуации проверки	72%
6	Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	67 %
7	Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	33 %
8	Проблемы и страхи в отношениях с коллегами	44 %

7	Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	37 %
---	---	------

Используя данную методику, мы рассматривали каждый параметр в отдельности, что являлось для нас информативным, и определенным образом наталкивало на выявление причин возникновения тревожности.

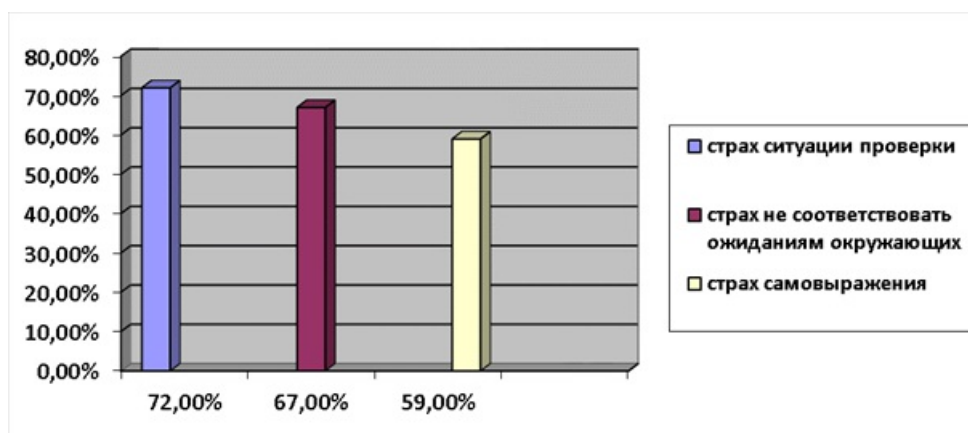


Рис. 1.

Показатели наиболее выраженной тревожности у педагогов

Анализируя результат данного исследования, мы заметили, что у наибольшего количества педагогов фактором высокой тревожности оказался:

1. Страх ситуации проверки - 72,7%, негативное отношение и переживание тревоги в ситуациях проверки.
2. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих - 67 %, педагоги ориентируются на значимость других в оценке своих результатов поступков и мыслей.
3. Страх самовыражения - 59 %. Педагоги испытывают негативные эмоциональные переживания ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей.

Таким образом, мы видим, что больше всего педагоги тревожатся из-за проверки их деятельности, беспокоятся о том, что могут сделать что-то не так. А также, педагоги сильно переживают из-за того, что не знают, как себя преподнести окружающим, выразить свои возможности.

Результаты, полученные при помощи **социометрических исследований**, представлены в виде социоматрицы (Приложение № 4).

В результате проведенного социометрического исследования среди педагогов мы определили следующие диагностические показатели:

«звезды» - 11 %, «предпочитаемые» - 24 %, «принятые» - 54 и «не принятые» - 11%.

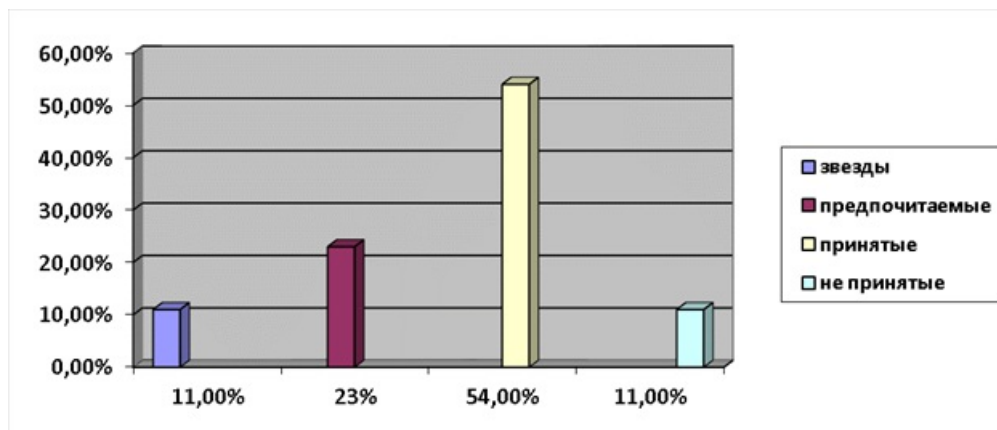


Рис. 2. Социальный статус педагогов

Далее мы проанализировали статусное положение педагогов по гендерному признаку. Результаты представлены на рис.3

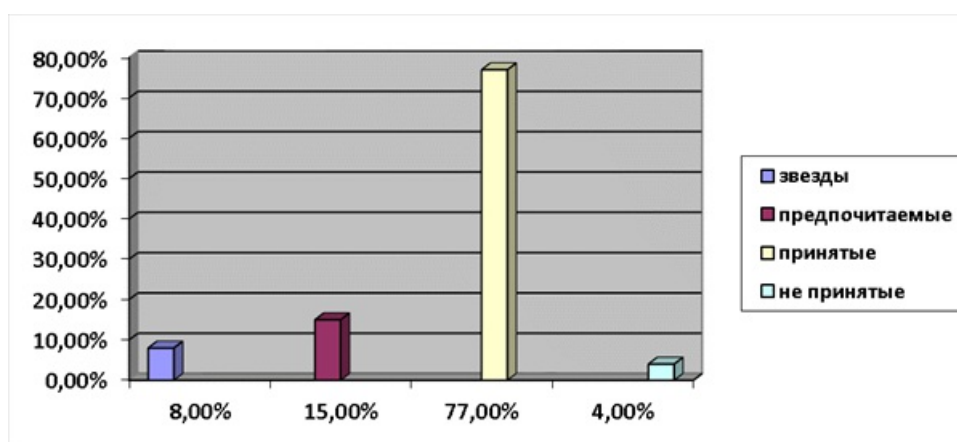


Рис. 3. Статусное положение в группе женщин

Из рисунка 3 мы видим, что статусное положение женщин в группе достаточно высокое. 8% педагогов-женщин являются звездами, 15% – предпочитаемыми, и 77% хорошо приняты в коллективе. Только одна женщина-педагог считается не принятой группой.

На следующем рисунке мы видим ситуацию в группе мужского пола.

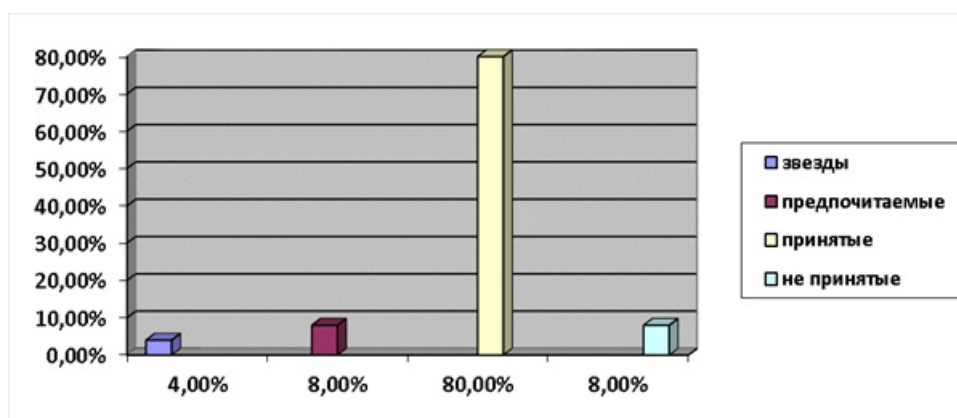


Рис. 4. Статусное положение в группе мужчин

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что статусное положение в группе мужчин-педагогов также достаточно высокое у большинства. 4% из них – звезды, 8% – предпочитаемые, и 80 %- хорошо приняты в группе. В это же время двое (8%) не приняты остальными.

Уровень благополучия взаимоотношений (УБВ) – 88,4 %. Мы получили высокий уровень благополучия взаимоотношений, так как в группе большее количество педагогов имеет благоприятный статус (1 и 2 статус).

Индекс изолированности (ИИ) – 11,5 %, т.е. данную группу можно считать менее благополучной, так как статусную категорию «не принятые» имеют трое педагогов в исследуемой группе.

При исследовании половой дифференциации межличностных отношений между мужчинами и женщинами данной группы мы заметили тенденцию более благоприятного положения в группе женщин, чем мужчин. Хотя и у мужчин положение в группе не плохое.

Таким образом, у педагогов общее число ожидаемых выборов достаточно высокое.

Сопоставляя статусное положение каждого педагога с присущим ему уровнем тревожности, мы получили следующие результаты: из общего количества педагогов I статуса («звезды») 11 % педагогов имеют высокий уровень тревожности, 15% - средний уровень тревожности и 19,2% - низкий. Из педагогов группы, находящихся во II статусе («предпочитаемые»), 7 % имеют высокий уровень тревожности и 4% имеют средний уровень тревожности, 4% имеют низкий. Из всех педагогов III статуса («принятые») 8 % имеют высокий уровень тревожности, 8 % имеют средний уровень тревожности и 4% имеют низкий уровень тревожности. Из всех педагогов, находящихся в IV статусе («не принятые»), имеют высокий уровень тревожности – 15 %, низкий уровень – 4 %.

Теперь рассмотрим процентное соотношение педагогов с разным статусом для каждого уровня тревожности (процент берется от общего числа педагогов для данного уровня тревожности).

Таблица 7

Взаимосвязь уровней тревожности и социального статуса ребенка в группе

Уровень тревожности	Статус							
	I		II		III		IV	
	Кол-во чел., %		Кол-во чел., %		Кол-во чел., %		Кол-во чел., %	
Высокий	3	11	2	8	2	8	4	15
Средний	4	15	1	4	2	8	0	-
Низкий	5	20	1	4	1	4	1	4

Для получения более достоверной информации, связанной с предложением о взаимосвязи между статусным местом в группе и тревожностью был использован коэффициент корреляции Пирсона (для данной группы педагогов значимыми являются показатели от 0,40 до – 0,40).

Коэффициент корреляции Пирсона (r_{xy}), характеризует существование линейной зависимости между двумя величинами. Он был вычислен для следующих параметров: между статусным местом в группе (1 – 4 группы) и тревожностью; а также между тревожностью и факторами, ее вызывающими.

Были произведены расчеты коэффициента Пирсона. На основе данных вычислений нами был выявлен коэффициент корреляции:

- между тревожностью и фрустрацией потребности в достижении успеха $r_{xy} = 0,45$;
- между тревожностью и страхом самовыражения $r_{xy} = 0,64$;
- между тревожностью и проблемами в отношениях с коллегами $r_{xy} = 0,40$;

Эти данные говорят о том, что у педагогов имеется прямая связь между тревожностью и фрустрацией, между тревожностью и самовыражением, между тревожностью и боязнью коллег.

Нами был вычислен коэффициент Пирсона между статусным местом в группе (1 – 4 группы) и тревожностью. Корреляционный анализ показал

- между тревожностью и I статусом – «звезда» $r_{xy} = 0,01$;
- между тревожностью и II статусом – «предпочитаемый» $r_{xy} = 0,04$;
- между тревожностью и III статусом – «принятый» $r_{xy} = 0,04$;
- между тревожностью и IV статусом – «не принятый» $r_{xy} = 0,014$.

Таким образом, корреляционный анализ показал отсутствие связи между статусным местом в группе (1 – 4 группы) и тревожностью.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено:

1. Педагоги с ярко выраженной тревожностью могут занимать любое статусное место, т.е. могут иметь любое количество выборов как положительных, так и отрицательных. На социальный статус не влияет уровень тревожности у педагогов
2. Существует взаимосвязь между тревожностью, и факторами, ее вызывающими а именно: между тревожностью и фрустрацией, между тревожностью и самовыражением, между тревожностью и боязнью коллег.

Таким образом, основная выдвинутая нами гипотеза о том, что для педагогов средней школы с различным социальным статусом в группе характерны различия показателей тревожности, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих, не подтвердилась. Это значит, что современные педагоги не тревожатся по поводу своего положения, статуса, авторитета в группе. Тем не менее, они тревожатся по поводу ситуаций, связанной с проверкой их деятельности, негативным отношением к ним коллег, не соответствием ожиданиям окружающих, поскольку ориентируются на значимость других в оценке своих результатов поступков и мыслей. Кроме того, современные педагоги испытывают негативные эмоциональные переживания ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей. Причем, у педагогов-женщин преобладает явная тревожность, у педагогов-мужчин преобладает нормальный уровень тревожности и очень высокая тревожность. У женщин возникновение тревожности часто бывает связано с ограниченным кругом ситуаций, определенной сферой жизни либо возникает в зависимости от изменения значимости объекта. У мужчин, которые лучше адаптируются к ситуации и способны к продуктивной деятельности, имеется способность мобилизовать свои силы для выполнения задач. В то же время очень высокая тревожность у 11% мужчин говорит о том, что видимое благополучие чревато срывами, особенно при резком усложнении деятельности.

Таким образом, не смотря на то, что социальный статус прямо не влияет на уровень

тревожности педагогов средних школ, следует осуществлять профилактику и организовывать психологические мероприятия по коррекции уровня тревожности, а также минимизировать выявленные причины повышенной тревоги, связанные с профессиональной деятельностью.

Библиография

1. Алашеев С.Ю., Быков С.В. Состояния тревожности у педагогов // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 115-122.
2. Верченко И.А. Влияние тревожности на профессиональное выгорание педагогов // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. с.22-27.
3. Гонина О.О. Проявление синдрома эмоционального выгорания у педагогов с разным социометрическим статусом в коллективе // Детский сад: теория и практика. 2014. № 11. С. 98-105.
4. Гунзунова Б.А. Особенности взаимосвязи стилей саморегуляции и устойчивой тревожности педагогов // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 74-80.
5. Курнаева И.Т. Связь статуса педагогов в коллективе и выраженности фаз эмоционального выгорания // Вестник экспериментального образования. 2015. № 1 (1). С. 29-33.
6. Куц А.Н., Обласова О.В. Исследование самосознания педагогов с разным социометрическим статусом / В сборнике: интеграция науки и практики как условие технологического прорыва / Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2017. С. 200-203.
7. Литуева Е.В. Взаимосвязь эмоционального выгорания, тревожности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образовательного учреждения // Молодой ученый. 2021. № 40 (382). С. 164-168.
8. Маралова Т.П. Взаимосвязь нормативности поведения и социальной тревожности у студентов-будущих педагогов и психологов // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2022. № 2. С. 121-129.
9. Маленкова Н.Л. Педагог учит младших школьников справляться с агрессивностью и тревожностью // Народное образование. 2011. № 8 (1411). С. 253-260.
10. Мечик-Грозная О.С., Вязникова Л.Ф. Особенности эмоционального интеллекта у педагогов с разным социометрическим статусом в профессиональном коллективе / В сборнике: Психологическая наука и практика в современном обществе: реальность и тенденции развития. / Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Е.Н. Ткач. Хабаровск, 2021. С. 227-230.
11. Ростовцева М.В., Новопашина Л.А., Наконечная Е.В., Арышева А.П., Варфоломеева Ю.С. Влияние психологических особенностей личности на эффективность профессиональной деятельности педагогов коррекционной школы // Психолог. 2022. № 3. С. 68-82.
12. Шабанова Т.Л. Тревожность педагога и способы её регуляции / Монография / Саратов, 2014. 213 с.
13. Amen E.W., Renison N. A study of relationship between play pattern and anxiety in young children // Genetic Psychology Monographs, 1954. Pp. 3-41. Aronfreed J. The Concept of Internalization. / Handbook of Socialization. Theory and Research. Ch., 2020. pp. 21-42.
14. Baldwin A. L. A Cognitive Theory of Socialization. / Handbook of Socialization. Theory

- and Research. Ch., 1969. pp. 43-56.
15. Bronfenbrenner U. Two Worlds of Childhood US & USSR. N.-Y.: Russel Sage foundation, 1970. 190 p.
16. Cartwright D., Zandtr A. Group Dynamics. N.-Y.: Harper & Row, 2018.580 p.
17. Gammage Ph. Children & Schooling. Assess in childhood socialization. L., 2012. 478 p.
18. Gronlund N. E. The relative ability of homeroom teachers & special-subject teachers to judge the social acceptability of the pre-adolescent pupils. Educational Research. 2019. 369 p.
19. May R. The Meaning of Anxiety. New York: Roland Press Co.2011. 532 p.
20. Phillips B.N. School stress and anxiety: Theory, research and intervention. New York: Human Sciences Press, 1978. 542 p.
21. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.D. STAI: Manual for the StateTrait Anxiety Inventory. Palo Alto, California: Consulting Psychologist Press, 2019. 745 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Исследование взаимосвязи тревожности и социометрического статуса педагогов средней школы».

Предмет исследования. Предметом исследования, как следует из названия, является исследование взаимосвязи тревожности и социометрического статуса педагогов средней школы». В рамках исследования предмет был раскрыт. В большей степени автора интересовал вопрос различия показателей тревожности педагогов средней школы, имеющих разный социальный статус, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих.

Методология исследования. Методология исследования прослеживается, было проведено несколько срезов исследований. Целью первой части был сбор эмпирических данных, анализ и интерпретация полученных результатов. Автор провел статистическую обработку результатов при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Всего в исследовании приняло участие 37 педагогов средней школы Красноярска с разным стажем работы. В качестве основной цели, поставленной автором, выступило изучение взаимосвязи тревожности и социального статуса педагога средней школы.

Актуальность. Актуальность исследования обозначена современными требованиями, которые предъявляются к профессии педагога. Автор обозначает, что педагогу необходимо осознанно регулировать проявления своей эмоциональной тревожности. В то же время, особое внимание должно было быть уделено обозначению противоречий между необходимостью изучения затронутой проблемы и разработанностью ее в психолого-педагогических исследованиях.

Научная новизна. Проведенное исследование было нацелено на проверку выдвинутой гипотезы о том, что для педагогов средней школы с различным социальным статусом в группе характерны различия показателей тревожности, как по степени выраженности, так и по соотношению отдельных ее составляющих.

Полученные результаты позволили выделить следующие результаты:

- педагоги, которые имеют ярко выраженную тревожность, способны занимать любое статусное место; на социальный статус не влияет уровень тревожности педагогов;
- существует взаимосвязь между тревожностью, а также факторами, которые ее вызывают: между тревожностью и фрустрацией, между тревожностью и

самовыражением, между тревожностью и боязнью коллег.

Полученные результаты были обработаны с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования интересны и прослеживается перспектива дальнейшего исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы четко прослеживается. В небольшом введении представлено: описание актуальности работы, поставлена проблема исследования. Следующий раздел – описание исследования, его цели, гипотезы, основных этапов и методик, а также анализ полученных результатов. Заканчивается работа небольшими выводами.

Результаты работы представлены, в том числе, в графической форме – в виде графиков и таблиц.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 21 отечественный и зарубежный источник, небольшая часть которых опубликована за последние три года. В списке представлены научно-исследовательские статьи и монографии. Отечественные источники информации оформлены корректно, в соответствии с предъявляемыми требованиями. Оформлению зарубежных источников необходимо уделить внимание и внести соответствующие коррективы.

Апелляция к оппонентам. Автору необходимо было больше внимания уделить теоретическому обзору современных исследований, а также выявлению противоречия изучаемой проблемы.

Выводы. Статья отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна научному сообществу. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Артюхова Т.Ю., Бенькова О.А., Барканова О.В., Федорова Е.П., Артюхов А.Н. — Влияние индивидуально – личностных характеристик социальных работников на стиль профессиональной деятельности // Психолог. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.1.39601 EDN: GFASDP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39601

Влияние индивидуально – личностных характеристик социальных работников на стиль профессиональной деятельности

Артюхова Татьяна Юрьевна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет"

660028, Россия, г. Красноярск, ул. Пр-Т свободный, 79

✉ artukhova2024@bk.ru



Бенькова Оксана Анатольевна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660032, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ shulakovaoa@mail.ru



Барканова Ольга Владимировна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

✉ chistovrs@mail.ru



Федорова Елена Прокопьевна

кандидат психологических наук

доцент, кафедра "Имрское право и международное право", Российский университет транспорта

127994, Россия, г. Москва, ул. Ул. Образцова, 9, оф. 9

✉ epfedorova@mail.ru



Артюхов Алексей Николаевич

методист, Красноярский краевой центр профориентации

660059, Россия, г. Красноярск, ул. Семафорная, 433/2

✉ polzovatel7738@gmail.com



[Статья из рубрики "Понять человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2023.1.39601

EDN:

GFASDP

Дата направления статьи в редакцию:

12-01-2023

Аннотация: Успешность социального реформирования в значительной степени зависима от уровня профессионализма современного социального работника, степени проявления им своих способностей, возможностей и оптимального выбора им способов и средств реализации своей профессиональной деятельности, которые будут в большей степени соответствовать его индивидуальным особенностям. Объект исследования: профессиональная деятельность социальных работников. Предмет исследования: индивидуально-личностные особенности социального работника как фактор формирования стиля профессиональной деятельности. Цель исследования: изучение взаимосвязи индивидуально-личностных характеристик и стиля профессиональной деятельности социальных работников. Методики исследования: 1. 16-факторный опросник Кетелла, 2. Опросник стилей деятельности «СД 36» А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой (адаптация опросника "LearningStylesQuestionnaire" П. Хони и А. Мэмфорда). 3. Исследование индивидуального стиля профессиональной деятельности (адаптированный для социальных работников) - А.И. Маркова. Таким образом, при изучении взаимосвязи между личностными особенностями и характеристиками стиля профессионального развития социальных работников, нами было определено, что существует взаимосвязь между личностными установками и особенностями реализации профессиональной деятельности. Также выявлено, что квалификационный уровень оказывает существенное влияние на характер взаимосвязи личностных особенностей и особенностей профессионального развития. Так у социальных работников с высшей квалификационной категорией, со значительным стажем профессиональной деятельности, отмечается снижение интенсивности взаимосвязи личностных установок и особенностей профессионального развития, что обусловлено личностными особенностями: у них в большей степени выражены показатели доминантности, высокой нормативности поведения, они в большей степени самостоятельны в сравнении с работниками первой категории и уверены в себе, добросовестны, и ответственны за свои действия, умеют настоять на своем, и стремятся к соблюдению установленных норм и правил.

Ключевые слова:

мотивация, социометрический статус, особенности, личность, установки, социальные работники, деятельность, стиль деятельности, эмоции, успешность

Актуальность. Процессы, происходящие сегодня в современном российском обществе, отличает стремительность и кардинальность перемен, которые находят отражение во всех сферах общественного развития. Сегодня, государство создает необходимые условия для широкого участия общества, в процессе модернизации социальной отрасли

и обеспечивает функционирование этого процесса [\[22, 23\]](#). Все изменения в социальной сфере происходят в ходе реформирования различных сторон жизнедеятельности, и тесно взаимодействуют с рядом других реформ, выполняя также функцию источников обеспечения нужд и потребностей населения. [\[3, 13\]](#).

Динамичными изменениями социальной среды, активным процессом информатизации социальной системы, усилением психологической роли в процессе воспитательной деятельности, обусловлено также изменение системы требований к квалификационным характеристикам современного социального работника [\[10\]](#). Инновационные изменения в процессе в подготовки работников социальной сферы обслуживания объективно обоснованы и затрагивают, сегодня практически каждого профессионала в этой сфере [\[9, 11\]](#).

Безусловно, успешность социального реформирования в значительной степени зависима от уровня профессионализма современного социального работника, степени проявления им своих способностей, возможностей и оптимального выбора им способов и средств реализации своей профессиональной деятельности, которые будут в большей степени соответствовать его индивидуальным особенностям [\[21\]](#). Кроме того, социальные работники - это люди помогающей профессии. От того, насколько социальный работник психологически стабилен, какой выбирает стиль деятельности, способы выполнения профессиональной деятельности, зависит профессиональное и эмоциональное выгорание социальных работников, что требует пристального изучения и научного исследования.

Предмет исследования: влияние индивидуально-личностных особенностей социального работника на формирование стиля профессиональной деятельности социальных работников

Цель исследования: изучение влияния индивидуально-личностных характеристик и стиля профессиональной деятельности социальных работников.

Теоретические основы исследования.

Концептуальные основания формирования стиля деятельности отражены в работах - И.С. Кагана, Л.П. Буевой, Э.С.Маркаряна; А.Н. Леонтьева, Л. И. Анциферовой, С.Л. Рубинштейна и др. Сегодня специфику деятельности работников социальной сфере обслуживания изучают Куличенко Р.М., Власкина И.В., Маяцкая К.С. [\[2, 3, 4, 9\]](#)

Карьерные ориентации социальных работников как условие их эффективной деятельности исследуются Мавриной И.А., Колбасиным В.Н, Антыковой Е.В [\[8, 11\]](#).

Влияние стилей управления и индивидуально-личностных характеристик на эффективность профессиональной деятельности работников социальных служб изучают Князев А.В., Шехова Р.Н., Тариева В.А. [\[5, 15, 14\]](#) и др.

За рубежом роль индивидуально личностных характеристик в выборе стиля профессиональной деятельности у работников социальной сферы изучаются Li Z., Xiang L., Junhao L., Beicastro, P.A. Maslach, Daniel, J. [\[16, 17, 18, 19\]](#) и др.

Перечисленными факторами в совокупности обусловлен интерес к исследованию индивидуального стиля профессиональной деятельности, который формируется на основе личностных характеристик. В работе мы опирались на исследования Е.В.

Романиной, которая понятие стиля индивидуальности определяет как функциональную совокупность психических свойств, вариативность и динамичность которой фиксируется удовлетворением определенных потребностей через достижение необходимого результата в структуре конкретного деятельного акта [12].

Методики исследования:

1. 16- факторный опросник Кетелла,
2. Опросник стилей деятельности «СД 36» А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой (адаптация опросника "LearningStylesQuestionnaire" П. Хони и А. Мэмфорда).
3. Исследование индивидуального стиля профессиональной деятельности (адаптированный для социальных работников) - А.И. Маркова

Экспериментальной базой является Управление социальной защиты населения Октябрьского района г. Красноярск.

Исследование и результаты.

В исследовании приняли участие 46 человек, женщины, в возрасте 27 - 50 лет, с различным стажем профессиональной деятельности и различной квалификационной категорией (высшую и первую)

Анализ особенностей выборки исследования представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты исследования особенностей профессиональной деятельности

Возраст					Образование	Стаж		Квалификационная категория	
24-30	31-35	36-40	41-45	50-60	Высшее	2-7	10-25	1	Высшая
10,87% (5)	26,09% (12)	23,91% (11)	30,43% (14)	8,7% (4)	100%	17,39% (8)	69,57% (32)	41,3% (19)	58,7% (27)

При анализе возрастных особенностей можно выделить, что в группе преобладают респонденты в возрасте 41-45 лет- 30,43% (14), в меньшей степени в группе представлены респонденты в возрасте 24-30 лет- 10,87% (5).

Все респонденты имеют высшее образование- 100% респондентов (46).

Анализируя особенности группы по стажу деятельности выделим, что в группе преобладают респонденты со стажем 2-7 лет- 17,39% (8), также часть респондентов имеет стаж профессиональной деятельности 10-25 лет – 69,57% (32) респондентов.

При анализе особенностей группы по квалификационным характеристикам можно выделить, что 58,7% (27) респондентов имеют высшую квалификационную категорию, 41,3% (19) респондентов имеют 1 квалификационную категорию.

Для проведения дальнейшего исследования выборка была поделена на группы: в 1 группу вошли социальные работники с высшей квалификационной категорией в количестве 27 человек, во 2 группу вошли с первой квалификационной категорией в количестве 19 человека.

Мы предположили, что социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны, с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью на свой внутренний мир, в сравнении с социальными работниками высшей категории которые отличаются большей практичностью. Социальными работниками высшей квалификационной категории в большей степени отдается предпочтение применению эмоционально - методического стиля, с характерной ориентацией на процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории, которым характерен в большей степени эмоционально- импровизационный стиль.

После обработки результатов по 16-факторному личностному опроснику Кеттелла, нами были выделены результаты по 8 факторам, представляющим наибольший интерес в рамках предмета исследования:

1. Фактор А: «замкнутость – общительность»;
2. Фактор С: «эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность»;
3. Фактор Е: «подчиненность-доминантность»;
4. Фактор F: «сдержанность – экспрессивность»;
5. Фактор G: «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»;
6. Фактор L: «доверчивость – подозрительность»;
7. Фактор M: «практичность – мечтательность»;
8. Фактор О: «спокойствие – тревожность».

Результаты анализа личностных особенностей социальных работников высшей квалификационной категории, представлены в таблице 2, приложения 2, отразим их в виде гистограммы на рисунке 1.

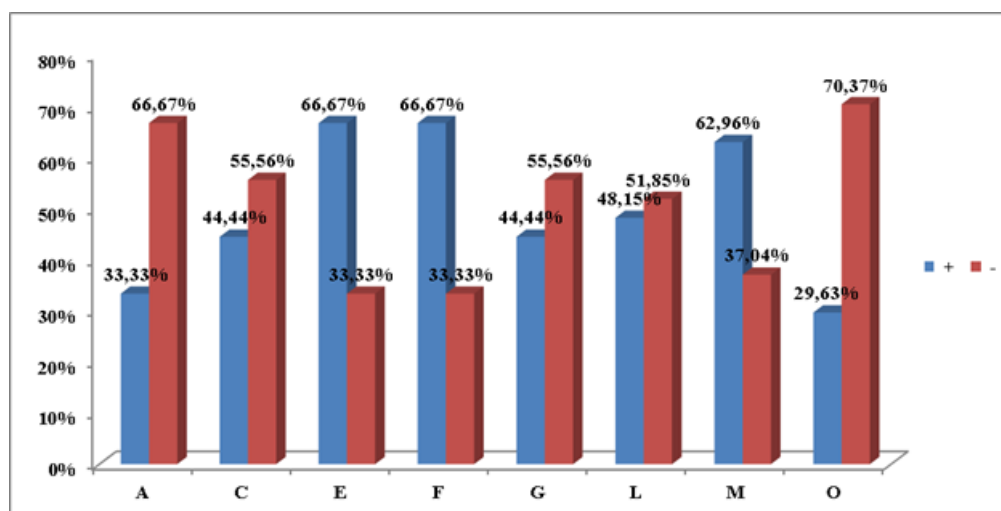


Рисунок 1. Распределение личностных особенностей социальных работников высшей квалификационной категории (%)

При анализе личностных особенностей социальных работников высшей квалификационной категории, представленных на рисунке 1, можно выделить, что в группе преобладают показатели:

- тревожности (70,37%), с характерным беспокойством, озабоченностью, высоким уровнем ранимости, неуверенности в своих силах, чувствительностью к оценкам окружающих;
- замкнутости (6,67%) с характерным проявлением скрытности, обособленности, недоверчивости;
- доминантности (66,67%), с характерной выраженностью самостоятельности, независимости, упрямством, в некоторых случаях агрессивностью и повышенной конфликтностью, с нежеланием признавать внешнюю власть;
- экспрессивности (66,67%), с характерной выраженностью в некоторых ситуациях – жизнерадостности, импульсивности, значимости социальных контактов, экспрессивностью и экспансивностью;

Также следует выделить, что в меньшей степени в группе выражено спокойствие (29,63%), с характерной жизнерадостностью, уверенностью в себе, хладнокровием.

Результаты анализа личностных особенностей социальных работников первой квалификационной категории, представлены в виде гистограммы на рисунке 2.

При анализе личностных особенностей социальных работников первой квалификационной категории, представленных на рисунке 2, можно выделить, что в группе преобладают показатели:

- низкой нормативности поведения (84,21%), с характерным проявлением склонности к непостоянству, с подверженностью чувствам и эмоциям, стремлением к реализации своих потребностей с игнорированием групповых норм и правил;
- подчиненности (78,95%), с проявлением экспрессивности и склонностью к выходу из себя при возникновении проблемных ситуаций;
- сдержанности (73,68%), со склонностью к озабоченности, беспокойством о будущем, пессимистичностью и сдержанностью в проявлении эмоций.

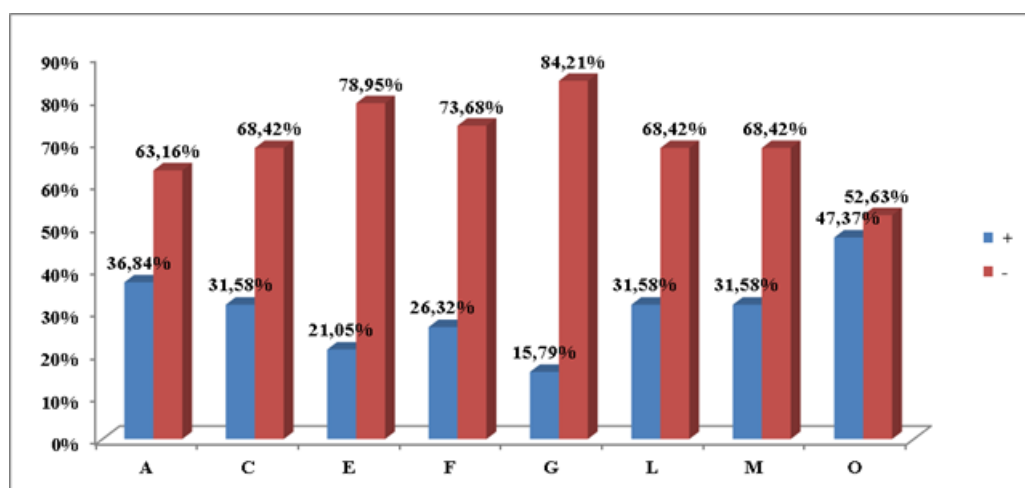


Рисунок 2.

Распределение личностных особенностей социальных работников первой квалификационной категории (%)

Следует выделить, что в меньшей степени в группе выражены показатели высокой нормативности поведения (15,79%), с добросовестностью, ответственностью, уравновешенностью, чувством долга и ответственности за свои поступки и действия.

Для сравнения личностных особенностей социальных работников высшей и первой квалификационной категории, нами был использован U- Критерий Манна-Уитни, представленный в пакете для статистического анализа результатов исследований SPSS 23.0.

Отразим показатели личностных особенностей социальных работников высшей и первой квалификационной категории, с выраженными различиями, в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты сравнения личностных особенностей социальных работников с высшей и первой квалификационной категорией по U- Критерию Манна-Уитни

Факторы	Ранги				Статистики критерия	
	квалификация	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика U Манна-Уитни	Асимпт. знч. (двухст.)
Е	высшая категория	27	29,04	784,00	107,000	,001
	первая категория	19	15,63	297,00		
	Всего	46				
G	высшая категория	27	28,13	759,50	131,500	,005
	первая категория	19	16,92	321,50		
	Всего	46				
М	высшая категория	27	18,16	345,00	155,000	,021
	первая категория	19	27,26	736,00		
	Всего	46				

Примечание : а. Группирующая переменная: квалификация

Анализируя результаты сравнения личностных особенностей социальных работников высшей и первой квалификационной категории (табл. 2.), можно выделить, что в группе социальных работников с высшей квалификационной категорией в большей степени выражены показатели доминантности ($U=107,000$, при $p<0,05$), высокой нормативности поведения ($U=131,500$, при $p<0,05$), то есть в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории они в большей степени самостоятельны и уверены в себе, добросовестны, и ответственны за свои действия, умеют настоять на своем, и стремятся к соблюдению установленных норм и правил.

Также следует отметить, что социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны ($U=155,000$, при $p<0,05$), с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью на свой внутренний мир, легким отказом от практических рассуждений по проблеме, в сравнении с социальными работниками высшей категории которые отличаются практичностью

Результаты анализа особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей квалификационной категории, представлены в виде гистограммы на рисунке 3.

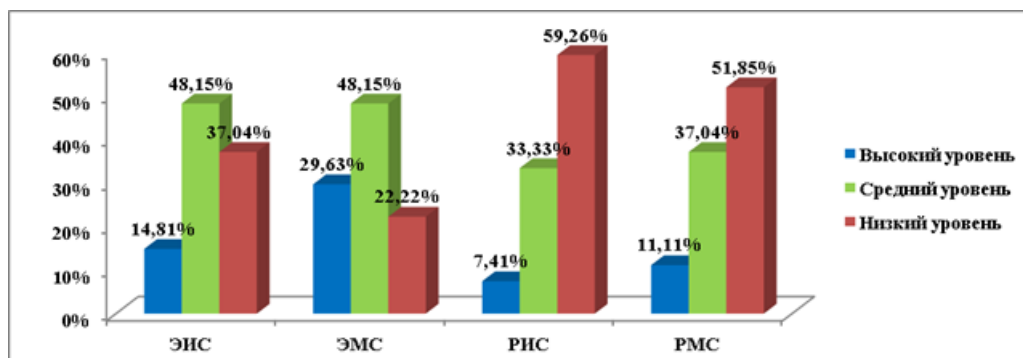


Рисунок 3. Особенности индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей квалификационной категории (%)

При анализе особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей квалификационной категории (рис.3), можно выделить, что в зависимости от сложившейся ситуации социальные работники предпочитают применение эмоционально- импровизационного стиля (48,15%), с ориентацией преимущественно, на процесс обучения, с логичной, интересной подачей материала, с возможным отсутствием обратной связи с населением; и эмоционально- методического стиля (48,15%), с характерной ориентацией на профессиональный процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности.

В меньшей степени социальными работниками данной группы используются рассуждающе- импровизационный стиль (59,26%), с ориентацией на процесс и его результативность, с составлением адекватного планирования; и рассуждающе- методический стиль (51,85%), с ориентацией преимущественно на результативность процесса и его адекватным планированием, с проявлением консервативности в средствах и способах реализации профессиональной деятельности.

Результаты анализа особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников первой квалификационной категории, представлены в виде гистограммы на рисунке 4.

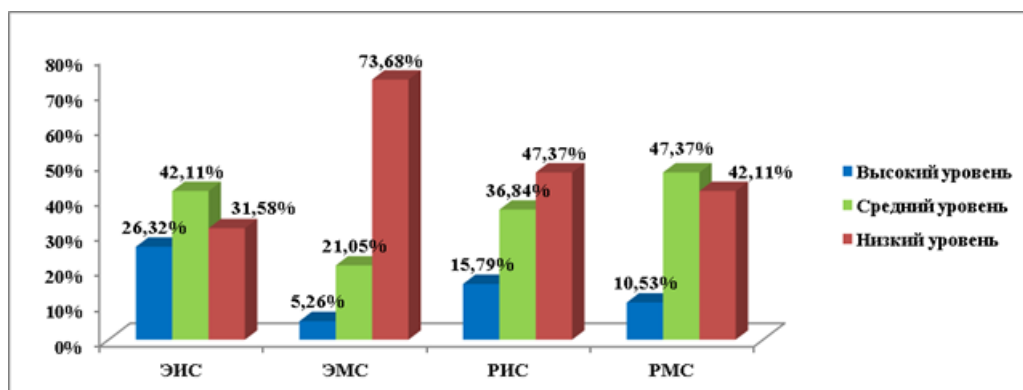


Рисунок 4. Особенности индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников первой квалификационной категории

При анализе особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников первой квалификационной категории (рис.4), можно выделить, что в зависимости от ситуации отдается предпочтение применению рассуждающе - методического стиля (47,37%), с ориентацией преимущественно на результативность

процесса и его адекватным планированием, с проявлением консервативности в средствах и способах реализации профессиональной деятельности и эмоционально-импровизационного стиля (42.11%), с ориентацией преимущественно, на процесс образования, с логичной, интересной подачей материала, с возможным отсутствием обратной связи с населением.

В меньшей степени социальными работниками применяются компоненты эмоционально-методического стиля (73,68%), с характерной ориентацией на процесс работы и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности.

Для сравнения особенностей индивидуального стиля деятельности социальных работников высшей и первой квалификационной категории, нами был использован U-Критерий Манна-Уитни, представленный в пакете для статистического анализа результатов исследований SPSS 23.0.

Отразим показатели особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей и первой квалификационной категории, с выраженными различиями, в таблице 3.

Таблица 3

Результаты сравнения особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников с высшей и первой квалификационной категорией по U- Критерию Манна-Уитни

Ранги					Статистики критерия	
	квалификация	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика U Манна-Уитни	Асимпт. знч. (двухсторонняя)
ЭМС	высшая категория	27	28,50	769,50	121,500	,002
	первая категория	19	16,39	311,50		
	Всего	46				

Примечание: а. Группирующая переменная: квалификация

При анализе результатов сравнения особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности социальных работников с высшей и первой квалификационной категории (табл. 3), выделим что социальными работниками высшей квалификационной категории в большей степени отдается предпочтение применению эмоционально - методического стиля ($U=121,500$, при $p<0,05$), с характерной ориентацией на процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории, а социальным работникам первой квалификационной категории - рассуждающе - методического стиля (47.37%), с ориентацией преимущественно на результативность процесса и его адекватным планированием. Это подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что социальным работникам с более низким уровнем профессионализма в большей степени характерен эмоционально- импровизационный стиль, тогда как более профессиональным работникам - эмоционально-методический стиль.

Результаты изучения особенностей самоактуализации социальных работников высшей квалификационной категории, представлены в виде гистограммы на рисунке 5.

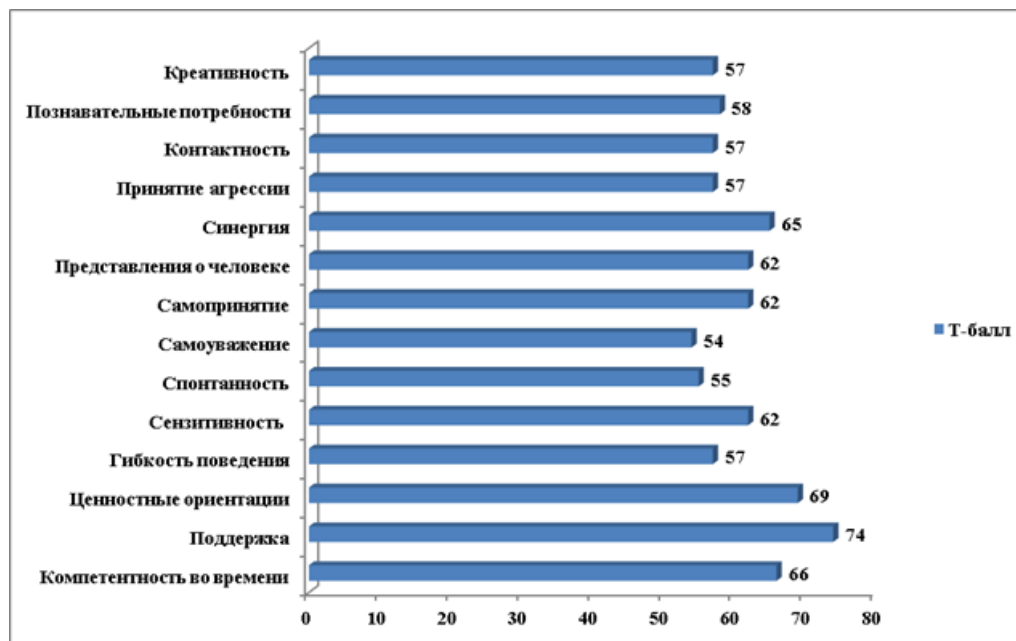


Рисунок 5. Результаты особенностей самоактуализации социальных работников высшей квалификационной категории (Т-баллы).

По результатам исследования особенностей самоактуализации социальных работников высшей квалификационной категории (рис.5) можно выделить, что они имеют достаточно высокие показатели самоактуализации, обладая: высокой внутренней поддержкой, руководствуясь преимущественно внутренними принципами и мотивацией (74), со стремлением к определенным идеалам и ценностям (69), способностью к быстрому реагированию на изменяющуюся ситуацию (57), разумным применением определенных стандартных принципов, высокой чувствительностью к собственным переживаниям и потребностям(62), способностью к спонтанному выражению своих чувств (55), проявлением индивидуальности(54), высокой оценкой своего потенциала(62), осмысленным подходом к оценке (62) и осмыслению происходящего(65), пониманием важности самоконтроля (57) и легкостью в установлении межличностных контактов(57), стремлением к познанию (58) и проявлением творческого начала (57).

Результаты изучения особенностей самоактуализации социальных работников первой квалификационной категории, представлены на рисунке 6.

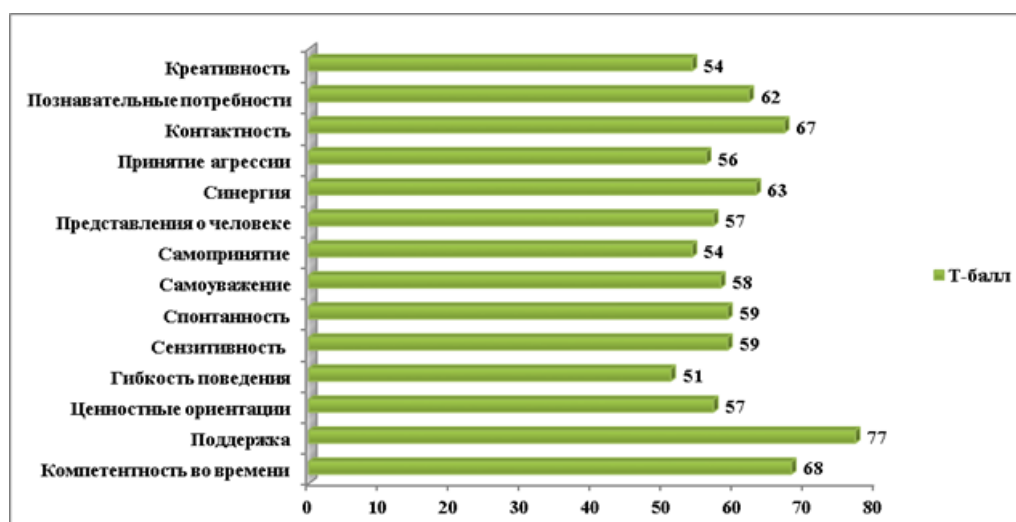


Рисунок 6. Результаты особенностей самоактуализации социальных работников первой квалификационной категории (Т-баллы).

По результатам исследования особенностей самоактуализации социальных работников первой квалификационной категории (рис.6) можно выделить, что они имеют достаточно высокие показатели самоактуализации, обладая: высокой внутренней поддержкой, руководствуясь преимущественно внутренними принципами и мотивацией (77), со стремлением к определенным идеалам идеалов и ценностям (57), способностью к быстрому реагированию на изменяющуюся ситуацию (51), разумным применением определенных стандартных принципов, высокой чувствительностью к собственным переживаниям и потребностям(59), способностью к спонтанному выражению своих чувств (59), проявлением индивидуальности(59), высокой оценкой своего потенциала(54), осмысленным подходом к оценке (57) и осмыслению происходящего(63), пониманием важности самоконтроля (56) и легкостью в установлении межличностных контактов(67), стремлением к познанию (62) и проявлением творческого начала (54).

Для сравнения особенностей самоактуализации социальных работников высшей и первой квалификационной категории, нами был использован U- Критерий Манна-Уитни, представленный в пакете для статистического анализа результатов исследований SPSS 23.0.

Отразим показатели особенностей самоактуализации социальных работников высшей и первой квалификационной категории, с выраженными различиями, в таблице 4.

Таблица 4

Результаты сравнения особенностей самоактуализации социальных работников высшей и первой квалификационной категории по U- Критерию Манна-Уитни

Ранги					Статистики критерия	
	Квалификация	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика U Манна-Уитни	Асимпт. знч. (двухсторонняя)
Гибкость поведения	высшая категория	27	42,50	1232,50	391,500	,014
	первая категория	19	30,55	1252,50		
	Всего	46				
Самопринятие	высшая категория	27	42,10	1221,00	403,000	,019
	Первая категория	19	30,83	1264,00		
	Всего	46				
Контактность	высшая категория	27	27,48	797,00	362,000	,005
	Первая категория	19	41,17	1688,00		
	Всего	46				

Примечание: а. Группирующая переменная: квалификация

При анализе результатов сравнения особенностей самоактуализации социальных работников с высшей и первой квалификационной категорией (табл. 4), выделим что

респонденты первой квалификационной категории, более контактны, настроены на межличностное взаимодействие, быстрее реагируют на ситуацию и способны к самопринятию в сравнении с респондентами высшей квалификационной категории.

С целью выявления взаимосвязи между личностными особенностями и характеристиками стиля профессиональной деятельности социальных работников с различным уровнем профессионального развития была проведена качественная обработка результатов исследования, с применением коэффициента корреляции r - Пирсона.

При анализе корреляционных взаимосвязей между личностными особенностями и характеристиками стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей квалификационной категории, можно выделить следующее:

- при увеличении применения элементов эмоционально - импровизационного стиля в своей профессиональной деятельности, отмечается снижение познавательных потребностей личности (-0,436).
- при увеличении применения элементов эмоционально- методического стиля в своей профессиональной деятельности отмечается увеличения предпочтения ими определенных ценностных ориентаций(0,382), способствующих повышению способности быстро подстраиваться под ситуацию (0,397), содействующей повышению самоуважения (0,382) и повышению самоуважения (0,382).
- при повышении компетентности увеличивается уровень самоактуализации (0,543), предпочтения определенных ценностных ориентаций(0,547); способности быстро подстраиваться под ситуацию (0,548), что характерно для работников высшей категории;
- при увеличении самопринятия увеличивается понимание личностных особенностей окружающих (0,407);
- при увеличении синергичности, отмечается снижение контактности, обусловленное стремлением к целостному осознанию окружающего социума (-0,580).

При анализе корреляционных взаимосвязей между личностными особенностями и характеристиками стиля профессиональной деятельности социальных работников первой квалификационной категории, можно выделить следующее:

- при повышении общительности снижается гибкость (-0,391), увеличивается выраженность экспрессивности (0,404), снижающаяся с повышением эмоциональной стабильности (-0,335);
- при повышении нормативности поведения снижается выраженность применения элементов эмоционально- мотивационного (-0,309), и рассуждающе- импровизационного стиля деятельности (-0,336);
- при повышении эмоциональной стабильности снижается понимание личностных особенностей окружающих(-0,428), наряду с увеличением контактности (0,430);
- при увеличении доминантности, увеличивается направленность на свой внутренний мир и переживания (0,414);
- при увеличении подозрительности, повышается принятие агрессивности (0,391),
- при повышении тревожности увеличивается стремление к познанию (0,362), также увеличивающееся при повышении самовосприятия (0,375);

- при применении преимущественно рассуждающе- импровизационного стиля деятельности, снижаются самоактуализационная компетентность (-0,335) и контактность (-0,341);
- при применении рассуждающе- методического стиля деятельности, повышается сензитивность личности 0,326);
- при повышении выраженности самоподдержки, увеличивается стремление к определенным ценностным ориентациям (0,311);
- при повышении спонтанности, снижается самопринятие (-0,311).

Выводы. Таким образом, при изучении взаимосвязи между личностными особенностями и характеристиками стиля профессионального развития социальных работников, нами было определено, что существует взаимосвязь между личностными установками и особенностями реализации профессиональной деятельности. Также выявлено, что квалификационный уровень оказывает существенное влияние на характер взаимосвязи личностных особенностей и особенностей профессионального развития. Так у социальных работников с высшей квалификационной категорией, со значительным стажем профессиональной деятельности, отмечается снижение интенсивности взаимосвязи личностных установок и особенностей профессионального развития, что обусловлено личностными особенностями: у них в большей степени выражены показатели доминантности, высокой нормативности поведения, они в большей степени самостоятельны в сравнении с работниками первой категории и уверены в себе, добросовестны, и ответственны за свои действия, умеют настоять на своем, и стремятся к соблюдению установленных норм и правил. Социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны, с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью на свой внутренний мир, легким отказом от практических рассуждений по проблеме, в сравнении с социальными работниками высшей категории которые отличаются большей практичностью. Социальными работниками высшей квалификационной категории в большей степени отдается предпочтение применению эмоционально - методического стиля, с характерной ориентацией на процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории.

Социальными работниками высшей квалификационной категории в большей степени отдается предпочтение применению эмоционально - методического стиля, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории, которым характерен в большей степени эмоционально- импровизационный стиль, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

И та и другая группы работников имеют высокие показатели самоактуализации, однако респонденты первой квалификационной категории, более контактны, настроены на межличностное взаимодействие, быстрее реагируют на ситуацию и способны к самопринятию в сравнении с респондентами высшей квалификационной категории.

Библиография

1. Антыкова Е.В. Теоретическая сущность социальной субъектности в подготовке социальных работников // Человек. Наука. Социум. 2021. № 2 (6). С. 105-117.
2. Власкина И.В. Корреляции профессионально важных качеств и эффективности

- профессиональной деятельности работников сферы "человек-человек" // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 75-87.
3. Ефимова Е.В., Бабаян А.В. Социально-культурные технологии в подготовке студентов-будущих социальных работников // Вестник педагогических наук. 2022. № 1. С. 7-10
 4. Куличенко Р.М., Логинов А.В. Структура валеологической культуры социального работника // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140). С. 23-30.
 5. Князев А.В. Социально-психологические особенности влияния стиля управления на удовлетворенность работников условиями деятельности // в сборнике: актуальные вопросы развития современных технологий. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 175-179.
 6. Лаврененко И.М. Социальная работа: проблемы, поиск решений (вопросы профессиональной подготовки и деятельности социального работника) // Отечественный журнал социальной работы. 2021. № 3 (86). С. 234-240.
 7. Либин А.А. Стиль человека и окружающая действительность: базовые параметры взаимодействия // Природа психического. - Пермь: Наука, 1994. С. 45-49.
 8. Маврина И.А., Колбасин В.Н. Карьерные ориентации социального работника как условие его эффективной деятельности в социальном учреждении // В сборнике: Психолого-педагогические исследования в Сибири. Омск, 2018. С. 109-112
 9. Маяцкая К.С. Роль специалиста по социальной работе в формировании здорового образа жизни клиента // В сборнике: Актуальные проблемы социально-экологической культуры. межвузовский сборник научных трудов. Отв. редактор Б.Г Акчурин. Уфа, 2020. С. 173-180.
 10. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал, 1995. т.16, № 4. С 18-22.
 11. Олейников В.А. Специфика подготовки социальных работников к медико-социальной работе // Человек. Наука. Социум. 2022. № 2 (10). С. 173-193.
 12. Романина Е.В. Особенности формирования индивидуального стиля тренера в процессе профессиональной деятельности // Научно-теоретический журнал. № 6, 2016. С.25-31
 13. Ростовцева М.В., Машанов А.А., Кудашов В.И. Adaptive society: problems and prospects of its construction // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 170-174.
 14. Тариева В.А. Подготовка социальных работников к решению задач социальной реабилитации // Высшее образование сегодня. 2009. № 1. С. 72-73.
 15. Шехова Р.Н. Школа социального работника" как одна из форм повышения коммуникативной компетентности социальных работников // Социосфера. 2011. № 2. С. 79-81
 16. Li Z., Xiang L., Junhao L., Mao J.Li., Feng B.Ji., Wang X. Technologies to support the psychological health and well-being of social workers in china in a professional environmenT // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 4. pp. 17-27.
 17. Beicastro, P.A. Maslach Burnout Inventory: Factor structures for samples of teachers / P.A. Beicastro, R.S. Gold // Psychological Report, 1983. pp. 364-366.
 18. Brill, P.L. The need for an operational definition of burnout / P.L. Brill // Family and Community Health, 2019. pp. 12-24.
 19. Daniel, J. Psychological burnout in professions with permanent communication / J.

- Daniel, I. Shabo // Studia-Psychological, 1993. Vol. 35 (4-5). pp. 412-414.
20. Dolan, S.L. Individual, organizational and social determinants of managerial burnout: A multivariate approach / S.L. Dolan, S. Renaude // Journal of Social Behavior and Personality. 2020. Vol. 7 (1). pp. 95-110.
21. Maslach, C. Maslach Burnout Inventory Manual / C. Maslach, S.E. Jackson, M.P. Leiter. Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 2018. 52 p.
22. Mashanov A. A., Rostovtseva M .V. Methodological Research Vectors Of Personality Social Adaptation // Life Science Journal , 2014. № 11 (12). pp. 56-62
23. Mashanov A. A., Rostovtseva M .V., Kovalevitch I.A., Shaydurova O.V. Activity Nature Of Social Adaptation Of Personality // Researcher 2015. 7(2). pp. 50-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: «Предмет: индивидуально-личностные особенности социального работника как фактор формирования стиля профессиональной деятельности». Однако цель формулируется как: «изучение взаимосвязи индивидуально- личностных характеристик и стиля профессиональной деятельности социальных работников». Неясно для чего необходимо это изучение? Описано скорее влияние стиля профессиональной деятельности на личностные особенности. Речь идет о профессиональном выгорании, что противоречит теме статьи.

Методология исследования. Методология не ясна. Отсутствует гипотеза. Используются методики: 16- факторный опросник Кетелла,, опросник стилей деятельности «СД 36» А.Д. Ишковаи Н.Г. Милорадовой (адаптация опросника"LearningStylesQuestionnaire" П. Хони и А. Мэмфорда), исследование индивидуального стиля профессиональной деятельности (адаптированный для социальных работников) - А.И. Маркова.

Актуальность. Первые три абзаца невнятные, затем приводятся авторы, исследовавшие концептуальные основания формирования стиля деятельности, карьерные ориентаций социальных работников, влияние стилей управления и индивидуально-личностных характеристик. «Перечисленными факторами в совокупности обусловлен интерес к исследованию индивидуального стиля профессиональной деятельности, который формируется на основе личностных характеристик». Актуальность не обоснована.

Научная новизна отсутствует. Само по себе наличие формальной взаимосвязи между личностными установками и особенностями реализации профессиональной деятельности ни о чем не говорит.

Стиль, структура, содержание. Стиль псевдонаучный. Работа плохо структурирована: сплошной текст с выделением объекта, предмета, цели, методики и базы исследования.

Рассматриваются социальные работники высшей и первой категории. Что послужило основанием для такого разделения неясно. Почему не стаж или возраст?

У социальных работников высшей квалификационной категории, преобладают тревожность (70,37%) замкнутость (6,67%) доминантность (66,67%), экспрессивности (66,67%), в меньшей степени в группе выражено спокойствие (29,63%). Налицо признаки профессионального выгорания, т.е. личностные изменения из-за профессиональной деятельности.

Личностные особенности социальных работников первой квалификационной категории: низкая нормативность поведения (84,21%), подчиненность (78,95%) сдержанность (73,68%). В меньшей степени в группе выражены показатели высокой нормативности

поведения (15,79%). Мы видим непрофессионалов.

Социальные работники с высшей квалификационной категорией в большей степени самостоятельны и уверены в себе, добросовестны, и ответственны за свои действия, умеют настоять на своем, и стремятся к соблюдению установленных норм и правил.

Социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью на свой внутренний мир, легким отказом от практических рассуждений по проблеме. Опять признаки непрофессионализма.

Социальные работники высшей квалификационной категории предпочитают применение эмоционально-импровизационного стиля (48,15%), с ориентацией преимущественно, на процесс обучения, с логичной, интересной подачей материала, с возможным отсутствием обратной связи с населением; и эмоционально-методического стиля (48,15%), с характерной ориентацией на профессиональный процесс и его результативность. В меньшей степени социальными работниками данной группы используются рассуждающе-импровизационный стиль (59,26%), с ориентацией на процесс и его результативность, с составлением адекватного планирования; и рассуждающе-методический стиль (51,85%), с ориентацией преимущественно на результативность процесса.

Профессиональная деятельность социальных работников первой квалификационной категории: в зависимости от ситуации отдается предпочтение применению рассуждающе-методического стиля (47,37%), с ориентацией преимущественно на результативность процесса и его адекватным планированием, с проявлением консервативности в средствах и способах реализации профессиональной деятельности и эмоционально-импровизационного стиля (42,11%), с ориентацией преимущественно, на процесс образования, с логичной, интересной подачей материала, с возможным отсутствием обратной связи с населением. В меньшей степени социальными работниками применяются компоненты эмоционально-методического стиля (73,68%), с характерной ориентацией на процесс работы и его результативность.

Неясно, о чем говорят эти характеристики.

Социальные работники высшей квалификационной категории в большей степени отдают предпочтение применению эмоционально - методического стиля ($U=121,500$, при $p<0,05$), с характерной ориентацией на процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории.

Социальные работники высшей квалификационной категории имеют высокие показатели самоактуализации, обладая: высокой внутренней поддержкой, руководствуясь преимущественно внутренними принципами и мотивацией (74), со стремлением к определенным идеалам идеалов и ценностям (69), способностью к быстрому реагированию на изменяющуюся ситуацию (57), и другими показателями.

Социальные работники первой квалификационной категории имеют также высокие показатели самоактуализации, обладая: высокой внутренней поддержкой, руководствуясь преимущественно внутренними принципами и мотивацией (77), со стремлением к определенным идеалам идеалов и ценностям (57), способностью к быстрому реагированию на изменяющуюся ситуацию (51) и другие.

Респонденты первой квалификационной категории, более контактны, настроены на межличностное взаимодействие, быстрее реагируют на ситуацию и способны к самопринятию в сравнении с респондентами высшей квалификационной категории.

Анализ корреляционных взаимосвязей между личностными особенностями и характеристиками стиля профессиональной деятельности социальных работников высшей квалификационной категории выявил: при увеличении применения элементов

эмоционально - импровизационного стиля в своей профессиональной деятельности, отмечается снижение познавательных потребностей личности (-0,436); при увеличении применения элементов эмоционально- методического стиля в своей профессиональной деятельности отмечается увеличения предпочтения ими определенных ценностных ориентаций(0,382), способствующих повышению способности быстро подстраиваться под ситуацию (0,397), содействующей повышению самоуважения (0,382) и повышению самоуважения (0,382); при увеличении применения социальными работниками элементов рассуждающе - импровизационного стиля в своей профессиональной деятельности, отмечается снижение сензитивности (-0,571); при повышении компетентности увеличивается уровень самоактуализации (0,543), предпочтения определенных ценностных ориентаций(0,547); способности быстро подстраиваться под ситуацию (0,548); при увеличении самопринятия увеличивается понимание личностных особенностей окружающих (0,407); при увеличении синергичности, отмечается снижение контактности, обусловленное стремлением к целостному осознанию окружающего социума (-0,580). Не понятно, о чем это говорит?

Социальные работники первой квалификационной категории: – при повышении общительности снижается гибкость (-0,391), увеличивается выраженность экспрессивности (0,404), снижающаяся с повышением эмоциональной стабильности (-0,335); – при повышении нормативности поведения снижается выраженность применения элементов эмоционально- мотивационного (-0,309), и рассуждающе-импровизационного стиля деятельности (-0,336); – при повышении эмоциональной стабильности снижается понимание личностных особенностей окружающих(-0,428), наряду с увеличением контактности (0,430); – при увеличении доминантности, увеличивается направленность на свой внутренний мир и переживания (0,414);– при увеличении подозрительности, повышается принятие агрессивности (0,391 – при повышении тревожности увеличивается стремление к познанию (0,362), также увеличивающееся при повышении самовосприятия (0,375); – при применении преимущественно рассуждающе- импровизационного стиля деятельности, снижаются самоактуализационная компетентность (-0,335) и контактность (-0,341); – при применении рассуждающе- методического стиля деятельности, повышается сензитивность личности 0,326); – при повышении выраженности самоподдержки, увеличивается стремление к определенным ценностным ориентациям (0,311); – при повышении спонтанности, снижается самопринятие (-0,311). При повышении чего-то что-то понижается или повышается. О чем это говорит?

Библиография не соответствует теме: только два отечественных источника касаются психологии (2,5), остальные посвящены социальной работе; иностранная литература – психологическому здоровью и выгоранию (кроме собственных работ: 19,20).

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Выводы: «у социальных работников с высшей квалификационной категорией, со значительным стажем профессиональной деятельности, отмечается снижение интенсивности взаимосвязи личностных установок и особенностей профессионального развития, что обусловлено личностными особенностями: у них в большей степени выражены показатели доминантности, высокой нормативности поведения, они в большей степени самостоятельны в сравнении с работниками первой категории и уверены в себе, добросовестны, и ответственны за свои действия, умеют настоять на своем, и стремятся к соблюдению установленных норм и правил». Скорее наоборот, стиль профессиональной деятельности приводит к определенным личностным особенностям, точнее к профессиональному выгоранию.

«Социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны, с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью

на свой внутренний мир, легким отказом от практических рассуждений по проблеме, в сравнении с социальными работниками высшей категории которые отличаются большей практичностью». Описаны непрофессионалы, а мечтатели.

«Социальными работниками высшей квалификационной категории в большей степени отдается предпочтение применению эмоционально - методического стиля, с характерной ориентацией на процесс и его результативность, с адекватным планированием, высокой оперативностью и возможным преобладанием интуитивности, в сравнении с социальными работниками первой квалификационной категории». А где индивидуально-личностные характеристики?

«И та и другая группы работников имеют высокие показатели самоактуализации, однако респонденты первой квалификационной категории, более контактны, настроены на межличностное взаимодействие, быстрее реагируют на ситуацию и способны к самопринятию в сравнении с респондентами высшей квалификационной категории». Что этим хотел сказать автор? О профессиональном выгорании?

Интерес читательской аудитории: поначалу кажется интересной статьей, но по мере углубления в содержание интерес теряется.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Влияние индивидуально – личностных характеристик социальных работников на стиль профессиональной деятельности»

Предмет исследования заявлен автором статьи напрямую - влияние индивидуально-личностных особенностей социального работника на формирование стиля профессиональной деятельности социальных работников.

Название статьи противоречиво четко отражает суть работы.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор 23 литературных источников.

Эмпирическая часть исследования представлена исследованием выборки из 46 человек - все женщины, в возрасте 27 - 50 лет, с различным стажем профессиональной деятельности и с первой или высшей квалификационной категорией. Описание группы по данным критериям детально представлено в статье. Организационно исследование строится как сравнение групп социальных работников с разными квалификационными категориями.

В исследовании используются различные методы:

1. 16- факторный опросник Кетелла,
2. Опросник стилей деятельности «СД 36» А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой (адаптация опросника "LearningStylesQuestionnaire" П. Хони и А. Мэмфорда).
3. Исследование индивидуального стиля профессиональной деятельности (адаптированный для социальных работников) - А.И. Маркова

В исследовании применены количественные методы, что позволяет оценить научность и достоверность полученных данных. Так, автор использует анализ средних значений, подсчет процентов, сравнение групп по U- Критерию Манна-Уитни.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению индивидуальных особенностей профессиональной деятельности всегда был приоритетным в психологических исследованиях. Применительно к профессии

социальных работников он вполне объясним необходимостью привлечения в данную сферу не просто сотрудников, а обладателей конкретных личностных характеристик. Научная новизна – автором не заявлены параметры научной новизны. В самой статье она не прослеживается. Но в силу заявленной темы статья имеет более прикладной характер, чем научный. В ней проверяются частные гипотезы типа - социальные работники первой квалификационной категории в большей степени мечтательны, с богатым воображением, склонностью к абстракциям, ориентированностью на свой внутренний мир, в сравнении с социальными работниками высшей категории которые отличаются большей практичностью.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она отличается высоким уровнем проработки. Представлен обзор отечественных статей по вопросам карьерных ориентаций, стилей деятельности, и всем возможным факторам, определяющим эффективность профессиональной деятельности.

В основной части статьи представлена работа над целью - изучение влияния индивидуально-личностных характеристик и стиля профессиональной деятельности социальных работников.

В заключении автор делает выводы об отличительных характеристиках групп испытуемых.

Стиль изложения доступен для восприятия. Статья содержит графики, таблицы, которые иллюстрируют полученные результаты исследования, в том числе по группирующим переменным.

Стиль статьи соответствует требованиям научности. Оформлен грамотно, без существенных нарушений.

Библиография

Насчитывает 23 литературных источника, в том числе издания на английском языке. Среди литературных источников представлены монографии, статьи, классические издания, сборники материалов конференций. Они датированы разными периодами, в том числе 2017-22 годом. Список оформлен в соответствии с требованиями к публикациям.

Данный список литературы можно рассматривать как подборку источников по заявленной теме.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации. Незначительные замечания касаются аналитической части работы. Например, лучше применить факторный анализ, а не корреляционный. В качестве рекомендаций можно предложить рассмотрение в статье профессионального стандарта "Социальный работник" и привязку ее результатов нормативно-правовым актом в виде Стандарта. Но данные рекомендации не умаляют ценности работы.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – педагогов, социальных работников, психологов, исследователей и преподавателей психологии.

Англоязычные метаданные

Features of the Psychographic Portrait of the Residents with Criminal Record living in Northern Territories and the Arctic Zone of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

Naumenko Evgenii Aleksandrovich

Doctor of Psychology

Professor, Yugra State University

628011, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16, office 303

✉ hea2004@mail.ru



Naumenko Olga Nikolaevna

Doctor of History

Leading Researcher, Yugra State University

628011, Russia, KhMAO-Yugra region, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16, office 303

✉ oolgann@mail.ru



Abstract. The psychographic features of the personality of residents of various regions of the Russian Federation are an interesting and insufficiently studied phenomenon from the standpoint of psychological knowledge. In our opinion, it is convenient to present such a phenomenon in the framework of personality research in the form of a psychological portrait - a kind of model structure reflecting the psychological characteristics of the object of research. The subject of the study is the elements of the psychological portrait of the personality of the studied contingent, the features of which constitute the content of the model of the psychographic portrait of the inhabitants of the northern territories. The parameters and model characteristics of the personality of the studied sample of residents of the region may be of interest to a wide range of very different practices – pedagogical, managerial, legal, professional and others. Separate, compositional parameters of model characteristics are presented in the study, which will form the basis of a general psychographic model of the personality of residents of the northern regions of Khma-Yugra and YNAO who have experience of illegal behavior. Such research is relevant and oriented in the practice of pedagogical, legal work with the population of the marked regions. If possible, a similar practice of scientific research on the presented topic can be transferred to other regions of the North and the Arctic zone of the Russian Federation. The solution of this task is a systematic part of the research project of the Russian Academy of Sciences under the general title "Experience in the application of customary law, history and humanization of penitentiary institutions of Ugra within the framework of European and Russian traditions (late XVI - early XXI centuries)". The research is of practical importance and its results, we hope, will be in demand by specialists from a wide range of various social practices. The main, generalized conclusion of the study is statistically confirmed personality traits of the studied contingent, reflecting the model characteristics of their originality regarding illegal behavior.

Keywords: statistical analysis, modeling, psychometrics, factology, nationality, personality, territory, illegal behavior, psychographic portrait, north

References (transliterated)

1. Adaptatsiya lichnosti po oprosniku SPA A.K. Osnitskogo. URL: http://studopedia.ru/10_19850_adaptatsii-lichnosti-po-oprosniku-spa-akosnitskogo.html
2. Boiko V.V. Metodiki ekspress-diagnosticski emotsional'nosti. <https://xn--123-3ed8d.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/06/Metodiki-diagnosticski-emotsionalnoj-sfery.pdf>
3. Psikhologicheskaya testoteka. Standartnye progressivnye matritsy M. Ravena. <http://testoteka.narod.ru/int/1/07.html>
4. Lobova V.A. Sotsial'no-psikhologicheskie zakonomernosti genezisa depressivnykh sostoyanii u naseleniya krainego Severa. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk. Nadym, 2007. 34 s.
5. Bystrov A.N. Issledovanie struktury lichnosti podrostka Severa. M.: Izd-vo «Flinta», 2018. 425 s.
6. Lukin Yu.F. Arkticheskie sotsial'nye fobii // Arktika i Sever. 2012. № 5. S. 2-15.
7. Egorova A.I., Davydova V.Ya. Analiz psikhicheskogo sostoyaniya spetsialistov, rabotayushchikh v arkticheskikh usloviyakh // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2018. Tom 9. № 10. S.20-35.
8. Naumenko O.N., Naumenko E.A., Tkacheva T.V., Tkachev B.P., Moldanova T.A., Kharina N.S. Prirodno-klimaticheskoe i geliomagnitnoe vliyanie na transformatsiyu kul'tur na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Yugry. V sb.: Sotsiokul'turnoe, pravovoe i ekonomicheskoe razvitie Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh statei. Tyumen', 2019. S. 219-230.
9. Naumenko E.A., Naumenko O.N. Issledovanie intuitivnykh faktorov asotsial'nykh riskov v psikhotypakh i kul'turakh molodezhi Severnogo regiona Zapadnoi Sibiri kak novaya nauchnaya problema // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2021. № 6. S.5-9.
10. Naumenko E.A., Naumenko O.N., Abdulin A.G. Osobennosti lichnostnoi identifikatsii molodezhi severnogo regiona // Gumanitarnye nauki. 2021. № 2 (54). S. 107-113.
11. Zhumaboeva A.I., Naumenko E.A. Sotsial'noe vospriyatie mer profilakticheskoi raboty v sfere otklonyayushchegosya povedeniya podrostkov v usloviyakh Severa. V sb.: «Razvitie Arktiki i priarkticheskikh regionov Rossii». Sbornik nauchnykh statei. Tyumen': 2020. S. 178-185.
12. Pashentseva K.D. Psikhologicheskoe modelirovanie problemnykh situatsii v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov patrol'no-postovoi sluzhby politzii // Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitel'noi deyatel'nosti: vzaimodeistvie nauki, normotvorchestva i praktiki. M.: 2018. S. 384-387.
13. Kanavina S.S. Psikhologicheskoe modelirovanie: formirovanie avtorskoj trekhfaznoi modeli kinoprofilaktiki // Metodologiya sovremennoi psikhologii. 2021. № 13. S. 123-135.
14. Mel'nikov V.M., Yurov I.A. Psikhologicheskoe modelirovanie sportivnoi uspešnosti // Sportivnyi psikholog. 2016. № 1 (40). S. 34-36
15. Kharitonova E.V. Psikhologicheskoe modelirovanie organizatsionnoi kul'tury: teoriya i praktika // Psikhologiya. Ekonomika. Pravo. 2014. № 2. S. 116-117.
16. Kidinov A.V. Psikhologicheskoe modelirovanie vnutrigruppovykh konfliktnykh // Diskussiya. 2012. № 3. S. 121-124.
17. Khokh I.R., Farakh'yanova A.K. Lichnostnye osobennosti individov, sklonnykh k riskovannomu povedeniyu // SMAL'TA. 2014. № 1. S. 21-25

18. Puzanova Zh.V., Larina T.I., Gasparishvili A.T., Radkevich K.V., Zakharova S.V. Lichnostnye kharakteristiki uchastnikov fokus-gruppovogo issledovaniya kak faktor povysheniya kachestva dannyykh // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2021. T. 21. № 4. S. 722-738.
19. Sobkin V.S., Lykova T.A. Lichnostnye osobennosti i reaktsii na frustratsiyu // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2018. T. 26. № 1 (99). S. 7-28.
20. Baradakova N.V. Lichnostnye korrelyaty predstavlenii o tsennostyakh chastnoi zhizni // Gumanizatsiya obrazovaniya. 2015. № 3. S. 54-59.

The Influence of Anxiety on the Self-Regulation of Psychological Counseling Clients in a Situation of Uncertainty

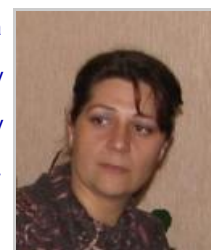
Martyanova Galina Yurievna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Educational Psychology, Moscow City Teachers Training University

129226, Russia, Moscow, 2nd agricultural passage, 4

✉ martyanova94@yandex.ru



Abstract. Experiencing anxiety in an uncertain event becomes a way of reacting that makes changes in coping processes, primarily disrupting conscious regulatory activity. The article presents the results of the analysis of the influence of anxiety on the parameters of the style of conscious self-regulation in a pandemic situation. The study is based on the provisions of the theory of conscious self-regulation by O. A. Konopkin. The study involved psychological counseling clients who voluntarily seek help. Anxiety was studied by its types, the diagnosis of the style parameters of self-regulation was carried out using the technique "Style of self-regulation of behavior - SSP" by V. I. Morosanova. The effect of anxiety on self-regulation was determined by regression analysis. The results indicated the equivalent severity of the types of anxiety: personal, situational, subclinical. A significant result of the study was the fact of the anxiety of the subjects about the regression of psychotherapeutic skills in a situation of uncertainty. The analysis of the style parameters of self-regulation showed violations in the structure of activity planning, modeling conditions, building action programs and evaluating the results obtained. Regression models indicated differentiated determination by types of anxiety of regulatory blocks. These studies allow us to expand our understanding of the violated ways of responding to psychological counseling clients in stressful situations. The results can be used in the development of the psychotechnical component of the process of providing assistance to the subjects of a situation of uncertainty.

Keywords: goal setting, reactive anxiety, personal anxiety, self-regulatory style, psychological counseling, situation of uncertainty, self-regulation, anxiety, behavior model, tolerance for uncertainty

References (transliterated)

1. Alekhin A. N., Dubinina E. A. Pandemiya: kliniko-psikhologicheskii aspekt // Arterial'naya gipertenziya. 2020. № 26 (3). S. 312-316. doi:10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316
2. Banshchikova T. N., Morosanova V. I. Mediatornaya rol' akkul'turatsionnykh ustanovok vo vzaimosvyazi komponentov osoznannoi samoregulyatsii i sotsiokul'turnoi adaptatsii // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2019. № 7 (6). S. 50-57.

3. Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. Struktura sotsial'noi trevozhnosti Rossiiskogo obshchestva: gendernyi aspekt // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T. 28. № 52. S. 24–35. doi: 10.19181/nko.2022.28.2S.2
4. Konopkin O. A. Osoznannaya samoregulyatsiya kak kriterii sub'ektnosti // Voprosy psikhologii. 2008. № 3. S. 22–34.
5. Kryukova T. L., Ekimchuk O. A., Opekina T. P., Shipova N. S. Stress i sovladanie v sem'e v period samoizolyatsii vo vremya pandemii COVID-19 // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2020. № 11 (4). S. 120–134. doi: 10.17759/sps.2020110409
6. Mart'yanova G. Yu. Dinamika regul'yatornoi aktivnosti sub'ekta v trudnoi zhiznennoi situatsii // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 2014. № 3 (34). S. 122–132. doi:10.15382/sturIV201434.122-132
7. Mart'yanova G. Yu. Samodeterminatsiya sub'ekta napryazhennoi situatsii: antropopsikhologicheskii podkhod // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2016. № 10 (97). S. 829–833. doi: 10.7256/2454-0722.2016.10.22070
8. Pavlova E. M., Kornilova T. V. Triada «tolerantnost' k neopredelennosti — emotsional'nyi intellekt — intuitivnyi stil'» i samootsenka kreativnosti u lits tvorcheskikh professii // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2019. Tom 11. № 1. S. 107–117. doi: 10.17759/psyedu.2019110109
9. Salikhova A. B. Tsennostnye osnovaniya tolerantnosti lichnosti k neopredelennosti // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 2 (136). S. 132–141. doi: 10.25730/VSU.7606.20.032
10. Sorokin M. Yu., Kas'yanov E. D., Rukavishnikov G. V., Makarevich O. V., Neznakov N. G., Lutova N. B., Mazo G. E. Struktura trevozhnykh perezhivaniy, assotsiirovannykh s rasprostraneniem COVID-19: dannye onlain-oprosa // Vestnik RGMU. 2020. № 3. S. 77–85. doi: 10.24075/vrgmu.2020.030
11. Asmundson G., Paluszczek M. M., Landry C. A., Rachor G. S., McKay D., Taylor S. Do pre-existing anxiety-related and mood disorders differentially impact COVID-19 stress responses and coping? // Journal of Anxiety Disorders. 2020. № 74. P. 102271. doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102271
12. Freeston M., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // The Cognitive Behaviour Therapist. 2020. № 13 (31). P. 1–15. doi:10.1017/S1754470X2000029X
13. Sankar R., Robinson L., Honey E., Freeston M. 'We know intolerance of uncertainty is a transdiagnostic factor but we don't know what it looks like in everyday life': a systematic review of intolerance of uncertainty behaviours // Clinical Psychology Forum. 2017. № 296. P. 10–15.

Features of the Motivational and Value Sphere of Students of Different Courses of Study

Tolstykh Liliya Raisovna 

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Faculty of Psychology and Teaching at Transbaikal State University

672000, Russia, Zabaikal Region, Chita, Babushkina's str., 129

✉ TLR-TLR@mail.ru

Gol'bert Evgeniya Vladimirovna 

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Education Psychology, Faculty of Psychology and Teaching at Transbaikal State University

672000, Russia, Transbaikal Region, Chita, Babushkin's str., 129

✉ evg5539@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to determine the features of the motivational and value sphere of students of different courses of study. It was suggested that: 1. there are specific features of the motivational-value sphere of students studying at different courses; 2. there is a relationship between the course of study and motivational-value indicators of students. Research methods: "Study of motives of students' educational activity" modified by A.A. Rean, V.A. Yakunin, "Morphological test of life values" by V. F. Sopov, L. V. Karpushina, "Anchors of career" adaptation by V.A. Chiker, V.E. Vinokurova. The study was attended by students of 1-4 courses of the FSUE VO "ZabGU", in the direction of training 44.03.02 Psychological and pedagogical education. 75 people participated in the study. As a result of the study, it was found that the majority of students, regardless of the course of study, have formed spiritual, moral and altruistic values of their future profession. The educational motivation of first and second year students is more focused on the successful implementation of educational and cognitive activities. External motivations of educational motivation, such as social approval/punishment for senior students are non-priority and ineffective in the process of educational activity. The career orientations of junior students are of a mixed nature. For senior students, the nature of career orientations becomes more differentiated, a limited number of orientations dominate. A special contribution of the authors to the study of the topic is the established relationship between the course of study and indicators of the motivational and value sphere, such as: to ensure the success of future professional activity, one's own prestige, high financial status and the preservation of one's own individuality, as well as the establishment of an inverse relationship between the course of study and the indicator of successfully studying, passing exams with excellent and good grades.

Keywords: personal values, professional activity, career orientations, value-motivational sphere, value orientations, values, motives, personal meaning, personality, profession

References (transliterated)

1. Bubnovskaya O. V. Issledovanie vzaimosvyazi tsennostnykh i smyslozhiznennykh orientatsii studentov //Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva. 2017. №. 25. S. 167-173.
2. Zeer E.F. Psikhologiya professii. M.: Akademicheskii Proekt, 2003. 336 s.
3. Karpov A.B. Psikhologiya truda: uchebnik / Pod. red. A.B. Karpova. M.: Akademiya, 2014. 258 s.
4. Kuznetsova E. G. Lichnostnye tsennosti: ponyatie, podkhody k klassifikatsii //Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. №. 10 (116). S. 25-31.
5. Labyntseva I. S. Otnoshenie k budushchei professii studentov s raznym urovnem uchebnoi aktivnosti //Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. 2021. T. 135. №. 10. S.58-63.
6. Lavrinovich T. M. Osobennosti tsennostno-motivatsionnoi sfery lichnosti budushchikh

- psikhologov na raznykh etapakh protsessa ikh professionalizatsii //Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2018. T.
7. №. 4. S. 35-45. 7. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii. M.: Izd-vo Mosk. unta, 1971. 40 s.
 8. Markova A.K. Psikhologiya professionalizma. M.: Znanie, 1996. 308 s.
 9. Nemov R.S. Obshchaya psikhologiya. M.: Rech', 2015. 294 s.
 10. Nugaeva A. N. Motivatsionno-tsennostnaya sfera lichnosti spetsialista-psikhologa kak osnova ego professional'nogo razvitiya //Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Gertsena. 2018. № 5. S.74-78.
 11. Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva: Ucheb. Posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001. 480 s.
 12. Khokhauzen Kh. Motivatsiya i deyatelnost'. M.: Smysl, 2003. 860 s.

Professional Stress in Law Enforcement: Foreign and Domestic Research Experience

Yakimova Zoya Vladimirovna 

PhD in Psychology

Associate professor, Department of Humanities, Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

690087, Russia, Primorskiy krai, g. Vladivostok, ul. Kotelnikova, 21

✉ yakimovazoya@yandex.ru

Abstract. The object of the study is professional stress, which is understood as a particular variant of the general adaptation syndrome, which is a functional state associated with the performance of professional activity, expressed in mental and physical reactions to stressful work situations that arise under the influence of emotionally negative and extreme factors. The subject of the study is the categories of professional stress analysis of Russian police officers. The purpose of the study is a comparative analysis of the experience of foreign and domestic studies of professional stress in law enforcement; identification of categories of analysis of professional stress on a sample of Russian police officers. In the empirical part, a content analysis of respondents' responses to a subjective description of professional stress situations is carried out. The main conclusions of the study are:

1. The topic of professional stress in the activities of law enforcement agencies has received quite a lot of attention in both foreign and domestic studies, but they are of a private detailed nature, comprehensive studies, there is no integration of results.
2. The efforts of foreign researchers are aimed at developing trainings and training programs for coping with stress and rehabilitation of both active and retired officers. Domestic researchers propose to introduce stress resistance trainings already in the process of training cadets and undergoing initial police training, which is quite appropriate. For current employees, domestic researchers suggest using general psychological tools for psychocorrection of stress, but it should be adapted to the specifics of the professional activities of police officers.
3. The conducted content analysis of Russian police officers' perceptions of professional situations that cause stress revealed 8 key units of analysis: competencies; work parameters; social interaction; working conditions and organization; threat to personal safety; imbalance; dissatisfaction; personal fears and worries. The high role of personal subjective perception of

professional stress situations is illustrated.

4. Promising directions for further research of the topic are highlighted

Keywords: conflict with colleagues, conflict with the manager, analysis category, stress factor, content analysis, policeman, law enforcement activities, professional stress, conflict with citizens, intrapersonal conflict

References (transliterated)

1. Naidenova S.V., Ponomarev P.A. Professional'nyi stress: spetsifika vozniknoveniya i ego psikhologo-ekonomicheskie posledstviya // *Sovremennye innovatsii*. – 2015. – № 2(2). – S. 97-100.
2. Sandvik, A.M., Gjevestad, E., Aabrekk, E. et al. Physical Fitness and Psychological Hardiness as Predictors of Parasympathetic Control in Response to Stress: a Norwegian Police Simulator Training Study. *J Police Crim Psych* 35, 504-517 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09323-8>
3. Ermasova, N., Cross, A.D. & Ermasova, E. Perceived Stress and Coping Among Law Enforcement Officers: an Empirical Analysis of Patrol Versus Non-patrol Officers in Illinois, USA. *J Police Crim Psych* 35, 48-63 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09356-z>
4. Kerswell, N.L., Strodl, E., Johnson, L. et al. Mental Health Outcomes Following a Large-Scale Potentially Traumatic Event Involving Police Officers and Civilian Staff of the Queensland Police Service. *J Police Crim Psych* 35, 64-74 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9310-0>
5. Husain, W. Depression, Anxiety, and Stress Among Urban and Rural Police Officers. *J Police Crim Psych* 35, 443-447 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09358-x>
6. Murad, M., Jiatong, W., Shahzad, F. et al. The Influence of Despotic Leadership on Counterproductive Work Behavior Among Police Personnel: Role of Emotional Exhaustion and Organizational Cynicism. *J Police Crim Psych* 36, 603-615 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09470-x>
7. Craddock, T.B., Telesco, G. Police Stress and Deleterious Outcomes: Efforts Towards Improving Police Mental Health. *J Police Crim Psych* 37, 173-182 (2022). <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09488-1>
8. Heusler, B., Sutter, C. Gaze Control and Training for High-Stress Situations in Law Enforcement: a Systematic Review. *J Police Crim Psych* 35, 401-413 (2020). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09338-1>
9. Grupe, D.W., McGehee, C., Smith, C. et al. Mindfulness Training Reduces PTSD Symptoms and Improves Stress-Related Health Outcomes in Police Officers. *J Police Crim Psych* 36, 72-85 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09351-4>
10. Lark, S., Kurtovich, R., de Terte, I. et al. The Effect of High-Intensity Intermittent Exercise on Chronic Stress and Potential Biomarkers: a Pilot Study. *J Police Crim Psych* 36, 41-48 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9303-z>
11. Viegas, V., Henriques, J. Job Stress and Work-Family Conflict as Correlates of Job Satisfaction Among Police Officials. *J Police Crim Psych* 36, 227-235 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-020-09388-w>
12. Chitra, T., Karunanidhi, S. The Impact of Resilience Training on Occupational Stress, Resilience, Job Satisfaction, and Psychological Well-being of Female Police Officers. *J Police Crim Psych* 36, 8-23 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11896-018-9294-9>
13. Janssens, K.M.E., van der Velden, P.G., Taris, R. et al. Resilience Among Police

- Officers: a Critical Systematic Review of Used Concepts, Measures, and Predictive Values of Resilience. *J Police Crim Psych* 36, 24-40 (2021).
<https://doi.org/10.1007/s11896-018-9298-5>
14. Singo, C., Shilubane, H.N. How Do Police Officers Cope with Stress? A Quali-tative Study. *J Police Crim Psych* 37, 984-992 (2022). <https://doi.org/10.1007/s11896-022-09556-0>
 15. Pryakhina M. V. Vliyanie vnutriorganizatsionnykh istochnikov stressa na nervno-psikhicheskuyu adaptatsiyu sotrudnikov organov vnutrennikh // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2010. – № 3(47). – S. 233-238.
 16. Shikhova A. P. Professional'nyi stress v deyatel'nosti sotrudnikov spe-tsializirovannykh podrazdelenii doznaniya organov vnutrennikh del // *Vestnik psikhoterapii*. – 2007. – № 24(29). – S. 207-210.
 17. Sizova V. V., Blokhina M.V. Professional'nyi stress kak predmet nauch-nogo analiza: teoreticheskie i prikladnye aspekty // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki*. – 2020. – № 2(21). – S. 76-82.
 18. Mikhailova T. V. Psikhologicheskie posledstviya professional'nogo stressa sredi sotrudnikov organov vnutrennikh del // *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti*. – 2018. – № 3. – S. 49-51.
 19. Krasilov O. V. Professional'nyi stress v professional'noi deyatel'no-sti sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii // *Aktu-al'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. – 2023. – № 23-2. – S. 280-281.
 20. Lavrenko A. V. Problema koping-povedeniya sotrudnikov politsii pri nesenii sluzhby v usloviyakh professional'nogo stressa // *Azimut nauch-nykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. – 2020. – T. 9, № 4(33). – S. 339-342. – DOI 10.26140/anip-2020-0904-0077
 21. Zhidkova O. A. Analiticheskii obzor problemy professional'nogo stressa i stress-preodolevayushchego povedeniya sotrudnikov politsii // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2016. – № 50-3. – S. 276-282.
 22. Kostenko E. M., Ognev S.A. Prakticheskii instrumentarii psikhologicheskoi raboty s professional'nym stressom // *Mirovye tsivilizatsii*. – 2021. – T. 6, № 2. – S. 77-86.
 23. Galimova A. G., Khasanova D.A. Profilaktika stressa u sotrudnikov organov vnutrennikh del s pomoshch'yu dykhatel'nykh tekhnik // *E-Scio*. – 2019. – № 11(38). – S. 657-664.
 24. Nezhkina L. Yu. Psikhofizicheskii trening kak sredstvo profilaktiki professional'nogo stressa sotrudnika organov vnutrennikh del // *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2017. – № 4(78). – S. 113-117.
 25. Kuvaeva I. O. Osobennosti organizatsii kontsepta «stress» u rabotnikov s raznym urovnem professional'nogo stressa // *Vestnik Kostromskogo gos-udarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. – 2020. – T. 26, № 1. – S. 112-117.

The Study of Adolescents' Perception of the Psychological Safety of the Educational Environment

Iakimanskaia Irina 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Clinical Psychology and Psychotherapy, Orenburg State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

460000, Russia, Orenburg region, Orenburg, ul. Sovetskaya, 6

✉ Yakimanskay@narod.ru

Molokostova Anna Mikhailovna 

PhD in Psychology

Docent, Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis - non-governmental educational private institution of higher education

121170, Russia, Moscow region, Moscow, Kutuzovsky Avenue, 34, building 14

✉ molokostova@yandex.ru

Abstract. Subject, purpose of the work. The empirical study was aimed at studying the parameters of the psychological safety of the educational environment as a component of the children's social experience of adolescents. A new approach to the study of adolescents' perceptions of safety in terms of their changes over a long period of time – from 2016 to 2022.

The research method was a survey of teenagers, students of schools in Orenburg and the Orenburg region according to the questionnaire proposed by us, which includes modifications of the methods of I.A. Baeva (Psychological diagnostics of the safety of the educational environment of the school) and D.A. Leontiev (SO – test of life orientations), The survey was conducted twice, in 2016 and in 2022.

Results. An increase in the number of responses indicating the absence of fears and social risks associated with the social environment was found, and a decrease in the number of responses about the manifestations of danger in the educational environment was also noted. The resources of assistance in dangerous situations in two dimensions are indicated by parents and friends, a small number of respondents turn to teachers. A positive trend can be noted in the fact that most teenagers are able to turn to adults for help in difficult situations. There was also no significant dynamics in the answers to questions about significant and easily accessible values, the most easily accessible values are active life, cognition and the presence of friends.

Conclusions. Significant dynamics in the assessment of the educational environment by teenagers of schools in Orenburg and the Orenburg region were not found. However, the polarization of assessments confirms that some adolescents experience difficulties in real interaction in the educational environment, which clearly leads to negative social experience, the formation of stable qualities - helplessness and passivity.

Keywords: survey, easily achievable values, significant values, social risks, assistance resources, children's social experience, adolescents, assessment of the educational environment, Psychological safety, psychological support

References (transliterated)

1. Maslou, A. Novye rubezhi chelovecheskoi prirody [Tekst] / A. Maslou.-M.: Smysl, 2019.- 423 s.
2. Rodzhers K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka [Tekst] / K. Rodzhers.- M.: Progress, 2017.-479 s.
3. Abul'khanova-Slavskaya, K.A. Strategiya chelovecheskoi zhizni [Tekst] / K.A. Abul'khanova-Slavskaya.-M.: Mysl', 2018.-299 s.
4. Rodzhers K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka [Tekst] / K. Rodzhers.- M.: Progress, 2017.-479 s.

5. Vetrova, V. V. Uroki psikhologicheskogo zdorov'ya : (Ruk. dlya psikhologov, pedagogov i roditel'ei po razvitiyu lichnosti rebenka doshk. i ml. shk. vozrasta) / V. V. Vetrova.-M. : Ped. o-vo Rossii, 2000.-183,
6. Salikhova, L. B. Stanovlenie individual'nogo opyta mladshikh shkol'nikov v zavisimosti ot stilya roditel'skogo otnosheniya [Tekst]: diss. kand. psikh. nauk: 19.01.07 / L.B. Salikhova.-M., 2017.-157 s.
7. Nurkova, V.V. Svershennoe prodolzhaetsya: psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti [Tekst] / V.V. Nurkova.-M.: URAO, 2019.-315 s.
8. Korneev, P.V. O ponyatii zhiznennogo opyta / P.V. Korneev [Tekst] // Filosofskie nauki.-2019.-№ 1.-S. 143-147.
9. Model' psikhologicheskoi bezopasnosti podrostantka v obrazovatel'noi srede / I. A. Baeva, E. B. Laktionova, L. A. Gayazova, I. V. Kondakova // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2019. – № 194. – S. 7-18.
10. Baeva, I. A. Lichnostnye resursy psikhologicheskoi bezopasnosti podrostantkov i molodezhi v obrazovatel'noi srede / I. A. Baeva, L. A. Gayazova, I. V. Kondakova // Integratsiya obrazovaniya. – 2021. – T. 25. – № 3(104). – S. 482-497.
11. Baeva, I. A. Psikhologicheskaya bezopasnost' podrostantkov v obrazovatel'noi srede: faktory riska i zashchitnye faktory / I. A. Baeva, I. V. Kondakova // Sotsial'no-psikhologicheskie problemy prosotsial'nogo povedeniya sovremennogo pokoleniya detei i molodezhi : Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sevastopol', 14–15 oktyabrya 2022 goda. – Sevastopol': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie "Institut prirodno-tekhnicheskikh sistem", 2022. – S. 12-17.
12. Kalaeva, A. A. Osobennosti vzaimosvyazi psikhologicheskoi bezopasnosti psikhologicheskogo blagopoluchiya podrostantkov v obrazovatel'noi srede / A. A. Kalaeva // Nauchnyi al'manakh. – 2019. – № 1-2(51). – S. 194-197.
13. Lednev, B.C. Soderzhanie obrazovaniya: sushchnost', struktura, perspektivy [Tekst] / B.C. Lednev.-M.: Vyssh. shkola, 2018.-223 s.
14. Biryukova, Yu.O. Razvitie lichnostnogo opyta mladshikh shkol'nikov v uchebnom protsesse [Tekst]: diss. kand. psikh. nauk / Yu.O. Biryukova.-Volgograd, 2019.-254 s.
15. Selivanov, A. N. Gendernyi aspekt vzaimosvyazi proaktivnogo povedeniya podrostantkov i psikhologicheskoi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy / A. N. Selivanov // Forum molodykh uchenykh. – 2020. – № 6(46). – S. 629-635.
16. Chepeleva, I. F. Vliyanie psikhologicheskoi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy na antivitall'nye perezhivaniya podrostantkov / I. F. Chepeleva // Aktual'nye issledovaniya. – 2021. – № 42(69). – S. 98-100.
17. Butorin, G. G. Faktory riska semeinoi destruktssii pri vynuzhdennoi migratsii / G. G. Butorin, L. A. Ben'ko // Obshchestvennoe psikhicheskoe zdorov'e: nastoyashchee i budushchee : Sbornik materialov VI Natsional'nogo kongressa po sotsial'noi psikhiiatrii i narkologii, Ufa, 18–20 maya 2016 goda. – Ufa: Federal'nyi meditsinskii issledovatel'skii tsentr psikhiiatrii i narkologii imeni V.P. Serbskogo, 2016. – S. 78-79.
18. Baeva, I. A. Psikhologicheskaya bezopasnost' podrostantkov v obrazovatel'noi srede: faktory riska i zashchitnye faktory / I. A. Baeva, I. V. Kondakova // Sotsial'no-psikhologicheskie problemy prosotsial'nogo povedeniya sovremennogo pokoleniya detei i molodezhi : Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sevastopol', 14–15 oktyabrya 2022 goda. – Sevastopol': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe nauchnoe uchrezhdenie "Institut prirodno-

tekhnicheskikh sistem", 2022. – S. 12-17.

The Study of the Relationship Between Anxiety and the Sociometric Status of Secondary School Teachers.

Potapova Ekaterina Vadimovna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

82 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660028, Russia

✉ potapowa.catia2011@yandex.ru

Anikina Marina Anatol'evna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660072, Russia

✉ exclus_ttt@mail.ru

Chistov Roman Sergeevich 

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Sociology, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660041, Russia

✉ chistovrs@mail.ru

Gudovskii Igor' Vital'evich 

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Siberian State University of Science and Technology. Academician MF. Reshetnev

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660074, Russia

✉ shepeleva2024@inbox.ru

Shepeleva Yuliya Sergeevna 

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University Prof. V.F. Voyno-Yasenetsky

660022, Russia, Krasnoyarsk, Partizan Zheleznyak str., 1

✉ shepeleva2024@inbox.ru

Abstract. Any teacher, when faced with various problematic and stressful situations in his professional activity, should be able to solve them promptly and effectively. To do this, first of all, he must have a low level of anxiety, since increased anxiety negatively affects the ability to rationally solve problematic situations.

We organized and conducted a study on the basis of Secondary School No. 12. Krasnoyarsk. 37 teachers of the school took part in it. The purpose of the study was to study the relationship between anxiety and the social status of a secondary school teacher.

We hypothesized that secondary school teachers with different social status in the group are characterized by differences in anxiety indicators, both in severity and in the ratio of its individual components. 1. Teachers with pronounced anxiety can occupy any status position, i.e. they can have any number of choices, both positive and negative. The social status is not affected by the level of anxiety among teachers

2. There is a relationship between anxiety and the factors that cause it, namely: between anxiety and frustration, between anxiety and self-expression, between anxiety and fear of colleagues.

Thus, the main hypothesis put forward by us that secondary school teachers with different social status in the group are characterized by differences in anxiety indicators, both in severity and in the ratio of its individual components, has not been confirmed. This means that modern teachers do not worry about their position, status, authority in the group.

Keywords: individual differences, conflict, development, education, activity, competence, teacher, sociometric status, anxiety, skills

References (transliterated)

1. Alasheev S.Yu., Bykov S.V. Sostoyaniya trevozhnosti u pedagogov // Sotsiologicheskii zhurnal. 1999. № 3-4. S. 115-122.
2. Verchenko I.A. Vliyanie trevozhnosti na professional'noe vygoranie pedagogov // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2021. T. 9. s.22-27.
3. Gonina O.O. Proyavlenie sindroma emotsional'nogo vygoraniya u pedagogov s raznym sotsiometricheskimi statusom v kollektive // Detskii sad: teoriya i praktika. 2014. № 11. S. 98-105.
4. Gunzunova B.A. Osobennosti vzaimosvyazi stilei samoregulyatsii i ustoichivoi trevozhnosti pedagogov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo. 2012. № 1. S. 74-80.
5. Kurnaeva I.T. Svyaz' statusa pedagogov v kollektive i vyrazhennosti faz emotsional'nogo vygoraniya // Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya. 2015. № 1 (1). S. 29-33.
6. Kuts A.N., Oblasova O.V. Issledovanie samosoznaniya pedagogov s raznym sotsiometricheskimi statusom / V sbornike: integratsiya nauki i praktiki kak uslovie tekhnologicheskogo proryva / Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh. 2017. S. 200-203.
7. Litueva E.V. Vzaimosvyaz' emotsional'nogo vygoraniya, trevozhnosti i stressoustoichivosti pedagogov doskol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya // Molodoi uchenyi. 2021. № 40 (382). S. 164-168.
8. Maralova T.P. Vzaimosvyaz' normativnosti povedeniya i sotsial'noi trevozhnosti u studentov-budushchikh pedagogov i psikhologov // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2022. № 2. S. 121-129.
9. Malenkova N.L. Pedagog učit mladshikh shkol'nikov spravlyat'sya s agressivnost'yu i trevozhnost'yu // Narodnoe obrazovanie. 2011. № 8 (1411). S. 253-260.
10. Mechik-Groznaya O.S., Vyaznikova L.F. Osobennosti emotsional'nogo intellekta u pedagogov s raznym sotsiometricheskimi statusom v professional'nom kollektive / V sbornike: Psikhologicheskaya nauka i praktika v sovremennom obshchestve: real'nost' i tendentsii razvitiya. / Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei E.N. Tkach. Khabarovsk, 2021. S. 227-230.
11. Rostovtseva M.V., Novopashina L.A., Nakonechnaya E.V., Arysheva A.P., Varfolomeeva Yu.S. Vliyanie kharakterologicheskikh osobennostei lichnosti na effektivnost' professional'noi deyatel'nosti pedagogov korrektsionnoi shkoly // Psikholog. 2022. № 3. S. 68-82.
12. Shabanova T.L. Trevozhnost' pedagoga i sposoby ee regul'yatsii / Monografiya / Saratov, 2014. 213 s.

13. Amen E.W., Renison N. A study of relationship between play pattern and anxiety in young children // Genetic Psychology Monographs, 1954. Pp. 3–41. Aronfreed J. The Concept of Internalization. / Handbook of Socialization. Theory and Research. Ch., 2020. pr. 21-42.
14. Baldwin A. L. A Cognitive Theory of Socialization. / Handbook of Socialization. Theory and Research. Ch., 1969. rp. 43-56.
15. Bronfenbrenner U. Two Worlds of Childhood US & USSR. N.-Y.: Russel Sage foundation, 1970. 190 p.
16. Cartwright D., Zandtr A. Group Dynamics. N.-Y.: Harper & Row, 2018.580 p.
17. Gammage Ph. Children & Schooling. Assess in childhood socialization. L., 2012. 478 p.
18. Gronlund N. E. The relative ability of homeroom teachers & special-subject teachers to judge the social acceptability of the pre-adolescent pupils. Educational Research. 2019. 369 p.
19. May R. The Meaning of Anxiety. New York: Roland Press Co.2011. 532 r.
20. Phillips B.N. School stress and anxiety: Theory, research and intervention. New York: Human Sciences Press, 1978. 542 r.
21. Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.D. STAI: Manual for the StateTrait Anxiety Inventory. Palo Alto, California: Consulting Psychologist Press, 2019. 745 r.

The Influence of Individual and Personal Characteristics of Social Workers on the Style of Professional Activity

Artyukhova Tat'yana Yur'evna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660028, Russia

✉ artyukhova2024@bk.ru

Ben'kova Oksana Anatol'evna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

79 Svobodnystr., Krasnoyarsk, 660032, Russia

✉ shulakovaoa@mail.ru

Barkanova Ol'ga Vladimirovna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Psychology, Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva

89 Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

✉ chistovrs@mail.ru

Fedorova Elena Prokop'evna 

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Maritime Law and International Law, Russian University of Transport

127994, Russia, Moscow, ul. Obraztsova, 9, of. 9

✉ epfedorova@mail.ru



Abstract. The success of social reform largely depends on the level of professionalism of a modern social worker, the degree of manifestation of his abilities, capabilities and the optimal choice of ways and means of implementing his professional activity, which will more closely correspond to his individual characteristics.

Object of research: professional activity of social workers

Subject of research: individual and personal characteristics of a social worker as a factor in the formation of the style of professional activity

The purpose of the study: to study the relationship of individual and personal characteristics and the style of professional activity of social workers.

Research methods:

1. Ketell's 16-factor questionnaire,
2. Questionnaire of activity styles "SD 36" by A.D. Ishkovai N.G. Miloradova (adaptation of the questionnaire "LearningStylesQuestionnaire" by P. Honey and A. Mumford).
3. Research of individual style of professional activity (adapted for social workers) - A.I. Markova

Thus, when studying the relationship between personal characteristics and the characteristics of the style of professional development of social workers, we determined that there is a relationship between personal attitudes and the features of the implementation of professional activities. It is also revealed that the qualification level has a significant impact on the nature of the relationship between personal characteristics and features of professional development. Thus, among social workers with the highest qualification category, with significant professional experience, there is a decrease in the intensity of the relationship between personal attitudes and features of professional development, which is due to personal characteristics: they have more pronounced indicators of dominance, high normativity of behavior, they are more independent in comparison with employees of the first category and are confident, conscientious, and responsible for their actions, are able to insist on their own, and strive to comply with established norms and rules

Keywords: activity, social workers, installations, personality, peculiarities, sociometric status, activity style, motivation, emotions, success

References (transliterated)

1. Antykova E.V. Teoreticheskaya sushchnost' sotsial'noi sub"ektnosti v podgotovke sotsial'nykh rabotnikov // Chelovek. Nauka. Sotsium. 2021. № 2 (6). S. 105-117.
2. Vlaskina I.V. Korrelyatsii professional'no vazhnykh kachestv i effektivnosti professional'noi deyatel'nosti rabotnikov sfery "chelovek-chelovek" // Obrazovanie i nauka. 2013. № 3 (102). S. 75-87.
3. Efimova E.V., Babayan A.V. Sotsial'no-kul'turnye tekhnologii v podgotovke studentov-budushchikh sotsial'nykh rabotnikov // Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2022. № 1. S. 7-10
4. Kulichenko R.M., Loginov A.V. Struktura valeologicheskoi kul'tury sotsial'nogo rabotnika // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014. № 12 (140). S. 23-30.

5. Knyazev A.V. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti vliyaniya stilya upravleniya na udovletvorennost' rabotnikov usloviyami deyatel'nosti // v sbornike: aktual'nye voprosy razvitiya sovremennykh tekhnologii. Sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Petrozavodsk, 2022. S. 175-179.
6. Lavrenenko I.M. Sotsial'naya rabota: problemy, poisk reshenii (voprosy professional'noi podgotovki i deyatel'nosti sotsial'nogo rabotnika) // Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty. 2021. № 3 (86). S. 234-240.
7. Libin A.A. Stil' cheloveka i okruzhayushchaya deistvitel'nost': bazovye parametry vzaimodeistviya // Priroda psikhicheskogo. - Perm': Nauka, 1994. S. 45-49.
8. Mavrina I.A., Kolbasin V.N. Kar'ernye orientatsii sotsial'nogo rabotnika kak uslovie ego effektivnoi deyatel'nosti v sotsial'nom uchrezhdenii // V sbornike: Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya v Sibiri. Omsk, 2018. S. 109-112
9. Mayatskaya K.S. Rol' spetsialista po sotsial'noi rabote v formirovanii zdorovogo obraza zhizni klienta // V sbornike: Aktual'nye problemy sotsial'no-ekologicheskoi kul'tury. mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Otv. redaktor B.G Akchurin. Ufa, 2020. S. 173-180.
10. Morosanova V.I. Individual'nyi stil' samoregulyatsii v proizvol'noi aktivnosti cheloveka // Psikhologicheskii zhurnal, 1995. t.16, № 4. S. 18-22.
11. Oleinikov V.A. Spetsifika podgotovki sotsial'nykh rabotnikov k mediko-sotsial'noi rabote // Chelovek. Nauka. Sotsium. 2022. № 2 (10). S. 173-193.
12. Romanina E.V. Osobennosti formirovaniya individual'nogo stilya trenera v protsesse professional'noi deyatel'nosti // Nauchno-teoreticheskii zhurnal. № 6, 2016. S.25-31
13. Rostovtseva M.V., Mashanov A.A., Kudashov V.I. Adaptive society: problems and prospects of its construction // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2015. № 1. S. 170-174.
14. Tarieva V.A. Podgotovka sotsial'nykh rabotnikov k resheniyu zadach sotsial'noi reabilitatsii // Vysshee obrazovanie segodnya. 2009. № 1. S. 72-73.
15. Shekhova R.N. Shkola sotsial'nogo rabotnika" kak odna iz form povysheniya kommunikativnoi kompetentnosti sotsial'nykh rabotnikov // Sotsiosfera. 2011. № 2. S. 79-81
16. Li Z., Xiang L., Junhao L., Mao J.Li., Feng B.Ji., Wang X. Technologies to support the psychological health and well-being of social workers in china in a professional environment // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. 2022. № 4. rr. 17-27.
17. Beicastro, P.A. Maslach Burnout Inventory: Factor structures for samples of teachers / P.A. Beicastro, R.S. Gold // Psychological Report, 1983. rr. 364-366.
18. Brill, P.L. The need for an operational definition of burnout / P.L. Brill // Family and Community Health, 2019. rr. 12-24.
19. Daniel, J. Psychological burnout in professions with permanent communication / J. Daniel, I. Shabo // Studia-Psychological, 1993. Vol. 35 (4-5). rr. 412-414.
20. Dolan, S.L. Individual, organizational and social determinants of managerial burnout: A multivariate approach / S.L. Dolan, S. Renaude // Journal of Social Behavior and Personality. 2020. Vol. 7 (1). rr. 95-110.
21. Maslach, C. Maslach Burnout Inventory Manual / C. Maslach, S.E. Jackson, M.P. Leiter. Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 2018. 52 p.
22. Mashanov A. A., Rostovtseva M .V. Methodological Research Vectors Of Personality Social Adaptation // Life Science Journal , 2014. № 11 (12). rr. 56-62
23. Mashanov A. A., Rostovtseva M .V., Kovalevitch I.A., Shaydurova O.V. Activity Nature

Of Social Adaptation Of Personality // Researcher 2015. 7(2). pp. 50-62.